УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
4 июля 2018 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 2 (2018)

(с изменениями, внесенными Президиумом 20 марта 2019 г., 25 апреля 2025 г.)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По гражданским делам

1. Районный коэффициент за работу в местностях с особыми климатическими условиями начисляется на заработную плату, минимальный размер которой установлен законом.

Прокурор обратился в суд с иском к районной больнице в интересах Б.Л., Б.О., Ж., Л., Р. и Т. о признании за ними права на заработную плату не ниже минимального размера оплаты труда с последующим начислением на нее районного коэффициента, применяемого в данной местности с особыми климатическими условиями, и о возложении на ответчика обязанности произвести перерасчет заработной платы истцам.

Ответчик возражал против иска, ссылаясь на то, что выплаченная истцам заработная плата в совокупности с районным коэффициентом была не ниже установленного в Российской Федерации минимального размера оплаты труда. Обязательное начисление районного коэффициента сверх минимального размера оплаты труда, по мнению ответчика, законом не предусмотрено.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, иск прокурора удовлетворен.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации состоявшиеся по делу судебные постановления отменены и принято новое решение об отказе в удовлетворении иска.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, отменяя определение суда кассационной инстанции, в целях обеспечения единообразия в толковании и применении судами норм права указал следующее.

Охрана труда и установление гарантированного минимального размера его оплаты относятся к основам конституционного строя в Российской Федерации (ч. 2 ст. 7 Конституции Российской Федерации).

Конституцией Российской Федерации закреплено право каждого на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда (ч. 3 ст. 37 Конституции Российской Федерации).

Конституция Российской Федерации гарантирует также равенство прав и свобод человека и гражданина и устанавливает, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием (ст. 18, ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации).

В качестве основных принципов регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений в ст. 2 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) указаны запрет дискриминации в сфере труда, равенство прав и возможностей работников, право каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы, обеспечивающей достойное человека существование для него самого и его семьи, и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда.

Во исполнение данных принципов на работодателя возложена обязанность обеспечивать работникам равную оплату за труд равной ценности (ст. 22 ТК РФ).

В соответствии со ст. 129 названного кодекса заработной платой (оплатой труда работника) признается вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а также компенсационные выплаты (доплаты и надбавки компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, работу в особых климатических условиях и на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, и иные выплаты компенсационного характера) и стимулирующие выплаты (доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные поощрительные выплаты) (часть первая); тарифной ставкой – фиксированный размер оплаты труда работника за выполнение нормы труда определенной сложности (квалификации) за единицу времени без учета компенсационных, стимулирующих и социальных выплат (часть третья); окладом (должностным окладом) – фиксированный размер оплаты труда работника за исполнение трудовых (должностных)

обязанностей определенной сложности за календарный месяц без учета компенсационных, стимулирующих и социальных выплат (часть четвертая); базовым окладом (базовым должностным окладом), базовой ставкой заработной платы – минимальные оклад (должностной оклад), ставка заработной платы работника государственного или муниципального учреждения, осуществляющего профессиональную деятельность по профессии рабочего или должности служащего, входящим в соответствующую профессиональную квалификационную группу, без учета компенсационных, стимулирующих и социальных выплат (часть пятая).

Согласно ст. 135 этого же кодекса заработная плата работнику устанавливается трудовым договором в соответствии с действующими у данного работодателя системами оплаты труда (часть первая).

Системы оплаты труда, включая размеры тарифных ставок, окладов (должностных окладов), доплат и надбавок компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, системы доплат и надбавок стимулирующего характера и системы премирования, устанавливаются коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права (часть вторая).

Частями пятой и шестой данной статьи установлено, что условия оплаты труда, определенные трудовым договором, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, не могут быть ухудшены по сравнению с установленными трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права.

Статьей 130 ТК РФ величина минимального размера оплаты труда в Российской Федерации включена в систему основных государственных гарантий по оплате труда работников.

В соответствии со ст. 133 названного кодекса минимальный размер оплаты труда устанавливается одновременно на всей территории Российской Федерации федеральным законом (часть первая), при этом месячная заработная плата работника, полностью отработавшего за этот период норму рабочего времени и выполнившего нормы труда (трудовые обязанности), не может быть ниже минимального размера оплаты труда (часть третья), а согласно части второй ст. 133^1 этого же кодекса размер минимальной заработной платы в субъекте Российской Федерации не может быть ниже минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом.

Конкретная сумма минимальной оплаты труда на соответствующий период устанавливается ст. 1 Федерального закона от 19 июня 2000 г.

№ 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» (с последующими изменениями) в едином размере для всей Российской Федерации без учета каких-либо особенностей климатических условий, в которых исполняются трудовые обязанности работников.

Между тем частью второй ст. 146 ТК РФ установлено, что труд работников, занятых на работах в местностях с особыми климатическими условиями, оплачивается в повышенном размере.

В соответствии со ст. 148 этого же кодекса порядок и размер оплаты труда на работах в местностях с особыми климатическими условиями устанавливаются трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 1997 г. № 1631 «О повышении районного коэффициента к заработной плате на отдельных территориях Алтайского края» на территории Благовещенского района Алтайского края в связи с тяжелыми климатическими условиями установлен районный коэффициент – 1,25. Расходы на выплату повышенного коэффициента к заработной плате постановлено осуществлять за счет средств предприятий и организаций, а работникам бюджетной сферы – за счет средств бюджета Алтайского края.

Согласно разъяснению Министерства труда Российской Федерации от 11 сентября 1995 г. № 3 «О порядке начисления процентных надбавок к заработной плате лицам, работающим в районах Крайнего Севера, приравненных к ним местностях, в южных районах Восточной Сибири, Дальнего Востока, и коэффициентов (районных, за работу в высокогорных районах, за работу в пустынных и безводных местностях)», утвержденному постановлением данного министерства от 11 сентября 1995 г. № 49, установленные к заработной плате лицам, работающим в местностях с неблагоприятными природно-климатическими условиями, районные коэффициенты начисляются на фактический заработок работника, включая вознаграждение за выслугу лет.

Из приведенных выше положений Конституции Российской Федерации, Трудового кодекса Российской Федерации и иных нормативных актов в их взаимосвязи следует, что законодатель возлагает на работодателей обязанность как оплачивать труд работников в размере не ниже установленного законом минимального уровня, так и оплачивать в повышенном размере труд работников в особых климатических условиях с применением установленных для этих целей нормативными актами районных коэффициентов.

Повышение оплаты труда в местностях с особыми климатическими условиями является реализацией вытекающих из положений ст. 19 и 37 Конституции Российской Федерации, а также закрепленных в ст. 2 и 22

ТК РФ принципов равенства прав работников и запрета дискриминации, включающих право на равную оплату за труд равной ценности.

По смыслу приведенных норм права в их системном толковании повышение оплаты труда в связи с работой в особых климатических условиях должно производиться после выполнения конституционного требования об обеспечении работнику, выполнившему установленную норму труда, заработной платы не ниже определенного законом минимального размера, а включение соответствующих районных коэффициентов в состав минимального уровня оплаты труда, установленного для всей территории Российской Федерации без учета особенностей климатических условий, противоречит цели введения этих коэффициентов. Применение одного и того же минимума оплаты за труд в отношении работников, находящихся в существенно неравных природно-климатических условиях, является нарушением названного выше принципа равной оплаты за труд равной ценности.

Данная позиция изложена в п. 8 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2013 года, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 5 февраля 2014 г., а также в разделе I Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 февраля 2014 г., применительно к районным коэффициентам и процентным надбавкам, установленным для районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, имеющим ту же правовую природу, что и районные коэффициенты, установленные для местностей с особыми климатическими условиями.

Аналогичная позиция впоследствии была высказана также в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2017 г. № 38-П.

Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 4-ПВ17

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, возникающих между участниками некоммерческих объединений

2. Восстановление в качестве члена садоводческого товарищества является способом защиты нарушенного права лица, членство которого прекращено незаконно.

К. обратился в суд с иском о признании недействительным решения общего собрания садового товарищества (далее – СТ) от 30 ноября 2014 г. в части исключения его из членов садового товарищества, а также решений общих собраний садоводческого некоммерческого товарищества собственников недвижимости (далее – СНТСН) от 18 июля, 12 августа 2015 г. и 25 сентября 2016 г.

Судом установлено, что истец является членом СТ и пользователем земельного участка.

30 ноября 2014 г. состоялось общее собрание членов СТ с повесткой дня о принятии новых членов, вступлении СТ в правовое поле Российской Федерации и принятии устава.

По результатам голосования на собрании принято решение об изменении организационно-правовой формы товарищества на СНТСН.

При этом согласно протоколу общего собрания членов СТ от 30 ноября 2014 г. при голосовании за выбор организационно-правовой формы товарищества, принятие устава и необходимых для регистрации документов ряд членов СТ выразили несогласие с выбранной организационно-правовой формой, заявили о желании создать и зарегистрировать свою общественную организацию, отказались вступать в члены СНТСН, принимать устав и платить взносы СНТСН.

Поступившее в связи с этим предложение об исключении названных лиц из членов СТ и о признании их индивидуальными пользователями было принято большинством голосов.

13 декабря 2014 г. в ЕГРЮЛ внесена запись о СНТСН.

18 июля 2015 г. состоялось общее собрание членов СНТСН, на котором в том числе был рассмотрен вопрос о подтверждении статуса указанных выше лиц как исключенных из членов СНТСН.

Разрешая спор и частично удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции указал, что уставом СТ не предусмотрено исключение из членов товарищества за отказ голосовать за изменение организационно-правовой формы товарищества, вступление в СНТСН и принятие нового устава. Кроме того, вопрос об исключении истца из СТ в повестку дня включен не был, решение об изменении повестки дня не принималось, а также было нарушено право истца на участие в рассмотрении вопроса о его исключении из членов товарищества.

Отказывая в удовлетворении требований о восстановлении членства К. в товариществе, суд первой инстанции указал, что вопросы принятия и

исключения членов товарищества относятся к исключительной компетенции общего собрания садоводческого объединения.

Принимая решение об отказе в удовлетворении требований о признании недействительными решений общих собраний членов СНТСН от 18 июля, 12 августа 2015 г. и 25 сентября 2016 г., суд указал, что на момент проведения собраний К. не являлся членом СНТСН, а потому данные решения не могли повлечь неблагоприятных для него последствий.

Суд апелляционной инстанции, оставляя без изменения решение суда первой инстанции, согласился с незаконностью исключения истца из членов товарищества и указал, что дополнительного судебного подтверждения членства К. в СНТСН не требуется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с вынесенными судебными постановлениями не согласилась по следующим основаниям.

В соответствии с п. 2 ст. 58 ГК РФ при преобразовании юридического лица одной организационно-правовой формы в юридическое лицо другой организационно-правовой формы права и обязанности реорганизованного юридического лица в отношении других лиц не изменяются, за исключением прав и обязанностей в отношении учредителей (участников), изменение которых вызвано реорганизацией.

В соответствии с подп. 8 п. 1 ст. 19 Федерального закона от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» (далее – Закон № 66-ФЗ) член садоводческого, огороднического или дачного некоммерческого объединения имеет право обращаться в суд с заявлением о признании недействительными нарушающих его права и законные интересы решений общего собрания членов садоводческого, огороднического или дачного некоммерческого объединения либо собрания уполномоченных, а также решений правления и иных органов такого объединения.

Согласно п. 2 ст. 21 Закона № 66-ФЗ член садоводческого, огороднического или дачного некоммерческого объединения вправе обжаловать в суд решение общего собрания его членов (собрания уполномоченных) или решение органа управления таким объединением, которые нарушают права и законные интересы члена такого объединения.

В ст. 46 Закона № 66-ФЗ предусмотрено, что защите в соответствии с гражданским законодательством подлежат права членов садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединений, связанные с вступлением в члены садоводческого, огороднического или дачного некоммерческого объединения, участием в нем и выходом из него (п. 1). Защита прав садоводческих, огороднических, дачных некоммерческих объединений и их членов в соответствии с уголовным, административным,

гражданским и земельным законодательством осуществляется посредством восстановления положения, существовавшего до нарушения их прав, и пресечения действий, нарушающих их права или создающих угрозу нарушения их прав (п. 3).

Согласно ст. 12 ГК РФ одним из способов защиты гражданских прав является восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения.

Таким образом, в силу приведенных выше положений закона при обращении в суд с иском об оспаривании решения общего собрания членов садоводческого, огороднического или дачного некоммерческого объединения истец должен доказать, что оспариваемое решение общего собрания нарушило его права и законные интересы, и вправе воспользоваться таким способом защиты его нарушенного права, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, одной из форм которого является восстановление незаконно прекращенного членства в товариществе.

Судами обеих инстанций факт незаконного исключения истца из членов СТ, преобразованного в СНТСН, установлен. Вместе с тем в удовлетворении требований истца о его восстановлении в качестве члена товарищества судом было отказано.

Суд апелляционной инстанции, проверяя по апелляционной жалобе К. законность судебного решения, указал, что в силу ничтожности решения общего собрания от 30 ноября 2014 г. об исключении заявителя из членов товарищества оно не влечет для него правовых последствий, однако решение суда в части отказа в иске о восстановлении членства истца в товариществе оставил без изменения.

Тем самым права истца восстановлены не были.

Суды не учли, что действующее законодательство прямо предусматривает, что заявление требования о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права, может быть использовано конкретным субъектом в качестве способа защиты его нарушенного права, поэтому применительно к рассматриваемому спору истец был вправе заявить требование о восстановлении в членах товарищества.

В связи с этим выводы судов первой и апелляционной инстанций о том, что требование истца о восстановлении в членах товарищества удовлетворению не подлежит, так как заявителем избран неверный способ защиты нарушенного права, признаны ошибочными.

Определение № 117-КГ17-22

Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав

3. Требование о признании права собственности на недвижимое имущество отсутствующим может быть удовлетворено, если оно заявлено владеющим собственником в отношении не владеющего имуществом лица, право которого на это имущество было зарегистрировано незаконно, и данная регистрация нарушает право собственника, которое не может быть защищено предъявлением иска об истребовании имущества из чужого незаконного владения.

ЗАО «Племенной завод «Черново» обратилось в суд с иском к ООО «Центр ипотечных займов», В., К. о признании ничтожными сделок и применении последствий их недействительности, прекращении и признании отсутствующим права собственности ответчиков, об исключении из ЕГРП записей о государственной регистрации права ответчиков, а также о признании права собственности истца на спорные земельные участки.

В обоснование требований истцом указано, что колхоз «Имени XVIII Партсъезда» был последовательно реорганизован в совхоз «Имени XVIII Партсъезда», а затем в ТОО «Рейзино» (создано в 1992 году). СПК «Черново» был создан путем его выдела из ТОО «Рейзино», которое впоследствии прекратило деятельность в результате его присоединения к СПК «Черново».

В дальнейшем СПК «Черново» реорганизован в ЗАО «Черново», переименованное позже в ЗАО «Племенной завод «Черново». Все работники реорганизованного колхоза «Имени XVIII Партсъезда» передали свои имущественные и земельные паи в уставный капитал ТОО «Рейзино» и, став акционерами общества, по мнению истца, утратили право собственности на это имущество, а их свидетельства о данном праве утратили юридическую силу. Истец ссылается на то, что ЗАО «Племенной завод «Черново» как правопреемник ТОО «Рейзино» является собственником спорных земельных участков, в связи с чем право собственности ответчиков зарегистрировано незаконно.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований ЗАО «Племенной завод «Черново», суд первой инстанции исходил из того, что истцом пропущен срок исковой давности на обращение с данным иском, поскольку истец не мог не знать о выделении в натуре и межевании спорных земельных участков, на которых в настоящее время возведены индивидуальные жилые дома и проведены коммуникации, а оснований для восстановления пропущенного срока не имеется.

Отменяя решение суда первой инстанции и частично удовлетворяя исковые требования, суд апелляционной инстанции, ссылаясь на разъяснения, содержащиеся в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», констатировал, что срок исковой давности не распространяется на требования о признании права отсутствующим.

При этом суд апелляционной инстанции указал, что юридически значимой и подлежащей доказыванию в данном деле является совокупность следующих обстоятельств: наличие у истца права собственности или другого вещного права на имеющийся в натуре земельный участок, утрата фактического владения им, а также незаконность владения этим участком или его частью конкретным лицом (лицами).

Удовлетворяя иск в отношении 14 земельных участков, суд апелляционной инстанции отметил, что ответчики не владеют этими земельными участками, поскольку на них находятся опоры ЛЭП.

При удовлетворении требования истца в части признания за ним права собственности на спорные земельные участки, суд апелляционной инстанции исходил из того, что они были незаконно выделены из состава земельного участка, находящегося в собственности истца.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции ошибочными по следующим основаниям.

Согласно ст. 301 ГК РФ собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения.

В соответствии со ст. 304 данного кодекса собственник может требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 52 совместного постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», зарегистрированное право на недвижимое имущество может быть оспорено только в судебном порядке. Поскольку при таком оспаривании суд разрешает спор о гражданских правах на недвижимое имущество, соответствующие требования рассматриваются в порядке искового производства.

В случаях, когда запись в ЕГРП нарушает право истца, которое не может быть защищено путем признания права или истребования

имущества из чужого незаконного владения (право собственности на один и тот же объект недвижимости зарегистрировано за разными лицами, право собственности на движимое имущество зарегистрировано как на недвижимое имущество, ипотека или иное обременение прекратились), оспаривание зарегистрированного права или обременения может быть осуществлено путем предъявления иска о признании права или обременения отсутствующим.

Таким образом, возможность обращения с требованием о признании права собственности на недвижимое имущество отсутствующим предоставлена только лицу, которое в соответствии с данными ЕГРП является собственником этого имущества и одновременно им владеет, в том случае, если по каким-либо причинам на данное имущество одновременно зарегистрировано право собственности за другим лицом.

Как следует из установленных судом обстоятельств дела, право собственности ответчиков на земельные участки возникло в результате проведения их выдела.

Выдел земельных участков означает прекращение прежнего режима права собственности как на первоначальный земельный участок, так и на выделенный как на объекты недвижимого имущества.

Выдел спорных земельных участков по данному делу не оспорен, обстоятельства, связанные с выделом, судом апелляционной инстанции не установлены.

Такие обстоятельства в силу ч. 2 ст. 56 ГПК РФ имели значение для разрешения спора и должны были быть поставлены судом на обсуждение сторон, в частности обстоятельства того, знал или должен был знать истец о проведении процедуры выдела, в том числе о проведении общего собрания.

Из материалов дела следует, что, заявляя о пропуске срока исковой давности, ответчики ссылались на то, что о выделе земельных участков истцу было известно.

Однако суд апелляционной инстанции в нарушение положений ч. 2 ст. 56 ГПК РФ данные обстоятельства не учел, что повлияло на результат разрешения спора.

Судом также не обсужден вопрос о том, сохранилось ли право собственности истца на спорные земельные участки после их выдела.

Из приведенных выше положений норм материального права и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что исковые требования общества о признании права собственности ответчиков отсутствующим могли быть удовлетворены судебной коллегией только в случае установления того, что общество, в соответствии с данными ЕГРП, продолжает оставаться собственником и владельцем спорных земельных участков, а право ответчиков

зарегистрировано незаконно, при этом они не владеют этими участками, вследствие чего к ним не может быть предъявлен иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения.

В соответствии с ч. 4 ст. 67 ГПК РФ результаты оценки доказательств суд обязан отразить в решении, в котором приводятся мотивы, по которым одни доказательства приняты в качестве средств обоснования выводов суда, другие доказательства отвергнуты судом, а также основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими.

Согласно ч. 4 ст. 198 данного кодекса в мотивировочной части решения суда должны быть изложены обстоятельства дела, установленные судом; доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах; доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства; законы, которыми руководствовался суд.

В обоснование вывода о том, что спорные земельные участки находятся во владении истца, а не во владении ответчиков, суд апелляционной инстанции сослался только на то, что на каждом из 14 участков находится по одной опоре ЛЭП.

При этом судом не указано, какими доказательствами подтверждено это обстоятельство, и то, каким образом оно подтверждает факт владения истцом земельными участками и опровергает факт владения этими участками ответчиками.

В то же время суд констатировал, что опоры ЛЭП и межевые знаки установлены за счет ответчиков.

В соответствии с ч. 1 ст. 56 ГПК РФ каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

По данному делу требования предъявлены истцом, утверждавшим, что его право собственности сохранено и земельные участки находятся в его владении. Между тем суд апелляционной инстанции, по существу, освободил истца от доказывания тех обстоятельств, на которых основаны его требования, возложив обязанность опровергать утверждения истца на ответчиков.

В связи с тем, что при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права, которые привели к неправильному разрешению спора, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 33-КГ17-10

4. Покупатель, который лишился приобретенной им вещи на основании решения суда, вынесенного по иску третьего лица, вправе требовать от продавца возмещения убытков исходя из реально уплаченной им за товар денежной суммы.

Исковая давность по требованию покупателя исчисляется с момента вступления в силу решения суда об истребовании вещи.

Ш. обратился в суд с иском к А., в котором просил признать договор купли-продажи земельного участка заключенным на сумму 3 900 000 руб. и взыскать убытки в названной сумме, сославшись на то, что приобрел у ответчика спорный земельный участок за 3 900 000 руб., что подтверждается распиской ответчика, однако в договоре купли-продажи стороны указали меньшую сумму. Данный земельный участок был изъят у истца вступившим в силу решением суда как выбывший из владения собственника помимо его воли.

А. иск не признал, заявил о применении исковой давности к заявленным Ш. исковым требованиям, полагая, что срок исковой давности следует исчислять с момента исполнения договора купли-продажи.

Судом установлено, что между сторонами 10 апреля 2008 г. в письменной форме заключен договор купли-продажи земельного участка, на основании которого за Ш. было зарегистрировано право собственности на данный объект недвижимости. Цена участка в договоре указана в размере 900 000 руб.

Вступившим в законную силу 14 марта 2013 г. решением суда удовлетворен иск местной администрации об истребовании названного земельного участка из чужого незаконного владения, о признании права собственности Ш. отсутствующим и признании права муниципальной собственности на данное имущество.

Основанием для изъятия участка послужил установленный по приговору суда от 22 сентября 2010 г. факт выбытия земельного участка из владения муниципального образования в результате мошеннических действий и подделки документов, совершенных группой лиц в период с февраля по март 2008 года. По данному приговору осужден в том числе и брат продавца А.

13 января 2016 г. Ш. направил А. требование о возмещении убытков, причиненных изъятием земельного участка, которое удовлетворено не было.

Обращаясь в суд, истец в обоснование размера убытков представил выданную ответчиком расписку о том, что в действительности за земельный участок он получил от покупателя Ш. 3 900 000 руб.

Установив факт изъятия у истца земельного участка по обстоятельствам, о которых ему не было известно при заключении с А. договора купли-продажи, суд первой инстанции пришел к правильному выводу о том, что истец имеет право в соответствии с положениями ст. 461 ГК РФ на возмещение ответчиком убытков, причиненных изъятием этого земельного участка.

При этом судом установлено, что истец уплатил А. за земельный участок 3 900 000 руб. Названная сумма обоснованно признана судом убытками истца.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в иске, суд апелляционной инстанции указал, что по условиям договора купли-продажи земельного участка от 10 апреля 2008 г. стороны определили стоимость земельного участка в размере 900 000 руб. и произвели между собой расчет полностью до подписания данной сделки, при этом расписка написана спустя пять дней после совершения сделки, содержит признаки договора займа, подлинника расписки о передаче денежных средств в размере 3 900 000 руб. в материалах дела не имеется, по запросу суда апелляционной инстанции истцом он также не представлен, а требование истца о признании договора купли-продажи земельного участка заключенным на сумму в размере 3 900 000 руб. фактически направлено на изменение условий данной сделки.

Кроме того, суд апелляционной инстанции применил срок исковой давности по заявленным Ш. исковым требованиям, указав, что начало течения это срока должно исчисляться с момента, когда истцу стало известно о наличии вступившего в законную силу приговора суда от 22 сентября 2010 г.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции не соответствующими требованиям закона.

В соответствии с п. 1 ст. 200 ГК РФ, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

В соответствии с приведенными выше положениями ст. 461 данного кодекса основанием для предъявления требований к продавцу является изъятие товара у покупателя, в силу чего срок исковой давности по этим требованиям не может начаться до возникновения таких оснований.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 83 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», по смыслу п. 1 ст. 461 ГК РФ исковая давность по названному требованию исчисляется с

момента вступления в законную силу решения суда по иску третьего лица об изъятии товара у покупателя.

Приведенные нормы материального права и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации судом апелляционной инстанции при определении начала течения срока исковой давности по требованию истца о возмещении убытков в связи с изъятием у него земельного участка третьим лицом по основаниям, возникшим до исполнения договора купли-продажи, учтены не были, вследствие чего судом апелляционной инстанции по мотиву пропуска срока исковой давности решение суда отменено незаконно и незаконно отказано в иске.

Согласно ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Если правила, содержащиеся в части первой данной статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон.

В силу приведенных выше положений п. 1 ст. 461 данного кодекса в указанных случаях продавец обязан возместить покупателю убытки, под которыми согласно ст. 15 этого же кодекса понимаются произведенные лицом расходы.

Как установлено судом и следует из материалов дела, в договоре, заключенном в письменной форме 10 апреля 2008 г., стороны указали цену участка 900 000 руб.

В письменной расписке от 15 апреля 2008 г. ответчик указал, что получил от истца за продаваемый участок 3 900 000 руб.

Переход права собственности на земельный участок зарегистрирован 6 мая 2008 г.

В судебном заседании суда первой инстанции ответчик А. подтвердил факт выдачи расписки и факт уплаты истцом за земельный участок 3 900 000 руб., указав, что покупная цена в договоре купли-продажи была занижена в целях уменьшения налогообложения при продаже недвижимого имущества.

При таких обстоятельствах суд первой инстанции обоснованно и в соответствии с законом взыскал понесенные истцом убытки (расходы на приобретение земельного участка), а доводы суда апелляционной инстанции противоречат приведенным положениям закона, буквальному

содержанию письменного документа – расписки, а также установленным обстоятельствам дела об убытках (расходах) истца.

Выводы суда апелляционной инстанции об отсутствии подлинника расписки сделаны также с существенным нарушением норм процессуального права, поскольку согласно ч. 7 ст. 67 ГПК РФ суд не может считать доказанными обстоятельства, подтверждаемые только копией документа или иного письменного доказательства, если утрачен и не передан суду оригинал документа, и представленные каждой из спорящих сторон копии этого документа не тождественны между собой, и невозможно установить подлинное содержание оригинала документа с помощью других доказательств.

По данному делу между сторонами отсутствовал какой-либо спор относительно факта выдачи и содержания расписки, ответчик лично подтвердил факт уплаты истцом 3 900 000 руб.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определение суда апелляционной инстанции, оставив в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 18-КГ17-121

Разрешение споров, возникающих вследствие причинения вреда

5. В удовлетворении требования о компенсации морального вреда не может быть отказано на основании того, что невозможно точно установить характер и степень телесных повреждений.

Сам факт причинения таких повреждений является достаточным основанием для удовлетворения иска о компенсации морального вреда.

Привлечение ответчика к уголовной или административной ответственности не является при этом обязательным условием для удовлетворения такого иска.

С., 1953 года рождения, обратилась в суд с иском о компенсации морального вреда, ссылаясь на то, что ей были нанесены побои А., 1988 года рождения, являющейся ее соседкой по коммунальной квартире. В связи с причинением ей физических и нравственных страданий истец просила суд взыскать с ответчика компенсацию морального вреда в размере 100 000 руб.

Решением суда иск удовлетворен частично, с А. в пользу С. взыскана компенсация морального вреда в размере 50 000 руб.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об отказе в иске, суд апелляционной инстанции указал, что каких-либо материалов, подтверждающих факт уголовного либо административного преследования А. или обращение истца в правоохранительные органы и принятия каких-либо мер в отношении ответчика, истцом не представлено. В обоснование отказа в иске суд апелляционной инстанции указал, что материалы дела не содержат доказательств, с достоверностью свидетельствующих о том, что причинителем вреда в том объеме, который указывает истец, является ответчик.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала указанные выводы суда апелляционной инстанции сделанными с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

В соответствии со ст. 151 ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред.

В п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 г. № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» разъяснено, что при рассмотрении кассационных жалобы, представления с делом суд кассационной инстанции не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены либо были отвергнуты судом первой или апелляционной инстанции, предрешать вопросы о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, преимуществе одних доказательств перед другими, а также исследовать новые доказательства (ч. 2 ст. 390 ГПК РФ). Вместе с тем, если судом кассационной инстанции будет установлено, что судами первой и (или) апелляционной инстанций допущены нарушения норм процессуального права при исследовании и оценке доказательств, приведшие к судебной ошибке существенного и непреодолимого характера (например, судебное постановление в нарушение требований

ст. 60 ГПК РФ основано на недопустимых доказательствах), суд учитывает эти обстоятельства при вынесении кассационного постановления (определения).

В соответствии со ст. 67 ГПК РФ суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств (ч. 1).

Результаты оценки доказательств суд обязан отразить в решении, в котором приводятся мотивы, по которым одни доказательства приняты в качестве средств обоснования выводов суда, другие доказательства отвергнуты судом, а также основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими (ч. 4).

Частью 4 ст. 198 данного кодекса установлено, что в мотивировочной части решения суда должны быть указаны обстоятельства дела, установленные судом; доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах; доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства; законы, которыми руководствовался суд.

Согласно ч. 1 ст. 195 этого же кодекса решение суда должно быть законным и обоснованным.

Как разъяснено в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении», решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (ст. 55, 59–61 и 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов.

Из приведенных положений закона и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что суд оценивает доказательства и их совокупность по своему внутреннему убеждению, однако это не предполагает возможность оценки судом доказательств произвольно и в противоречии с законом.

Результаты оценки доказательств суд должен указать в мотивировочной части судебного постановления, в том числе доводы по которым он отвергает те или иные доказательства или отдает предпочтение одним доказательствам перед другими.

Данные требования в силу ч. 1 ст. 328 ГПК РФ распространяются и на суд апелляционной инстанции.

Как следует из материалов дела и судебных постановлений, выводы суда первой инстанции основаны на непосредственном исследовании доказательств, в том числе объяснений сторон и показаний свидетеля.

Выводы суда об оценке доказательств изложены в решении суда.

Суд апелляционной инстанции по материалам дела сделал прямо противоположный вывод о недоказанности факта причинения ответчиком телесных повреждений истцу.

При этом в нарушение приведенных выше норм процессуального права и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации суд апелляционной инстанции не привел никакого обоснования тому, почему он отверг приведенные судом первой инстанции доказательства, в частности медицинские документы, подтверждающие факт наличия травм, ушибов, ссадин, и показания свидетеля, прямо указавшего на нанесение ударов истцу ответчиком.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации также признала ошибочным вывод суда апелляционной инстанции о том, что невозможность установить точный объем телесных повреждений, их характер и степень является основанием для отказа в иске о компенсации морального вреда.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. По смыслу п. 1 ст. 15 ГК РФ в удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

По аналогии с данным разъяснением объем причиненных телесных повреждений, их характер и степень тяжести для разрешения спора о взыскании компенсации морального вреда тоже должны быть доказаны с разумной степенью достоверности, невозможность установления точного количества, характера и степени телесных повреждений не может являться основанием для отказа в иске о возмещении морального вреда.

Ссылаясь на то, что вопрос о привлечении ответчика к административной или уголовной ответственности не разрешался, суд апелляционной инстанции не учел, что привлечение причинителя вреда к указанным видам ответственности законом не предусмотрено в качестве обязательного условия для возмещения вреда в гражданском порядке.

Указанные выше требования закона и разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, не были учтены судом апелляционной инстанции при разрешении данного спора, что повлекло вынесение незаконного судебного акта об отказе в иске.

Определение № 78-КГ17-30

6. Ответственность за повреждение транспортного средства в результате его наезда на выбоину в дорожном покрытии лежит на организации, ответственной за содержание автомобильной дороги.

При определении размера вреда наличие умысла или грубой неосторожности в действиях потерпевшего доказывает лицо, причинившее вред.

А. обратился в суд с иском к управлению автомобильных дорог о возмещении ущерба, сославшись на то, что во время управления принадлежащим ему автомобилем он совершил наезд на препятствие (выбоину), которое находилось на проезжей части дороги. В результате данного дорожно-транспортного происшествия автомобилю истца причинены значительные механические повреждения. По мнению истца причиненный ущерб подлежит взысканию с управления автомобильных дорог, поскольку ответчиком в нарушение требований закона не была обеспечена безопасность дорожного движения на автодороге местного значения в границах городского округа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с вынесенными судебными постановлениями по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине (п. 2 ст. 1064 ГК РФ).

Судом апелляционной инстанции установлено, что дорожно-транспортное происшествие с участием автомобиля истца и, соответственно, причинение ущерба возникло в связи с наездом машины на выбоину в дорожном покрытии с размерами, превышающими предельно допустимые: длина повреждения составляет 15,3 м, ширина – 1,8 м, глубина – 0,26 м.

Согласно пп. 3.1.1, 3.1.2 ГОСТ Р 50597-93 «Автомобильные дороги и улицы. Требования к эксплутационному состоянию, допустимому по условиям обеспечения безопасности дорожного движения» покрытие проезжей части не должно иметь просадок, выбоин, иных повреждений, затрудняющих движение транспортных средств с разрешенной Правилами дорожного движения скоростью. Предельные размеры отдельных

просадок, выбоин не должны превышать: по длине – 15 см, по ширине – 60 см, по глубине – 5 см.

Нарушение требований ГОСТ установлены инспектором ДПС, которым была составлена схема места происшествия с указанием повреждения покрытия, к материалам дела приложена фотография повреждения покрытия.

Постановлением по делу об административном правонарушении управление автомобильных дорог (ответчик по делу) признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.34 КоАП РФ, и назначено административное взыскание в виде административного штрафа. Данное постановление ответчиком не обжаловалось и вступило в законную силу.

Указанные факты были установлены судом и свидетельствуют о ненадлежащем содержании дороги ответчиком.

Таким образом, суд второй инстанции установил наличие всех обстоятельств, совокупность которых предполагает возложение на ответчика обязанности возместить причиненный вред истцу.

Отказывая в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции фактически не основывался на том, что не доказаны обстоятельства, перечисленные в ст. 1064 ГК РФ, а исходил из наличия оснований, предусмотренных ст. 1083 данного кодекса для отказа во взыскании ущерба.

Согласно ст. 1083 ГК РФ вред, возникший вследствие умысла потерпевшего, возмещению не подлежит. Если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, в зависимости от степени вины потерпевшего и причинителя вреда размер возмещения должен быть уменьшен.

По смыслу приведенной правовой нормы, обязанность по доказыванию в действиях потерпевшего умысла или грубой неосторожности, содействовавших возникновению или уменьшению вреда, возлагается на причинителя вреда, по данному делу – на управление автомобильных дорог.

Однако в нарушение положений ст. 56 ГПК РФ суд возложил обязанность доказать отсутствие виновных действий на А., чем было допущено существенное нарушение норм процессуального права, которое повлияло на исход дела и без устранения которого невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Определение № 18-КГ17-166

7. Региональный оператор, как заказчик работ на проведение капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме, несет перед собственниками помещений в таком доме ответственность за последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств привлеченными им подрядными организациями в соответствии с принципом полного возмещения убытков.

Ответственность регионального оператора за причинение собственнику помещения в многоквартирном доме убытков в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения им своих обязательств не ограничивается размером взносов на капитальный ремонт, внесенных этим собственником.

Л. обратилась в суд с иском к фонду капитального ремонта многоквартирных домов о возмещении причиненного ущерба, мотивируя свои требования тем, что при проведении капитального ремонта кровли дома произошла протечка выпавших атмосферных осадков в принадлежащем истцу на праве собственности жилом помещении, о чем составлены комиссионные акты, которыми подтверждается, что залив квартиры произошел во время выпадения атмосферных осадков в результате проводимых работ по капитальному ремонту кровли.

Согласно заключению эксперта стоимость ремонтно-восстановительных работ в квартире истца составляет 68 394 руб., стоимость экспертных услуг составила 8000 руб. Ответчик отказал в удовлетворении требований истца о возмещении материального ущерба, мотивируя тем, что заливы квартиры произошли по вине подрядной организации, которая и должна возместить Л. причиненный ущерб.

Ссылаясь на ч. 6 ст. 182 ЖК РФ, Л. просила взыскать с ответчика в счет возмещения материального ущерба 68 394 руб., судебные расходы за составление акта осмотра в размере 200 руб., оплату телеграммы о вызове на осмотр в размере 405 руб. 40 коп., оплату услуг эксперта в размере 8000 руб.

Разрешая спор и удовлетворяя иск, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что ответственность за последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по проведению капитального ремонта подрядными организациями, привлеченными региональным оператором, перед собственниками помещений в силу закона несет региональный оператор – фонд капитального ремонта жилых многоквартирных домов, в связи с чем взыскал с ответчика в пользу истца в счет возмещения причиненного подрядчиком материального ущерба 68 394 руб.

Суд апелляционной инстанции, изменяя решение суда первой инстанции, руководствуясь ч. 5 ст. 178, ст. 188 ЖК РФ, указал на то, что

убытки, причиненные собственникам помещений в многоквартирном доме в результате неисполнения (ненадлежащего исполнения) региональным оператором своих договорных обязательств, подлежат возмещению в размере внесенных взносов на капитальный ремонт в соответствии с гражданским законодательством, ответственность регионального оператора по возмещению таких убытков является ограниченной, в пользу истца подлежит взысканию ущерб только в размере внесенных истцом взносов на капитальный ремонт за период с 1 сентября 2014 г. по 14 июня 2016 г. в сумме 5518 руб. 80 коп.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и оставила в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

Правовое регулирование деятельности региональных операторов, направленное на обеспечение проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, установлено ЖК РФ. Функции регионального оператора определены в ст. 180 ЖК РФ.

В целях обеспечения оказания услуг и (или) выполнения работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме региональный оператор обязан, в частности, привлечь для оказания услуг и (или) выполнения работ по капитальному ремонту подрядные организации и заключить с ними от своего имени соответствующие договоры; контролировать качество и сроки оказания услуг и (или) выполнения работ подрядными организациями и соответствие таких услуг и (или) работ требованиям проектной документации; осуществить приемку оказанных услуг и (или) выполненных работ (пп. 3, 4, 5 ч. 2 ст. 182 ЖК РФ).

Ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение региональным оператором перед собственниками своих обязательств, предусмотренных законом, установлена ч. 5 ст. 178 и ч. 1 ст. 188 ЖК РФ.

Согласно ч. 5 ст. 178 ЖК РФ убытки, причиненные собственникам помещений в многоквартирных домах в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения региональным оператором своих обязательств, подлежат возмещению в размере внесенных взносов на капитальный ремонт в соответствии с гражданским законодательством.

В соответствии с ч. 1 ст. 188 ЖК РФ убытки, причиненные собственникам помещений в многоквартирных домах в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения региональным оператором своих обязательств в соответствии с данным кодексом и принятыми в соответствии с ним законами субъектов Российской Федерации, подлежат возмещению в соответствии с гражданским законодательством.

Вместе с тем ч. 6 ст. 182 ЖК РФ установлена ответственность регионального оператора за действия привлеченного им для осуществления капитального ремонта подрядчика.

В соответствии с положениями данной нормы региональный оператор перед собственниками помещений в многоквартирном доме, формирующими фонд капитального ремонта на счете регионального оператора, несет ответственность за последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по проведению капитального ремонта подрядными организациями, привлеченными региональным оператором.

Из приведенных выше норм права следует, что жилищным законодательством установлены разные виды ответственности регионального оператора перед собственниками помещений в многоквартирном доме: ответственность за неисполнение своих обязательств (ч. 5 ст. 178, ч. 1 ст. 188 ЖК РФ), при которой региональный оператор отвечает за собственное противоправное поведение как сторона, нарушившая обязательство, и ответственность за последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по проведению капитального ремонта подрядными организациями, привлеченными региональным оператором (ч. 6 ст. 182 ЖК РФ), при которой в силу прямого указания в законе ответственность регионального оператора возникает за действия (бездействие) третьих лиц, не являющихся стороной обязательства, возникающего между региональным оператором и собственниками помещений при организации проведения капитального ремонта общего имущества дома.

В соответствии с положениями п. 1 ст. 9 ГК РФ, устанавливающего, что граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права, выбор одного из предусмотренных законом способов защиты нарушенного права принадлежит тому лицу, чье право нарушено.

Как видно из материалов дела, спор возник по вопросу возложения ответственности на регионального оператора за действия подрядной организации, ненадлежащим образом исполнившей обязательство по проведению капитального ремонта кровли спорного дома. Установление ответственности фонда за неисполнение взятых на себя обязательств предметом спора не являлось, выяснение данного вопроса в предмет доказывания по настоящему делу не входило.

При таких обстоятельствах выводы суда апелляционной инстанции о применении к возникшему спору норм ч. 5 ст. 178, ч. 1 ст. 188 ЖК РФ, предусматривающих ответственность регионального оператора перед собственниками помещений многоквартирного дома за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств, являются неправильными, основанными на ошибочном толковании норм материального права.

Что касается определения объема ответственности при применении к спорным правоотношениям ч. 6 ст. 182 ЖК РФ, то в данном случае

необходимо исходить из общих правил ответственности должника по обязательствам, установленных гл. 25 ГК РФ.

Согласно ст. 15, 393, 400 ГК РФ убытки должны возмещаться в полном объеме, если право на полное возмещение убытков не ограничено законом или договором (ограниченная ответственность).

Поскольку ч. 6 ст. 182 ЖК РФ ограничение ответственности регионального оператора за последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по проведению капитального ремонта подрядными организациями, привлеченными региональным оператором, не установлено, региональный оператор отвечает за действия подрядной организации перед собственниками в соответствии с принципом полного возмещения убытков.

С учетом изложенных выше обстоятельств правовых оснований для отмены решения суда первой инстанции у суда апелляционной инстанции не имелось.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя апелляционное определение и оставляя в силе решение суда первой инстанции, также обратила внимание на неправильное толкование и применение судом апелляционной инстанции положений ч. 5 ст. 178 ЖК РФ в отношении указания на возможность взыскания с регионального оператора убытков только в пределах внесенных истцом взносов на капитальный ремонт.

В ч. 5 ст. 178 ЖК РФ установлено, что убытки, причиненные собственникам помещений в многоквартирных домах в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения региональным оператором своих обязательств, подлежат возмещению в размере внесенных взносов на капитальный ремонт в соответствии с гражданским законодательством.

Как видно из содержания приведенной правовой нормы, в ней отсутствует указание на ограничение ответственности регионального оператора внесенными взносами на капитальный ремонт одного собственника, перед которым у регионального оператора возникает обязанность по возмещению убытков.

Согласно ч. 1 ст. 179 ЖК РФ имущество регионального оператора формируется за счет: 1) взносов учредителя; 2) платежей собственников помещений в многоквартирных домах, формирующих фонды капитального ремонта на счете, счетах регионального оператора; 3) других не запрещенных законом источников.

В чч. 2 и 3 ст. 179 ЖК РФ закреплено, что имущество регионального оператора используется для выполнения его функций в порядке, установленном ЖК РФ и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и принимаемыми в соответствии с ЖК РФ законом

субъекта Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации.

Поскольку имущество регионального оператора формируется из различных источников, ч. 5 ст. 178 ЖК РФ конкретизируется вид имущества (внесенные взносы на капитальный ремонт, то есть платежи всех собственников помещений в многоквартирных домах в фонд капитального ремонта), за счет и в пределах которого исполняется обязанность регионального оператора по возмещению убытков при неисполнении им своих обязательств перед собственниками.

Такой подход согласуется с принципами, лежащими в основе функционирования централизованной системы аккумулирования накоплений на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах, призванной обеспечить совместное участие всех собственников помещений этих домов в создании финансовой основы для осуществления капитального ремонта, а не резервирование денежных средств в отношении каждого конкретного собственника в отдельности.

Определение № 6-КГ17-4

Разрешение споров о разделе имущества супругов

8. Земельный участок, предоставленный бесплатно одному из супругов во время брака на основании акта органа местного самоуправления, подлежит включению в состав общего имущества, подлежащего разделу между супругами.

К.Н. обратилась в суд с иском к К.С. о расторжении брака, разделе совместно нажитого имущества в равных долях, ссылаясь на то, что с 1984 года состоит в браке с ответчиком, семейные отношения между ними прекращены 23 июля 2008 г. В период брака сторонами нажито подлежащее разделу имущество, состоящее из двух земельных участков, трактора, снегохода, недостроенного жилого дома, автомобиля и индивидуального жилого дома.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, исковые требования удовлетворены частично. Брак между сторонами расторгнут. За К.Н. и К.С. признано право собственности каждого на ½ доли в праве собственности на индивидуальный жилой дом. В удовлетворении иных исковых требований отказано.

Отказывая К.Н. в удовлетворении требований о разделе спорных земельных участков, суд исходил из того, что данные объекты

недвижимости в силу положений п. 2 ст. 36 СК РФ не относятся к общему имуществу супругов, поскольку получены К.С. по безвозмездной сделке.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что такой вывод сделан судами с существенным нарушением норм материального права.

Положениями ст. 34 СК РФ и ст. 256 ГК РФ предусмотрено, что совместная собственность супругов возникает в силу прямого указания закона.

Законный режим имущества супругов действует, если брачным договором не установлено иное (п. 1 ст. 33 СК РФ).

Согласно п. 2 ст. 34 СК РФ к имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

Вместе с тем имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам (имущество каждого из супругов), является его собственностью (п. 1 ст. 36 СК РФ).

Как видно из материалов дела, спорные земельные участки образованы в результате раздела земельного участка, ранее предоставленного ответчику на основании решения органа местного самоуправления от 26 октября 1984 г. о предоставлении земельного участка в бессрочное пользование. Впоследствии на основании указанного выше акта произведена государственная регистрация права собственности на земельный участок за К.С. В рассматриваемый период стороны состояли в браке (брак заключен 2 июня 1984 г.).

В соответствии с подп. 1, 2 п. 1 ст. 8 ГК РФ гражданские права и обязанности возникают в том числе из договоров или иных сделок, предусмотренных законом, а также из договоров и иных сделок, хотя и не предусмотренных законом, но не противоречащих ему, а также из актов государственных органов и органов местного самоуправления, которые

предусмотрены законом в качестве основания возникновения гражданских прав и обязанностей.

Таким образом, законодатель разграничивает в качестве оснований возникновения гражданских прав и обязанностей договоры (сделки) и акты государственных органов, органов местного самоуправления и не относит последние к безвозмездным сделкам. Бесплатная передача земельного участка одному из супругов во время брака на основании акта органа местного самоуправления не может являться основанием его отнесения к личной собственности этого супруга.

Поскольку право собственности у К.С. на спорные участки возникло не на основании безвозмездной сделки, выводы судов об отнесении данного спорного имущества к личной собственности ответчика в порядке ст. 36 СК РФ противоречат указанным выше положениям закона.

При таких обстоятельствах оснований для отказа К.Н. в требовании произвести раздел спорных земельных участков между супругами у суда не имелось.

Определение № 64-КГ17-10

Разрешение споров, возникающих из наследственных отношений

9. Имущество супругов может входить в наследственную массу после смерти одного из них лишь в случае, если переживший супруг заявил об отсутствии его доли в имуществе, приобретенном во время брака.

П., действуя в интересах несовершеннолетнего С., обратилась в суд с иском к К. о признании завещания недействительным, включении имущества в состав наследства, признании права собственности на имущество.

В обоснование иска П. ссылалась на то, что С. приходится внуком С.В. и Н., состоявших в браке с 8 декабря 1956 г., умершим 10 февраля 2013 г. и 12 декабря 2014 г. соответственно. Несовершеннолетний наследует их имущество по праву представления, поскольку его отец С.А. (сын С.В. и Н.) умер 20 октября 2008 г.

После смерти С.В. наследниками его имущества являлись супруга Н., внук С. по праву представления, внучка С.Т. по праву представления и

ответчик К. по завещанию; наследниками имущества Н. являлись внук С. по праву представления и по завещанию, внучка С.Т. по праву представления. С.В. на праве собственности принадлежал жилой дом и земельный участок. Согласно распоряжению от 29 декабря 2012 г. указанное имущество было завещано С.В., племяннице К. Между тем спорное имущество является общей собственностью супругов С.В. и Н., поскольку дом построен С.В. в период брака с Н., а земельный участок ему был предоставлен местной администрацией в 1993 году.

Таким образом, ½ доли в праве собственности на указанное в завещании недвижимое имущество принадлежала Н. Завещание является ничтожным в части включения в состав завещанного имущества принадлежащей Н. супружеской доли в праве общей совместной собственности на дом и земельный участок, а также причитающейся ей в силу ст. 1149 ГК РФ обязательной доли в наследстве С.В. как его нетрудоспособному супругу, достигшему ко дню смерти наследодателя возраста 79 лет.

Ссылаясь на приведенные выше обстоятельства, истец просила выделить супружескую долю Н. в размере ½ доли в спорном имуществе и включить ее в состав наследства, открывшегося со смертью Н.; признать за Н. право на обязательную долю в наследстве, открывшемся со смертью С.В., в размере ⅛ доли в спорном имуществе и включить ее в состав наследства, открывшегося со смертью Н.; признать завещание от 29 декабря 2012 г., составленное С.В. и удостоверенное нотариусом, недействительным в силу его ничтожности в части завещания 5/16 доли в праве на наследство и применить последствия недействительности ничтожной сделки в отношении спорного имущества; признать за С. право собственности в порядке наследования на 5/16 доли в праве собственности на спорное имущество.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что Н. после смерти С.В. в установленный законом срок не обращалась к нотариусу для принятия наследства; при жизни завещание от 29 декабря 2012 г., составленное С.В. в пользу К., не оспаривала, доказательств того, что ей не было известно о данном завещании, не представлено, на супружескую долю в спорном общем имуществе не претендовала.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами судебных инстанций не согласилась, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу ст. 33, 34 СК РФ и ст. 256 ГК РФ совместная собственность супругов возникает в силу прямого указания закона. Законный режим имущества супругов действует, если брачным договором не установлено иное.

В соответствии со ст. 1150 ГК РФ принадлежащее пережившему супругу наследодателя в силу завещания или закона право наследования не умаляет его права на часть имущества, нажитого во время брака с наследодателем и являющегося их совместной собственностью. Доля умершего супруга в этом имуществе, определяемая в соответствии со ст. 256 ГК РФ, входит в состав наследства и переходит к наследникам в соответствии с правилами, установленными данным кодексом.

Согласно разъяснениям, данным в п. 33 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», в состав наследства, открывшегося со смертью наследодателя, состоявшего в браке, включается его имущество, а также его доля в имуществе супругов, нажитом ими во время брака, независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства, если брачным договором не установлено иное. При этом переживший супруг вправе подать заявление об отсутствии его доли в имуществе, приобретенном во время брака. В этом случае все это имущество входит в состав наследства.

Таким образом, супружеская доля пережившего супруга на имущество, совместно нажитое с наследодателем, может входить в наследственную массу лишь в том случае, когда переживший супруг заявит об отсутствии его доли в имуществе, приобретенном в период брака.

Как установлено по делу, спорное имущество – дом и земельный участок – приобреталось супругами С.В. и Н. в период брака и являлось их общим имуществом. Брачный договор между ними не заключался. Между тем наследственное дело к имуществу умершего С.В. какого-либо заявления Н. об отсутствии ее доли в имуществе, приобретенном в период брака, не содержит.

Судами первой и апелляционной инстанций при рассмотрении дела указанные обстоятельства учтены не были, в связи с чем выводы судов о том, что спорное имущество, открывшееся после смерти Н., не подлежало наследованию С. в части принадлежавшей Н. супружеской доли, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала ошибочными, противоречащими указанным выше нормам материального права.

Определение № 5-КГ17-175

10. В отличие от процентов за просрочку исполнения денежного обязательства проценты за пользование суммой займа подлежат уплате наследниками заемщика с момента открытия наследства.

М.И., М.А. – сын и супруга умершего 19 января 2015 г. М. – обратились в суд с иском к банку о признании обязательств по кредитному договору исполненными, взыскании компенсации морального вреда и расходов на оплату юридических услуг.

В обоснование требований указали, что 28 июля 2014 г. между М. и банком заключен договор потребительского кредита. После смерти отца М.И. направил ответчику письменное уведомление о смерти заемщика, а также заявление о приостановлении начисления процентов и исполнения обязательств по договору потребительского кредита до вступления наследников в наследство.

Впоследствии М.И. оплатил основной долг, однако полагает незаконными действия банка по начислению процентов по договору потребительского кредита.

Решением суда в удовлетворении исковых требований отказано.

Определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции в части отказа в удовлетворении исковых требований о признании договора потребительского кредита исполненным и взыскании расходов на представителя отменено, в отмененной части принято новое решение, которым признан исполненным договор потребительского кредита от 28 июля 2014 г., заключенный между М. и банком, с банка в пользу М.И. взысканы расходы на оплату услуг представителя.

Отменяя решение суда в указанной части, судебная коллегия указала, что начисление процентов по кредиту после смерти должника и до принятия наследниками наследства является незаконным, а поскольку основной долг по кредитному договору наследниками погашен, то обязательства по договору являются исполненными.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое апелляционное рассмотрение, указав следующее.

Согласно ст. 418 ГК РФ обязательство прекращается смертью должника, если исполнение не может быть произведено без личного участия должника либо обязательство иным образом неразрывно связано с личностью должника.

В силу положений ст. 1112 данного кодекса в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности.

Из приведенных правовых норм следует, что обязательства, возникшие из кредитного договора, смертью должника не прекращаются и входят в состав наследства.

Как разъяснено в п. 61 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», поскольку смерть должника не влечет прекращения обязательств по заключенному им договору, наследник, принявший наследство, становится должником и несет обязанности по их исполнению со дня открытия наследства (например, в случае, если наследодателем был заключен кредитный договор, обязанности по возврату денежной суммы, полученной наследодателем, и уплате процентов на нее). Проценты, подлежащие уплате в соответствии со ст. 395 ГК РФ, взимаются за неисполнение денежного обязательства наследодателем по день открытия наследства, а после открытия наследства за неисполнение денежного обязательства наследником, по смыслу п. 1 ст. 401 ГК РФ, – по истечении времени, необходимого для принятия наследства (приобретения выморочного имущества). Размер задолженности, подлежащей взысканию с наследника, определяется на время вынесения решения суда.

Вместе с тем, установив факт злоупотребления правом, например, в случае намеренного без уважительных причин длительного непредъявления кредитором, осведомленным о смерти наследодателя, требований об исполнении обязательств, вытекающих из заключенного им кредитного договора, к наследникам, которым не было известно о его заключении, суд согласно п. 2 ст. 10 ГК РФ отказывает кредитору во взыскании указанных выше процентов за весь период со дня открытия наследства, поскольку наследники не должны отвечать за неблагоприятные последствия, наступившие вследствие недобросовестных действий со стороны кредитора.

Согласно п. 4 совместного постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 октября 1998 г. № 13/14 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» проценты, предусмотренные п. 1 ст. 395 Кодекса, по своей правовой природе отличаются от процентов, подлежащих уплате за пользование денежными средствами, предоставленными по договору займа (ст. 809 ГК РФ), кредитному договору (ст. 819 ГК РФ) либо в качестве коммерческого кредита (ст. 823 ГК РФ). Поэтому при разрешении споров о взыскании процентов годовых суд должен определить, требует ли истец уплаты процентов за пользование денежными средствами, предоставленными в качестве займа или коммерческого кредита, либо существо требования составляет применение

ответственности за неисполнение или просрочку исполнения денежного обязательства (ст. 395 ГК РФ).

По смыслу указанных разъяснений обязательства по уплате процентов за пользование денежными средствами входят в состав наследства, данные проценты продолжают начисляться и после открытия наследства, а проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ, являющиеся мерой ответственности за неисполнение денежного обязательства, не начисляются за время, необходимое для принятия наследства.

В нарушение приведенных норм материального права и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации судом апелляционной инстанции сделан прямо противоположный вывод о том, что наследником не подлежат уплате проценты за пользование кредитом.

Определение № 5-КГ17-79

Разрешение споров, связанных с обеспечением жилыми помещениями

11. Гражданам, страдающим тяжелыми формами хронических заболеваний, при которых совместное проживание с ними в одной квартире невозможно, жилые помещения по договору социального найма предоставляются местной администрацией вне очереди.

Прокурор обратился в суд с иском в интересах К. к местной администрации о возложении обязанности предоставить изолированное жилое помещение по договору социального найма в соответствии с нормой предоставления жилого помещения.

В обоснование требований указал, что К. является инвалидом III группы с детства бессрочно, страдает заболеванием, входящим в Перечень тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно проживание граждан в одном жилом помещении, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июля 2006 г. № 378, а также имеет право на дополнительную жилую площадь в соответствии с п. 2 Перечня заболеваний, дающих инвалидам, страдающим ими, право на дополнительную жилую площадь, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2004 г. № 817. В августе 2014 года К. признана малоимущей и нуждающейся в жилье, а в 2015 году на основании решения жилищной комиссии включена в льготный список лиц, страдающих тяжелыми формами хронических заболеваний, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ. До настоящего времени К. жилым помещением не обеспечена, зарегистрирована и проживает в квартире общей площадью 66,4 кв.м,

принадлежащей ее матери, где кроме нее проживают еще пять человек. Бездействием ответчика нарушаются жилищные права К.

Решением суда исковые требования удовлетворены.

Апелляционным определением решение суда отменено, по делу принято новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Статьей 17 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» определено, что инвалиды, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, принимаются на учет и обеспечиваются жилыми помещениями в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации.

Инвалиды, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, вставшие на учет после 1 января 2005 г., обеспечиваются жилым помещением в соответствии с жилищным законодательством Российской Федерации.

Согласно ч. 2 ст. 49 ЖК РФ малоимущим гражданам, признанным по установленным данным кодексом основаниям нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, жилые помещения муниципального жилищного фонда по договорам социального найма предоставляются в установленном Кодексом порядке.

В силу ч. 3 ст. 52 ЖК РФ принятие на учет граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях осуществляется органом местного самоуправления.

Гражданам, состоящим на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, жилые помещения по договорам социального найма предоставляются на основании решений органов местного самоуправления (ч. 3 ст. 57 ЖК РФ).

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ вне очереди жилые помещения по договорам социального найма предоставляются гражданам, страдающим тяжелыми формами хронических заболеваний, при которых совместное проживание с ними в одной квартире невозможно и которые указаны в перечне, утверждаемом уполномоченным Правительством Российской Федерации органом.

Согласно материалам дела К. была поставлена на жилищный учет по установленному ЖК РФ основанию, в связи с чем она подлежит обеспечению жилым помещением органом местного самоуправления из муниципального жилищного фонда, возможность внеочередного предоставления жилья не зависит от бюджетной обеспеченности муниципального образования.

В силу ст. 12, ч. 1 ст. 130 и ч. 1 ст. 132 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление; местное самоуправление в пределах своих полномочий обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владения, пользования и распоряжения муниципальной собственностью; органы местного самоуправления, в частности, самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закрепляет, что вопросами местного значения являются вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых в соответствии с Конституцией Российской Федерации и данным федеральным законом осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно; к таким вопросам относится, в частности, обеспечение малоимущих граждан, проживающих в поселении (городском округе) и нуждающихся в улучшении жилищных условий, жилыми помещениями в соответствии с жилищным законодательством, организация строительства и содержания муниципального жилищного фонда (абзац двенадцатый ч. 1 ст. 2, п. 6 ч. 1 ст. 14, п. 6 ч. 1 ст. 16); для решения этих вопросов в собственности муниципальных образований может находиться имущество, предназначенное для решения вопросов местного значения (п. 1 ч. 1 ст. 50), в частности, жилищный фонд социального использования для обеспечения малоимущих граждан, проживающих в поселении и нуждающихся в улучшении жилищных условий, жилыми помещениями на условиях договора социального найма, а также имущество, необходимое для содержания муниципального жилищного фонда.

Аналогичные положения закреплены и в ч. 1 ст. 14 и п. 3 ч. 2 ст. 19 ЖК РФ, согласно которым органы местного самоуправления осуществляют также полномочия по учету граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, и по предоставлению в установленном порядке малоимущим гражданам по договорам социального найма жилых помещений муниципального жилищного фонда как совокупности жилых помещений, принадлежащих на праве собственности муниципальным образованиям.

Порядок предоставления жилых помещений из муниципального жилищного фонда предусмотрен чч. 3, 4 ст. 57 ЖК РФ, согласно которой жилые помещения по договорам социального найма предоставляются по решению органа местного самоуправления. Решение о предоставлении

жилья по договору социального найма является основанием заключения соответствующего договора социального найма.

При этом содержащееся в п. 3 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ условие о предоставлении гражданам упомянутой категории жилых помещений вне очереди в случае, если такие граждане страдают тяжелыми видами хронических заболеваний (п. 4 ч. 1 ст. 51 указанного кодекса), закрепляет только особенности реализации их жилищных прав и не возлагает какие-либо дополнительные обязанности на органы местного самоуправления.

Согласно ч. 3 ст. 2 Закона Кабардино-Балкарской Республики от 28 июля 2006 г. № 55-РЗ «О регулировании жилищных отношений в Кабардино-Балкарской Республике», в соответствии с ЖК РФ жилые помещения по договорам социального найма из муниципального жилищного фонда предоставляются гражданам, проживающим в Кабардино-Балкарской Республике и состоящим на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях (и признанным соответствующим органом местного самоуправления малоимущими в порядке, установленном гл. 3 этого закона).

Из изложенного следует вывод о том, что предоставление жилых помещений малоимущим гражданам, состоящим на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, является полномочием органа местного самоуправления.

Определение № 21-КГ17-19

Разрешение споров, связанных с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала

12 . За счет средств материнского (семейного) капитала владелец сертификата вправе приобрести загородный дом, соответствующий требованиям, предъявляемым к жилым помещениям.

М. обратилась в суд с иском к пенсионному органу, в котором просила признать решение об отказе в удовлетворении заявления о распоряжении средствами материнского (семейного) капитала незаконным, обязать удовлетворить заявление истца и направить средства материнского капитала, удостоверенного государственным сертификатом, на погашение основного долга и уплату процентов по кредитному договору с банком.

Требования мотивированы тем, что истец имеет троих детей, и ею получен государственный сертификат на материнский (семейный) капитал.

М. заключила с банком кредитный договор с целью приобретения объектов недвижимости. На заемные средства М. приобрела земельный участок с расположенным на нем жилым домом.

Решением пенсионного органа в удовлетворении заявления М. о распоряжении средствами материнского (семейного) капитала с целью улучшения жилищных условий на погашение основного долга и уплату процентов по кредиту на приобретение жилья отказано в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 8 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее – Закон о государственной поддержке семей).

Решением районного суда решение пенсионного органа признано незаконным. Ответчик обязан направить средства материнского (семейного) капитала М. в размере 428 026 руб. в счет погашения основного долга и процентов по кредитному договору, заключенному с банком.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции исходил из того, что приобретение истцом жилого дома не является улучшением жилищных условий семьи, поскольку имущество приобретено в другом населенном пункте, по благоустройству существенно отличается от имеющегося, работа супругов и посещаемые детьми школьные и дошкольные учреждения расположены в городе, дом приобретен не для постоянного проживания с целью удовлетворения потребности в жилье, а для временного проживания и отдыха в летний период. Расходование средств материнского (семейного) капитала на погашение долга по кредиту на приобретение указанного дома не отвечает цели, установленной Законом о государственной поддержке семей, поскольку отсутствует улучшение жилищных условий семьи, решение пенсионного органа об отказе в удовлетворении заявления М. о распоряжении средствами материнского капитала является законным.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции основанными на неправильном толковании и применении норм материального права.

В соответствии с преамбулой Закона о государственной поддержке семей данный федеральный закон устанавливает дополнительные меры государственной поддержки семей, имеющих детей, в целях создания условий, обеспечивающих этим семьям достойную жизнь.

Согласно п. 3 ч. 3 ст. 3 указанного федерального закона лица, получившие сертификат, могут направить средства материнского (семейного) капитала в полном объеме либо по частям в том числе на улучшение жилищных условий.

Средства (часть средств) материнского (семейного) капитала в соответствии с заявлением о распоряжении могут направляться на приобретение (строительство) жилого помещения, осуществляемое

гражданами посредством совершения любых не противоречащих закону сделок и участия в обязательствах (включая участие в жилищных, жилищно-строительных и жилищных накопительных кооперативах), путем безналичного перечисления указанных средств организации, осуществляющей отчуждение (строительство) приобретаемого (строящегося) жилого помещения, либо физическому лицу, осуществляющему отчуждение приобретаемого жилого помещения, либо организации, в том числе кредитной, предоставившей по кредитному договору (договору займа) денежные средства на указанные цели (п. 1 ч. 1 ст. 10 названного федерального закона).

Согласно ч. 6^1 ст. 7 Закона о государственной поддержке семей заявление о распоряжении средствами материнского (семейного) капитала может быть подано в любое время со дня рождения (усыновления) второго, третьего ребенка или последующих детей в случае необходимости использования средств (части средств) материнского (семейного) капитала на погашение основного долга и уплаты процентов по кредитам или займам на приобретение (строительство) жилого помещения, включая ипотечные кредиты, предоставленным гражданам по кредитному договору (договору займа), заключенному с организацией, в том числе кредитной организацией.

На основании ч. 5 ст. 7 названного выше федерального закона правила подачи заявления о распоряжении, а также перечень документов, необходимых для реализации права распоряжения средствами материнского (семейного) капитала, устанавливаются уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

В соответствии с абзацем первым п. 2 Правил направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2007 г. № 862, лицо, получившее государственный сертификат на материнский (семейный) капитал, вправе использовать средства (часть средств) материнского (семейного) капитала на приобретение или строительство жилого помещения, осуществляемые гражданами посредством совершения любых не противоречащих закону сделок и участия в обязательствах (включая участие в жилищных, жилищно-строительных и жилищных накопительных кооперативах), путем безналичного перечисления указанных средств организации, осуществляющей отчуждение (строительство) приобретаемого (строящегося) жилого помещения, либо физическому лицу, осуществляющему отчуждение приобретаемого жилого помещения, либо организации, в том числе кредитной, предоставившей по кредитному договору (договору займа) денежные средства на указанные цели.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что приобретение истцом жилого дома не является улучшением жилищных условий семьи, а цель приобретения не соответствует целям направления средств материнского капитала.

Между тем, как видно из материалов дела, истец совершила действия, в результате которых жилищные условия ее семьи были фактически улучшены, о чем свидетельствуют документы, подтверждающие приобретение изолированного жилого помещения. Спорное домовладение соответствует требованиям, предъявляемым к жилому помещению, является пригодным для постоянного проживания, находится в экологически благоприятном для проживания районе, в транспортной доступности к местам работы и учебы.

Кроме того, законодатель не ограничивает держателя государственного сертификата в выборе способа улучшения жилищных условий, гражданин вправе иметь в собственности неограниченное количество объектов недвижимости, владеть и пользоваться ими по своему усмотрению, приобретение спорного дома соответствует цели направления данных средств – улучшению жилищных условий семьи, созданию многодетной семье истца условий, обеспечивающих достойную жизнь, что предусмотрено преамбулой Закона о государственной поддержке семей в качестве основной цели установления социальной поддержки семей, имеющих детей.

Поскольку истец приобрела земельный участок и расположенный на нем жилой дом, то расходование денежных средств материнского (семейного) капитала соответствует цели направления данных средств – улучшению жилищных условий семьи.

С учетом изложенных выше обстоятельств Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что правовых оснований для отмены решения суда первой инстанции у суда апелляционной инстанции не имелось.

Определение № 8-КГ17-16

Процессуальные вопросы

13. Иски о защите индивидуальных трудовых прав могут быть поданы в суд по правилам альтернативной подсудности.

П. обратился в районный суд г. Москвы с иском к организации о восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований П. указал на то, что состоял в трудовых отношениях с ответчиком, работал в Московском филиале организации. На основании приказа работодателя он был уволен с занимаемой должности по п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (по сокращению численности или штата работников). П. считает увольнение незаконным, поскольку сокращения численности или штата работников в филиале организации не проводилось, после его увольнения на занимаемую им должность принят другой работник.

Определением судьи районного суда г. Москвы, оставленным без изменения апелляционным определением, исковое заявление П. возвращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ по причине неподсудности дела данному районному суду. Истцу разъяснено, что с указанным заявлением он вправе обратиться в суд по месту нахождения ответчика.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

По общему правилу, установленному ст. 28 ГПК РФ, иск предъявляется в суд по месту жительства ответчика. Иск к организации предъявляется в суд по месту нахождения организации.

В ст. 29 ГПК РФ закреплены правила альтернативной подсудности – подсудности по выбору истца, согласно ч. 2 которой иск к организации, вытекающий из деятельности ее филиала или представительства, может быть предъявлен также в суд по месту нахождения ее филиала или представительства.

В ч. 9 ст. 29 ГПК РФ (в редакции, действовавшей на момент обращения П. с иском в районный суд г. Москвы) было предусмотрено, что иски, вытекающие из договоров, в которых указано место их исполнения, могут быть предъявлены также в суд по месту исполнения такого договора.

Согласно ч. 10 ст. 29 ГПК РФ выбор между несколькими судами, которым в силу данной статьи подсудно дело, принадлежит истцу.

Из приведенных норм процессуального закона следует, что право выбора суда, если дело подсудно нескольким судам, предоставлено истцу. Такое правовое регулирование является механизмом, направленным на создание наиболее оптимальных условий, для разрешения споров в судебном порядке и предоставляет истцу дополнительную гарантию судебной защиты прав и законных интересов – возможность выбора суда для обращения в суд с иском.

При подаче искового заявления в районный суд г. Москвы истец воспользовался указанным правом и обратился в данный суд исходя из осуществлявшейся им трудовой деятельности в Московском филиале организации и указанного в трудовом договоре его места работы, относящегося к территориальной подсудности данного районного суда.

Поскольку истцом по настоящему делу была выбрана подсудность по месту нахождения филиала организации, то суд был не вправе самостоятельно осуществить иной выбор подсудности заявленного П. спора и возвращать его исковое заявление на основании п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ.

Вывод суда первой инстанции о том, что расположение филиала правового значения в данном случае не имеет, поскольку в силу ст. 55 ГК РФ филиал не является юридическим лицом и, соответственно, не может являться ответчиком по заявленным требованиям, основан на ошибочном толковании норм процессуального права, устанавливающих правило альтернативной подсудности по искам к организациям, вытекающим из деятельности ее филиала или представительства, а также по искам, вытекающим из договоров, в которых указано место их исполнения. Вопрос же о привлечении к участию в деле в качестве надлежащего ответчика исходя из положений п. 1 ст. 48, ст. 55 ГК РФ юридического лица может быть разрешен судом в ходе подготовки дела к судебному разбирательству.

Ввиду изложенного вывод судов о том, что гражданское дело по иску П. к банку о восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда неподсудно районному суду г. Москвы, противоречит положениям чч. 2, 9, 10 ст. 29 ГПК РФ.

Кроме того, Судебная коллегия указала на следующее.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 272-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам повышения ответственности работодателей за нарушение законодательства в части, касающейся оплаты труда» (далее – Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 272-ФЗ), вступившим в законную силу с 3 октября 2016 г., ст. 29 ГПК РФ дополнена ч. 6^3, согласно которой иски о восстановлении трудовых прав могут предъявляться также в суд по месту жительства истца.

Частью 9 ст. 29 ГПК РФ в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 272-ФЗ установлено, что иски, вытекающие из договоров, в том числе трудовых, в которых указано место их исполнения, могут быть предъявлены также в суд по месту исполнения такого договора.

Таким образом, на момент проверки судом апелляционной инстанции (30 января 2017 г.) законности определения судьи районного

суда г. Москвы от 8 июня 2016 г. по частной жалобе П. изменения, внесенные в ст. 29 ГПК РФ Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 272-ФЗ, которыми установлены дополнительные правила об альтернативной подсудности споров по искам работников о восстановлении нарушенных трудовых прав (право работника предъявить иск по спорам, связанным с восстановлением нарушенных трудовых прав, по месту его жительства либо по месту исполнения им обязанностей по трудовому договору) и которые направлены на создание наиболее оптимальных условий работникам для разрешения индивидуальных трудовых споров в судебном порядке, вступили в силу, что не было принято во внимание судом апелляционной инстанции, оставившим в силе определение суда первой инстанции, вследствие чего П. были созданы препятствия в реализации его права на судебную защиту.

Определение № 5-КГ17-173

14. Предъявление взыскателем исполнительного листа к одному из солидарных должников не прерывает течение срока давности для предъявления исполнительных листов к исполнению в отношении других должников.

Л. обратился в суд с заявлением о прекращении исполнительного производства, ссылаясь на то, что заочным решением суда от 16 ноября 2007 г. удовлетворен иск банка к Л., Г., М. и Е. о взыскании солидарно задолженности по кредитному договору. Данное решение суда вступило в законную силу 18 декабря 2007 г.

На основании указанного решения суда 24 января 2008 г. взыскателю выдан исполнительный лист, который 18 января 2016 г. предъявлен банком для исполнения в службу судебных приставов. 19 января 2016 г. судебным приставом-исполнителем вынесено постановление о возбуждении исполнительного производства по взысканию с Л. в пользу банка 517 568,87 руб.

Поскольку исполнительный лист был предъявлен к исполнению за пределами установленного законом трехлетнего срока, то, по мнению заявителя, исполнительное производство подлежит прекращению.

Определением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении заявления Л.В. отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с вынесенными судебными постановлениями по следующим основаниям.

Статьей 323 ГК РФ предусмотрено, что при солидарной обязанности должников кредитор вправе требовать исполнения как от всех должников

совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга (п. 1).

Согласно ч. 1 ст. 428 ГПК РФ исполнительный лист выдается судом взыскателю после вступления судебного постановления в законную силу, за исключением случаев немедленного исполнения, если исполнительный лист выдается немедленно после принятия судебного постановления. Исполнительный лист выдается взыскателю или по его просьбе направляется судом для исполнения.

В соответствии со ст. 429 данного кодекса по каждому решению суда выдается один исполнительный лист. Однако, если решение принято в пользу нескольких истцов или против нескольких ответчиков, а также если исполнение должно быть произведено в различных местах, суд по просьбе взыскателя должен выдать несколько исполнительных листов с точным указанием места исполнения или той части решения, которая по данному листу подлежит исполнению (ч. 1).

На основании решения или приговора суда о взыскании денежных сумм с солидарных ответчиков по просьбе взыскателя должно быть выдано несколько исполнительных листов, число которых соответствует числу солидарных ответчиков. В каждом исполнительном листе должна быть указана общая сумма взыскания и должны быть указаны все ответчики и их солидарная ответственность (ч. 2).

В силу ч. 1 ст. 21 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве) исполнительные листы, выдаваемые на основании судебных актов, за исключением исполнительных листов, указанных в чч. 2, 4 и 7 данной статьи, могут быть предъявлены к исполнению в течение трех лет со дня вступления судебного акта в законную силу.

Согласно ч. 1 ст. 432 ГПК РФ срок предъявления исполнительного документа к исполнению прерывается предъявлением его к исполнению, если федеральным законом не установлено иное, а также частичным исполнением должником судебного постановления.

В ст. 22 Закона об исполнительном производстве также указано, что срок предъявления исполнительного документа к исполнению прерывается: 1) предъявлением исполнительного документа к исполнению; 2) частичным исполнением исполнительного документа должником (ч. 1).

После перерыва течение срока предъявления исполнительного документа к исполнению возобновляется. Время, истекшее до прерывания срока, в новый срок не засчитывается (ч. 2).

Из установленных судом обстоятельств и материалов дела следует, что исполнительный лист в отношении должника Л. взыскателем с

момента вступления решения суда в законную силу (18 декабря 2007 г.) не предъявлялся к исполнению более трех лет – до 15 марта 2011 г.

Установленные судом обстоятельства дела также свидетельствуют, что исполнительные листы выданы отдельно в отношении каждого должника, в указанный выше период взыскателем в службу судебных приставов предъявлялись исполнительные листы в отношении должников Е. и М.

Каких-либо данных о том, что в названный период течения срока предъявления исполнительного листа взыскателем предъявлялся исполнительный лист в отношении Л., либо о том, что Л. произведено частичное исполнение решения, судом не установлено.

Таким образом, в период с 18 декабря 2007 г. по 15 марта 2011 г. судом не установлено обстоятельств, которые в силу закона являлись бы основанием для перерыва течения срока предъявления исполнительного листа в отношении Л. к исполнению.

Ссылаясь на перерыв течения срока предъявления исполнительного листа в отношении Л. его частичным исполнением после предъявления его взыскателем в марте 2011 года, суд не учел, что эти действия были совершены уже после того, как исполнительный лист, как указано выше, не предъявлялся к исполнению более трех лет.

Доводы представителя банка о том, что к этим отношениям по аналогии подлежат применению положения п. 2 ст. 206 ГК РФ, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала необоснованными, поскольку данной нормой предусмотрено специальное основание для течения срока исковой давности заново и только при условии признания должником в письменной форме своего долга.

Кроме того, из установленных судом обстоятельств дела следует, что в декабре 2013 года взыскателем был отозван неисполненный исполнительный лист в отношении Л., в связи с чем исполнительное производство по данному исполнительному листу было окончено. Вновь этот исполнительный лист был предъявлен взыскателем к исполнению в январе 2016 года, когда с момента вступления в силу решения суда прошло более 9 лет.

Мотивы, по которым взыскателем был отозван неисполненный исполнительный лист, судебными инстанциями не устанавливались, оценка им не дана.

Между тем постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2016 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 21, ч. 2 ст. 22 и ч. 4 ст. 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой гражданина М.Л. Ростовцева» признаны не соответствующими Конституции Российской

Федерации (ее ст. 35 (ч. 2), 46 (ч. 1) и 55 (ч. 3) положения ч. 1 ст. 21, ч. 2 ст. 22 и ч. 4 ст. 46 Закона об исполнительном производстве в той мере, в какой эти положения в их взаимосвязи позволяют – при неоднократном прерывании срока предъявления исполнительного документа к исполнению предъявлением исполнительного документа к исполнению с последующим возвращением взыскателю на основании его заявления – всякий раз исчислять течение этого срока заново с момента возвращения исполнительного документа по данному основанию взыскателю и продлевать его тем самым на неопределенно длительное время.

Как разъяснил Конституционный Суд Российской Федерации, поскольку в каждом случае предъявления исполнительного документа к исполнению после возвращения исполнительного документа взыскателю срок его предъявления к исполнению прерывается, такие действия взыскателя в течение неограниченного времени могут привести к тому, что исполнительное производство не будет окончено исполнением содержащегося в исполнительном документе требования, а должник – при наличии вынесенного в отношении его неисполненного судебного акта – должен бесконечно пребывать под угрозой применения к нему и принадлежащему ему имуществу исполнительных действий и мер принудительного исполнения.

Это судебными инстанциями учтено не было и повлекло вынесение незаконных судебных постановлений.

Определение № 81-КГ17-5

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о банкротстве

15. Возврат приобретшего корпоративную природу капиталозамещающего финансирования не за счет чистой прибыли, а за счет текущей выручки должника необходимо рассматривать как злоупотребление правом со стороны мажоритарного участника (акционера). Соответствующие действия, оформленные в качестве возврата займов, подлежат признанию недействительными по правилам ст. 10, 168 ГК РФ как совершенные со злоупотреблением правом.

На основании платежных поручений с расчетного счета компании обществу, являющемуся единственным участником компании, перечислены денежные средства.

В качестве основания платежей в платежных документах указано на погашение обязательств по договорам займа.

Впоследствии определением суда возбуждено производство по делу о несостоятельности (банкротстве) компании.

Конкурсный управляющий компании обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными операций по перечислению денежных средств, ссылаясь на то, что платежи совершены в условиях неплатежеспособности компании: уже имелись обязательства перед иными кредиторами, в том числе с наступившим сроком исполнения (в частности, перед уполномоченным органом по налогу на доходы физических лиц, который должник удержал, но не перечислил в бюджет), в настоящее время требования данных кредиторов включены в реестр. Общество, формально выступившее заимодавцем, являлось единственным участником должника (ему принадлежала 100-процентная доля), предоставленные им денежные средства фактически не являлись займом, отношения носили корпоративный характер, были направлены на докапитализацию бизнеса. Единственный участник не мог не располагать информацией о неудовлетворительном финансовом состоянии компании на момент выдачи займов. Последующее изъятие ранее предоставленных средств причинило вред кредиторам должника.

Определением суда первой инстанции заявление удовлетворено.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, определение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Действующее законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым очередность удовлетворения требований аффилированных (связанных) с должником кредиторов по гражданским обязательствам, не являющимся корпоративными, понижается. При этом сама по себе выдача займа участником должника не свидетельствует о корпоративном характере требования по возврату полученной суммы для целей банкротства.

Вместе с тем п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве предусмотрены определенные обстоятельства, при наличии которых должник обязан обратиться в суд с заявлением о собственном банкротстве в связи с невозможностью дальнейшего осуществления нормальной хозяйственной деятельности по экономическим причинам (абзацы второй, пятый, шестой и седьмой названного пункта).

При наступлении подобных обстоятельств добросовестный руководитель должника вправе предпринять меры, направленные на санацию должника, если он имеет правомерные ожидания преодоления кризисной ситуации в разумный срок, прилагает необходимые усилия для достижения такого результата, выполняя экономически обоснованный план (абзац второй п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»).

Пока не доказано иное, предполагается, что мажоритарные участники (акционеры), голоса которых имели решающее значение при назначении руководителя, своевременно получают информацию о действительном положении дел в хозяйственном обществе. При наличии такой информации контролирующие участники (акционеры) де-факто принимают управленческие решения о судьбе должника – о даче согласия на реализацию выработанной руководителем стратегии выхода из кризиса и об оказании содействия в ее реализации либо об обращении в суд с заявлением о банкротстве должника.

Поскольку перечисленные случаи невозможности продолжения хозяйственной деятельности в обычном режиме, как правило, связаны с недостаточностью денежных средств, экономически обоснованный план преодоления тяжелого финансового положения предусматривает привлечение инвестиций в бизнес, осуществляемый должником, в целях пополнения оборотных средств, увеличения объемов производства (продаж), а также докапитализации на иные нужды.

Соответствующие вложения могут оформляться как увеличение уставного капитала, предоставление должнику займов и иным образом.

При этом, если мажоритарный участник (акционер) вкладывает свои средства через корпоративные процедуры, соответствующая информация раскрывается публично и становится доступной кредиторам и иным участникам гражданского оборота. В этом случае последующее изъятие вложенных средств также происходит в рамках названных процедур (распределение прибыли, выплата дивидендов и т.д.).

Когда же мажоритарный участник (акционер) осуществляет вложение средств с использованием заемного механизма, финансирование публично не раскрывается. При этом оно позволяет завуалировать кризисную ситуацию, создать перед кредиторами и иными третьими лицами иллюзию благополучного положения дел в хозяйственном обществе.

Однако обязанность контролирующего должника лица действовать разумно и добросовестно в отношении как самого должника (п. 3 ст. 53^1 ГК РФ), так и гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов должника, подразумевает содействие кредиторам в получении

необходимой информации, влияющей на принятие ими решений относительно порядка взаимодействия с должником (абзац третий п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Поэтому в ситуации, когда одобренный мажоритарным участником (акционером) план выхода из кризиса, не раскрытый публично, не удалось реализовать, на таких участников (акционеров) относятся убытки, связанные с санационной деятельностью в отношении контролируемого хозяйственного общества, в пределах капиталозамещающего финансирования, внесенного ими при исполнении упомянутого плана. Именно эти участники (акционеры), чьи голоса формировали решения высшего органа управления хозяйственным обществом (общего собрания участников (акционеров)), под контролем которых находился и единоличный исполнительный орган, ответственны за деятельность самого общества в кризисной ситуации и, соответственно, несут риск неэффективности избранного плана непубличного дофинансирования.

Изъятие вложенного названным мажоритарным участником (акционером) не может быть приравнено к исполнению обязательств перед независимыми кредиторами (п. 4 ст. 1 ГК РФ).

Определение № 305-ЭС15-5734 (4,5)

16. Требование участника о возврате вклада в уставной капитал общества в связи с недействительностью решения об увеличении уставного капитала является корпоративным и не подлежит включению в реестр требований кредиторов.

Решением общего собрания участников общества увеличен его уставной капитал за счет внесения вклада компанией.

В соответствии с соглашением о зачете требование общества к компании о внесении вклада засчитывается в счет требования компании к обществу о возврате суммы займа.

Решением арбитражного суда признано недействительным решение общего собрания участников общества об увеличении уставного капитала.

В рамках дела о банкротстве общества компания обратилась с заявлением о включении в реестр требований кредиторов ее требования о возврате суммы займа.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление компании удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Закон о банкротстве (абзац восьмой ст. 2) не относит к конкурсным кредиторам учредителей (участников) должника по обязательствам, вытекающим из такого участия, поскольку характер обязательств этих лиц непосредственно связан с их ответственностью за деятельность общества в пределах стоимости принадлежащих им долей. Обязательства должника перед своими учредителями (участниками), вытекающие из такого участия (далее – корпоративные обязательства), носят внутренний характер и не могут конкурировать с внешними обязательствами, то есть с обязательствами должника как участника имущественного оборота перед другими участниками оборота.

Учредители (участники) должника - юридического лица несут риск отрицательных последствий, связанных с его деятельностью. Как следствие, требования таких лиц по корпоративным обязательствам не подлежат включению в реестр требований кредиторов. Закон не лишает их права на удовлетворение своих требований, однако это право реализуется после расчетов с другими кредиторами за счет оставшегося имущества должника (п. 1 ст. 148 Закона о банкротстве, п. 8 ст. 63 ГК РФ).

При предоставлении заинтересованным лицом доказательств, указывающих на то, что требование участника вытекает из факта его участия в обществе, признанном банкротом, на такого участника переходит бремя по опровержению соответствующего довода («Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017)», утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 декабря 2017 г.).

Компания не только выразила свою волю на увеличение уставного капитала посредством зачета требования о возврате займа, но и фактически ее реализовала (соответствующие изменения размера уставного капитала должника и перераспределение долей участия в нем состоялись, данные изменения зарегистрированы в установленном порядке), что в свою очередь впоследствии позволило компании пользоваться корпоративными правами с учетом увеличившейся доли (участвовать в собрании, назначать директора и т.п.). Следовательно, требование компании в части, касающейся зачтенных сумм, по существу является требованием о возврате взноса в уставной капитал должника, то есть определенно вытекает из отношений фактического участия в последнем.

С учетом изложенного последствия недействительности сделки по увеличению уставного капитала, оформленной в том числе решением общего собрания участников общества, хотя и носят реституционный характер (п. 2 ст. 167 ГК РФ), по сути, направлены на уменьшение

уставного капитала путем уменьшения номинальной стоимости долей всех участников общества и поэтому не могут конкурировать с требованиями независимых кредиторов.

В силу изложенного такое требование не может быть включено в реестр требований кредиторов.

Определение № 305-ЭС17-17208

17. При обжаловании решения суда о взыскании задолженности с должника, признанного банкротом, арбитражный управляющий и кредиторы должника должны заявить доводы и (или) указать на доказательства, которые с разумной степенью достоверности позволили бы суду усомниться в достаточности и достоверности доказательств, представленных должником и истцом в обоснование наличия заложенности. Бремя опровержения этих сомнений лежит на истце, в пользу которого принят оспариваемый судебный акт.

Решением суда первой инстанции удовлетворен иск общества к фирме о взыскании задолженности по оплате выполненных работ по договору подряда.

Впоследствии определением суда в отношении фирмы введена процедура наблюдения.

В рамках дела о банкротстве фирмы общество обратилось с заявлением о включении его требования, основанного на договоре подряда, в реестр требований кредиторов.

Не согласившись с решением суда первой инстанции, временный управляющий должника и конкурсный кредитор должника обжаловали его в апелляционном порядке со ссылкой на правовую позицию, содержащуюся в п. 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (далее – постановление № 35). Заявители апелляционных жалоб настаивали на сомнительности обязательств, положенных в основу судебного акта. По их мнению, подрядных правоотношений не было, а задолженность создана искусственно (формально) с целью установления контроля в процедурах банкротства. В подтверждение этой позиции заявители сослались на совокупность обстоятельств: аффилированность общества и фирмы, длительное отсутствие претензий со стороны подрядчика к заказчику вплоть до банкротства последнего, дефекты в исполнительной документации, представленной в суд, признание иска ответчиком без исследования обстоятельств спора и другие. Заявители ходатайствовали перед судом о проведении судебной экспертизы с целью

установления объема и стоимости работ, об истребовании документов, подтверждающих исполнение фирмой данных работ, а также о приобщении документов, подтверждающих, что исполнителем указанных работ являлась фирма.

При рассмотрении апелляционных жалоб в судебном заседании суд апелляционной инстанции в удовлетворении указанных ходатайств отказал и принял постановление об оставлении судебного решения без изменения, апелляционных жалоб – без удовлетворения. Выводы апелляционного суда мотивированы тем, что заявители не доказали обстоятельств, указывающих на создание мнимой кредиторской задолженности, в то время как факт выполнения работ подтвержден актами об их приемке.

Арбитражный суд округа согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Как правило, судебный спор отражает конфликт сторон по поводу различной оценки ими обстоятельств тех или иных правоотношений и (или) применимым к ним нормам права. Результат разрешения судебного спора отражается в судебном акте. Судебные акты, принимаемые арбитражными судами, должны быть законными, обоснованными и мотивированными (ч. 4 ст. 15 АПК РФ), что достигается, помимо прочего, выполнением лицами, участвующими в деле, обязанностей по доказыванию обстоятельств, на которые они ссылаются как на основание своих требований и возражений (ст. 8, 9, 65 АПК РФ), а также выполнением арбитражным судом обязанности по оценке представленных доказательств и разрешению прочих вопросов, касающихся существа спора (ст. 71, 168-175, 271 АПК РФ).

В силу ч. 1 ст. 16 АПК РФ на всей территории Российской Федерации вступившие в законную силу судебные акты арбитражного суда обладают свойством общеобязательности. Вступившим в законную силу судебным актом, содержащим выводы по существу дела, ликвидируется спор и отношениям участников этого спора придается правовая определенность.

В условиях банкротства должника и конкуренции его кредиторов возможны ситуации, когда отдельные лица инициируют судебный спор по мнимой задолженности с целью получения внешне безупречного судебного акта для включения в реестр требований кредиторов. Подобные споры характеризуются представлением минимально необходимого набора доказательств, пассивностью сторон при опровержении позиций друг друга, признанием сторонами обстоятельств дела или признанием ответчиком иска и т.п. В связи с тем, что интересы названных лиц и

должника совпадают, их процессуальная деятельность направлена не на установление истины, а на иные цели. Принятыми по таким спорам судебными актами могут нарушаться права других кредиторов, имеющих противоположные интересы и, как следствие, реально противоположную процессуальную позицию. Закон предоставляет независимым кредиторам, а также арбитражному управляющему, право обжаловать судебный акт, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование (ч. 3 ст.16 АПК РФ, п. 24 постановления № 35). Однако по объективным причинам, связанным с тем, что они не являлись участниками правоотношений по спору, инициированному упомянутыми лицами, независимые кредиторы и арбитражный управляющий ограничены в возможности представления достаточных доказательств, подтверждающих их доводы. В то же время они должны заявить такие доводы и (или) указать на такие прямые или косвенные доказательства, которые с разумной степенью достоверности позволили бы суду усомниться в достаточности и достоверности доказательств, представленных должником и имеющим с ним общий интерес кредитором. Бремя опровержения этих сомнений лежит на последнем. При чем это не должно составить для него затруднений, поскольку именно он должен обладать всеми доказательствами своих правоотношений с несостоятельным должником.

Таким образом, для предотвращения необоснованных требований к должнику и нарушений тем самым прав его кредиторов к доказыванию обстоятельств, связанных с возникновением задолженности должника-банкрота, предъявляются повышенные требования (п. 26 постановления № 35, п. 13 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 декабря 2016 г.).

Предъявление к конкурирующим кредиторам высокого стандарта доказывания привело бы к неравенству кредиторов. Для уравнивания кредиторов в правах суд в силу п. 3 ст. 9 АПК РФ должен оказывать содействие в реализации их прав, создавать условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении дела.

Определение № 305-ЭС17-14948

18. Сделки по принятию единственным участником хозяйственного общества решения об увеличении уставного капитала за счет дополнительного вклада третьего лица и включению этого третьего лица в состав участников общества подлежат проверке в

рамках дела о банкротстве единственного участника общества по правилам ст. 170 ГК РФ – в случае фактического невнесения этим третьим лицом реального дополнительного вклада (либо внесения им символического дополнительного вклада) или по правилам гл. III.1 Закона о банкротстве – в случае внесения третьим лицом дополнительного вклада, равного номинальной стоимости приобретенной им доли.

Предприниматель являлся единственным участником общества.

Определением арбитражного суда в отношении предпринимателя введена процедура наблюдения.

По правилам п. 1 ст. 207 Закона о банкротстве наложен арест на принадлежащее должнику имущество и имущественные права (в том числе на доли участия в обществе).

Затем на основании решения предпринимателя и заявления В. последняя введена в состав участников общества с 50-процентной долей участия, доля предпринимателя уменьшилась до 50 процентов. Данные действия совершены со ссылкой на увеличение уставного капитала общества за счет внесения В. дополнительного вклада.

Впоследствии на основании заявления предпринимателя о выходе из общества его 50-процентная доля участия перешла к обществу и согласно протоколу общего собрания участников перераспределена в пользу В., которая стала обладателем 100-процентной доли участия в обществе.

Решением арбитражного суда предприниматель признан несостоятельным (банкротом), в отношении его имущества открыта процедура конкурсного производства.

Конкурсный управляющий имуществом должника обратился в суд с требованиями о признании недействительными взаимосвязанных сделок по передаче В. прав участия в обществе под видом увеличения уставного капитала упомянутого общества.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены в части признания недействительными выхода предпринимателя из общества и перераспределения его доли в пользу В., в части признания недействительным включения В. в состав участников общества в удовлетворении иска отказано. Мотивируя отказ в удовлетворении части исковых требований, суды указали, что снижение номинальной стоимости изначально принадлежащей предпринимателю доли не произошло и, как следствие, не возникли вредоносные последствия для кредиторов должника.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части отказа в удовлетворении исковых требований и в данной части отправила спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Сам по себе тот факт, что после принятия решения об увеличении уставного капитала и введения в состав участников В. не изменилась номинальная стоимость доли участия предпринимателя в обществе, не свидетельствует ни о действительности соответствующих сделок, ни об отсутствии нарушения прав кредиторов.

Размер причитающегося кредиторам удовлетворения определяется не номинальной, а рыночной стоимостью доли участия, принадлежащей предпринимателю. При этом рыночная стоимость доли зависит, в частности, от величины чистых активов хозяйственного общества, размера данной доли в процентах (является она контрольной (мажоритарной) или неконтрольной (миноритарной)).

Поэтому для разрешения вопроса о причинении сделками вреда кредиторам судам следовало проанализировать изменение рыночной стоимости доли предпринимателя в результате совершения спорных операций по увеличению уставного капитала.

Более того, в обоснование заявленных требований конкурсный управляющий имуществом должника ссылался в том числе на то, что последовательно совершенные в короткий промежуток времени сделки по увеличению уставного капитала общества, приему в это общество В., выходу предпринимателя из упомянутого общества и передаче его уменьшенной доли В. являлись взаимосвязанными, притворными, прикрывающими сделку по прямому отчуждению предпринимателем 100-процентой доли участия в обществе В. в целях избежания обращения взыскания на данную долю в конкурсном производстве. При этом В. являлась близкой родственницей предпринимателя, проживала с ним в одной квартире и не могла не знать о финансовом состоянии должника. Как указывал конкурсный управляющий, 100-процентная доля участия в обществе имела высокую рыночную стоимость. Названному обществу принадлежали значительные ликвидные активы (доли в праве собственности на земельные участки, нежилые помещения, транспортные средства).

По мнению заявителей, прикрываемая сделка также являлась недействительной как на основании п. 1 ст. 174^1 ГК РФ (как сделка, совершенная в нарушение запрета, ограничения на распоряжение имуществом, вытекающих из законодательства о несостоятельности (банкротстве)), так и на основании п. 2 ст. 61^2 Закона о банкротстве (как подозрительная сделка, совершенная в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов).

Суды так же не проверили, внесен ли В. дополнительный вклад.

В ситуации принятия единственным участником хозяйственного общества формального решения об увеличении уставного капитала за счет дополнительного вклада третьего лица, невнесения этим третьим лицом реального дополнительного вклада (либо внесения им символического дополнительного вклада) и при установлении обстоятельств, указывающих на взамосвязанность упомянутых действий (бездействия) и последующих действий по выходу из общества бывшего единственного участника, перераспределению его доли в пользу нового участника, соответствующие сделки подлежат признанию притворными (п. 2 ст. 170 ГК РФ), прикрывающими прямое безвозмездное отчуждение доли.

В свою очередь, прикрываемая сделка, совершенная в нарушение положений п. 1 ст. 174^1 ГК РФ, является недействительной (ничтожной).

Если же во исполнение решения об увеличении уставного капитала за счет дополнительного вклада третьего лица последнее внесло вклад, равный номинальной стоимости полученной им доли, сделка по увеличению уставного капитала подлежит проверке на соответствие требованиям п. 2 ст. 61^2 Закона о банкротстве с учетом следующего.

По смыслу ст. 19 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» увеличение уставного капитала общества за счет дополнительного вклада третьего лица, принимаемого в общество, направлено на привлечение хозяйственным обществом инвестиций в обмен на передачу инвестору другого актива – доли участия в хозяйственном обществе с увеличенным уставным капиталом. При получении инвестором доли, наделяющей его имущественными и корпоративными правами, явно не соответствующими объему внесенного им дополнительного вклада, обмен ценностями не является эквивалентным. В этом случае, по сути, приобретение доли осуществляется инвестором как за счет его дополнительного вклада, так и за счет вложений в общество, сделанных ранее бывшим единственным участником, то есть происходит прирост активов инвестора за счет снижения актива бывшего единственного участника (уменьшения размера его доли в стоимостном выражении), причиняя тем самым вред кредиторам последнего. К оспариванию подобных сделок, совершенных за счет должника, применяются положения гл. III.1 Закона о банкротстве (п. 1 ст. 61^1 Закона).

Определение № 301-ЭС17-13352

19. Действия, направленные на установление сложившегося в пользу заказчика сальдо взаимных предоставлений по договору

подряда, не могут быть оспорены по правилам статьи 61[3] Закона о банкротстве в рамках дела о банкротстве подрядчика.

В 2014 г. предприятием (подрядчиком) и обществом (заказчиком) заключен договор строительного подряда. Срок окончания работ – 1 ноября 2014 г.

Письмом от 31 октября 2014 г. заказчик уведомил подрядчика об отказе от исполнения договора в связи с нарушением подрядчиком срока исполнения работ и просил передать результаты фактически исполненного.

Определением арбитражного суда от 17 июня 2015 г. принято к производству заявление о признании предприятия несостоятельным (банкротом).

Общество направило предприятию письмо от 15 октября 2015 г., в котором заявило, что засчитывает против требований должника об оплате выполненных работ свои требования, также возникшие из договора подряда.

Решением арбитражного от 26 мая 2016 г. предприятие признано несостоятельным (банкротом).

Сославшись на то, что произведенный после возбуждения дела о банкротстве предприятия зачет повлек преимущественное удовлетворение требований общества по отношению к иным ожидающим исполнения кредиторам, конкурсный управляющий должником обратился в суд с заявлением об оспаривании сделки.

Определением суда первой инстанции в удовлетворении заявления отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, определение суда первой инстанции отменено, заявление удовлетворено.

Верховный Суд Российской Федерации отменил постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставил в силе определение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Отказ от исполнения договоров подряда заявлен обществом на основании п. 2 ст. 715 ГК РФ, согласно которому заказчик вправе отказаться от исполнения договора, если подрядчик выполняет работу настолько медленно, что окончание ее к сроку становится явно невозможным. В этом случае подрядчик обязан возместить заказчику убытки. Последствия прекращения договора по данному основанию урегулированы и ст. 728 ГК РФ: подрядчик также обязан возвратить заказчику ранее предоставленные материалы, а если это оказалось невозможным, – возместить их стоимость.

В то же время прекращение договора подряда не должно приводить и к неосновательному обогащению заказчика – к освобождению его от обязанности по оплате выполненных до прекращения договора работ, принятых заказчиком и представляющих для него потребительскую ценность (ст. 1102 ГК РФ).

Таким образом, прекращение договора подряда порождает необходимость соотнесения взаимных предоставлений сторон по этому договору и определения завершающей обязанности одной стороны в отношении другой.

В письме от 15 октября 2015 г., поименованном заявлением о зачете, заказчик, по сути, определил завершающее сальдо по договору подряда с учетом частичного выполнения работ, выявленных недостатков этих работ, произведенного заказчиком авансирования и передачи им материалов подрядчику, неиспользованных последним и невозвращенных заказчику после прекращения договора, убытков, возникших на стороне заказчика в связи с неисправностью подрядчика. Зачет сальдо встречных завершающих обязательств по разным подрядным сделкам сторонами не производился.

В рамках настоящего дела о банкротстве подрядчика в реестр требований его кредиторов включена задолженность перед обществом по рассматриваемому договору подряда. Данная сумма является разницей между полученным им результатом работ в стоимостном выражении и размером аванса, платы за неиспользованные материалы, убытками, причинными подрядчиком.

Действия, направленные на установление сложившегося в пользу заказчика сальдо взаимных предоставлений по договору подряда, не являются сделкой, которая могла быть оспорена по правилам ст. 61^3 Закона о банкротстве в рамках дела о банкротстве подрядчика, поскольку в этом случае отсутствует такой квалифицирующий признак, как получение заказчиком предпочтения. Аналогичный вывод вытекает из смысла разъяснений, данных в абзаце четвертом п. 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве».

Определение № 304-ЭС17-14946

20. Если залоговый кредитор получает удовлетворение не в соответствии с процедурой, предусмотренной ст. 134, 138 и 142 Закона о банкротстве, а в индивидуальном порядке (в том числе в периоды, указанные пп. 2 и 3 ст. 61^3 данного Закона), он в любом случае не может считаться получившим предпочтение в размере, равном части

ценности заложенного имущества, на получение которой он имел приоритет перед другими кредиторами.

После принятия к производству заявления о признании должника банкротом банком и должником заключено соглашение о прекращении обязательств предоставлением отступного, в соответствии с которым стороны пришли к соглашению о прекращении обеспеченных залогом обязательств должника по договору об открытии кредитной линии предоставлением взамен исполнения отступного. В качестве отступного должник передал в собственность банку железнодорожные вагоны.

Полагая, что в результате совершения названной сделки банку оказано предпочтение перед иными кредиторами, конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании соглашения об отступном недействительным и о применении последствий недействительности сделки.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отправила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Ключевой характеристикой требования залогодержателя является то, что он имеет безусловное право в рамках дела о банкротстве получить удовлетворение от ценности заложенного имущества приоритетно перед остальными (в том числе текущими) кредиторами, по крайней мере, в части 80 процентов стоимости данного имущества (если залог обеспечивает кредитные обязательства – ст. 18^1, п. 2 ст. 138 Закона о банкротстве).

Таким образом, если залоговый кредитор получает удовлетворение не в соответствии с процедурой, предусмотренной ст. 134, 138 и 142 Закона о банкротстве, а в индивидуальном порядке (в том числе в периоды, указанные в пп. 2 и 3 ст. 61^3 данного Закона), он в любом случае не может считаться получившим предпочтение в части названных 80 процентов.

В настоящем деле в части, касающейся объема недействительности сделки и порядка применения реституции, применимы разъяснения, изложенные в п. 29.3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением гл. III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». По общему правилу, признание судом сделки недействительной не может повлечь ухудшение положения залогового кредитора в той части, в которой обязательство было прекращено без признаков предпочтения. При этом в случае

невозможности осуществления натуральной реституции в рамках применения последствий недействительности сделки с залогового кредитора взыскиваются денежные средства только в размере обязательств, погашенных с предпочтением.

Определение № 305-ЭС17-3098 (2)

21. Срок исковой давности по требованию о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности по долгам должника-банкрота, по общему правилу, начинает течь с момента, когда действующий в интересах всех кредиторов арбитражный управляющий или кредитор, обладающий правом на подачу заявления, узнал или должен был узнать о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности.

Учитывая объективную сложность получения арбитражным управляющим, кредиторами отсутствующих у них прямых доказательств того, что лицо давало указания должнику-банкроту и его контролирующим лицам, судами должна приниматься во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств, сформированная на основании анализа поведения упомянутых субъектов.

Конкурсный управляющий должника обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении А. к субсидиарной ответственности по долгам должника.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из того, что конкурсный управляющий не представил доказательств дачи А. указаний руководителям должника относительно перечисления денежных средств должника через счета другого общества в целях последующего их зачисления на счета А. Суды также пришли к выводу о пропуске конкурсным управляющим срока исковой давности, который суды исчислили с момента, когда конкурсный управляющий и уполномоченный орган узнали о перечислении денежных средств должника на счета А.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 200 ГК РФ срок исковой давности по требованию о привлечении к субсидиарной ответственности, по общему правилу, начинает течь с момента, когда действующий в интересах всех кредиторов

арбитражный управляющий или кредитор, обладающий правом на подачу заявления, узнал или должен был узнать о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности – о совокупности следующих обстоятельств: о лице, контролирующем должника (имеющем фактическую возможность давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия), неправомерных действиях (бездействии) данного лица, причинивших вред кредиторам и влекущих за собой субсидиарную ответственность, и о недостаточности активов должника для проведения расчетов со всеми кредиторами.

При этом в любом случае течение срока исковой давности не может начаться ранее возникновения права на подачу в суд заявления о привлечении к субсидиарной ответственности (применительно к настоящему делу – не ранее введения процедуры конкурсного производства).

В рассматриваемом случае суды ошибочно связали начало течения срока исковой давности с моментом, когда правомочное лицо узнало о факте совершения платежей в пользу А. Вопреки позиции судов, из данного факта невозможно сделать выводы ни о неправомерности действий А., ни о наличии у него статуса конечного бенефициара, виновного в банкротстве должника, поскольку в нормальном обороте платежи, как правило, совершаются в счет исполнения существующих обязательств.

Суды не выяснили, с какого момента правомочные лица узнали или реально имели возможность узнать об обстоятельствах, положенных в обоснование требования конкурсного управляющего, – об имевшем, по их мнению, неправомерном обращении А. в свою собственность выручки должника в отсутствие реальных отношений, в том числе заемных, с использованием недостоверного документооборота, которое привело к банкротству должника. Поэтому вывод судов о пропуске срока исковой давности является преждевременным.

Кроме того, разрешая спор, суды, по сути, сочли, что вменяемый А. контроль над должником должен быть подтвержден лишь прямыми доказательствами – исходящими от бенефициара документами, в которых содержатся явные указания, адресованные должнику, относительно его деятельности. Однако конечный бенефициар, не имеющий соответствующих формальных полномочий, не заинтересован в раскрытии своего статуса контролирующего лица. Наоборот, он обычно скрывает наличие возможности оказания влияния на должника. Его отношения с подконтрольным обществом не регламентированы какими-либо нормативными или локальными актами, которые бы устанавливали соответствующие правила, стандарты поведения. В такой ситуации судам следовало проанализировать поведение привлекаемого к ответственности

лица и должника. О наличии подконтрольности, в частности, могли свидетельствовать следующие обстоятельства: действия названных субъектов синхронны в отсутствие к тому объективных экономических причин; они противоречат экономическим интересам должника и одновременно ведут к существенному приросту имущества лица, привлекаемого к ответственности; данные действия не могли иметь место ни при каких иных обстоятельствах, кроме как при наличии подчиненности одного другому и т.д.

Учитывая объективную сложность получения арбитражным управляющим, кредиторами отсутствующих у них прямых доказательств дачи указаний, судами должна приниматься во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств, сформированная на основании анализа поведения упомянутых субъектов.

Если заинтересованные лица привели достаточно серьезные доводы и представили существенные косвенные доказательства, которые во взаимосвязи позволяют признать убедительными их аргументы о возникновении отношений фактического контроля и подчиненности, в силу ст. 65 АПК РФ бремя доказывания обратного переходит на привлекаемое к ответственности лицо.

Определение № 302-ЭС14-1472 (4,5,7)

22. Если причиной отсутствия у должника средств, достаточных для погашения судебных расходов, явились неправомерные виновные действия арбитражного управляющего, заявитель по делу о банкротстве, выплативший соответствующие суммы, вправе потребовать возмещения своих убытков с арбитражного управляющего. Исковая давность по такому требованию исчисляется с момента, когда заявитель объективно имел возможность получить информацию о совокупности фактов: о противоправном расходовании управляющим конкурсной массы, о недостаточности оставшейся конкурсной массы для погашения судебных расходов и расходов на выплату вознаграждения арбитражному управляющему и предъявлении заявителю требования о компенсации названных расходов за его счет.

Определением арбитражного суда, вынесенного в рамках дела о банкротстве артели, признаны незаконными действия конкурсного управляющего должника, выразившиеся в необоснованном завышении в 2010 году текущих расходов на оплату услуг привлеченного управляющим общества.

Определением арбитражного суда в 2014 году конкурсному кредитору – заявителю в деле о банкротстве (далее – заявитель) отказано во взыскании с конкурсного управляющего в конкурсную массу артели убытков, причиненных указанными действиями, ввиду пропуска срока исковой давности.

После завершения конкурсного производства определениями арбитражного суда в 2015 году с заявителя взысканы расходы по делу о банкротстве: вознаграждение конкурсного управляющего и вознаграждение привлеченных им третьих лиц. Заявитель возместил данные расходы.

Ссылаясь на то, что конкурсная масса уменьшилась на сумму убытков, причиненных неправомерными действиями арбитражного управляющего, что стало причиной нехватки средств для возмещения судебных расходов, заявитель обратился в арбитражный суд с иском к арбитражному управляющему о взыскании сумм выплаченных заявителем судебных расходов.

В возражениях на иск арбитражный управляющий сослался на пропуск истцом срока исковой давности.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, в удовлетворении исковых требований отказано ввиду пропуска истцом срока исковой давности. Суды пришли к выводу, что причиной убытков истца являются действия ответчика, совершенные в 2010 году.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

По общему правилу п. 1 ст. 200 ГК РФ начало течения срока исковой давности зависит прежде всего от того, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Следовательно, для правильного определения начала течения срока исковой давности необходимо в том числе определить, какое именно право обращающегося за судебной защитой лица нарушено в том или ином случае.

Моменты получения истцом (заявителем) информации об определенных действиях ответчика и о нарушении этими действиями его прав могут не совпадать. При таком несовпадении исковая давность исчисляется со дня осведомленности истца (заявителя) о негативных для него последствиях, вызванных поведением нарушителя.

Обращаясь с заявлением о возмещении убытков в рамках дела о банкротстве артели в 2014 году, заявитель, действуя в интересах

гражданско-правового сообщества, объединяющего всех кредиторов, полагал, что в результате необоснованного завышения текущих расходов на оплату услуг привлеченного лица пострадали интересы данного сообщества, что выразилось в невозможности наиболее полного погашения требований кредиторов.

Предъявляя иск по настоящему делу, заявитель преследовал защиту другого материального интереса, заключающегося в минимизации собственных расходов – судебных расходов и расходов на выплату вознаграждения арбитражному управляющему, отнесенных на заявителя на основании п. 3 ст. 59 Закона о банкротстве как на кредитора с особым статусом.

Заявитель по делу о банкротстве объективно имеет интересы, выходящие за рамки интересов обычного кредитора. Так, основной интерес кредитора состоит в получении из конкурсной массы денежных средств в счет погашения обязательства должника (интерес в приросте имущества кредитора за счет конкурсной массы). Интерес же заявителя по делу о банкротстве, помимо этого, состоит и в том, чтобы на него не были переложены негативные последствия нехватки у должника средств на финансирование процедур несостоятельности (интерес в недопущении уменьшения имущественной массы заявителя в результате инициирования им дела о банкротстве).

О нарушении права заявителя по делу о банкротстве (о посягательстве на уже имеющееся у заявителя имущество) последний должен узнать в момент, когда он объективно имел возможность получить информацию о совокупности фактов: о противоправном расходовании управляющим конкурсной массы, о недостаточности оставшейся конкурсной массы для погашения судебных расходов и расходов на выплату вознаграждения арбитражному управляющему и о предъявлении заявителю требования о компенсации названных расходов за его счет.

Следовательно, оснований для признания срока исковой давности пропущенным по мотивам, приведенным судами апелляционной инстанции и округа, не имелось.

В рассматриваемом случае в цену иска заявитель включил два вида своих затрат: во-первых, суммы, взысканные с него в пользу арбитражного управляющего в качестве его вознаграждения; во-вторых, суммы, взысканные с уполномоченного органа в пользу лиц, привлеченных для обеспечения проведения процедур банкротства.

В отношении первого вида затрат Судебная коллегия отмечает следующее. Если возложение на заявителя по делу о банкротстве расходов на выплату вознаграждения арбитражному управляющему вызвано неправомерным расходованием самим арбитражным управляющим конкурсной массы, по общему правилу, защита соответствующего права

(интереса) заявителя должна осуществляться через подачу им возражений со ссылкой на недопустимость извлечения управляющим преимуществ из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ). Такие возражения должны быть поданы заявителем и рассмотрены судом при разрешении ходатайства арбитражного управляющего о взыскании вознаграждения с заявителя по делу о банкротстве.

Применительно к настоящему делу заявитель после завершения конкурсного производства в отношении артели при разрешении требования о взыскании вознаграждения конкурсного управляющего мог возражать против возложения на него данных расходов в пределах сумм причиненных конкурсным управляющим убытков, указывая на необходимость отказа в удовлетворении требования управляющего. По смыслу разъяснений, изложенных в абзаце третьем п. 5 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. № 97 «О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве», если вопрос (возражение) о снижении вознаграждения арбитражного управляющего не был рассмотрен судом при установлении соответствующего вознаграждения, участвующее в деле о банкротстве лицо вправе потребовать от управляющего возврата соответствующей части выплаченной ему суммы. Таким образом, в этой части не исключалась возможность предъявления заявителем иска о возврате управляющим суммы вознаграждения заявителю.

В отношении второго вида затрат Судебная коллегия исходит из следующего. При рассмотрении обособленных споров о взыскании с уполномоченного органа в пользу третьих лиц вознаграждения за услуги, оказанные ими в процедурах банкротства, заявитель в качестве возражения в принципе не мог ссылаться на внутренние отношения кредиторов с арбитражным управляющим, касающиеся предыдущего расходования конкурсной массы (п. 3 ст. 308 ГК РФ). Поэтому в данной части в рамках упомянутых обособленных споров расходы в любом случае подлежали взысканию с заявителя. При этом такое взыскание не освобождало виновное лицо от выплаты заявителю компенсации в возмещение возникших убытков.

Таким образом, заявленное в настоящем деле требование о возврате управляющим полученного им вознаграждения и о последующем переложении на него расходов на оплату услуг привлеченных лиц (пп. 1 и 3 ст. 59 Закона о банкротстве) как на лицо, виновное в недостаточности средств должника на их покрытие, является допустимым средством правовой защиты (п. 1 ст. 393 ГК РФ).

Определение № 310-ЭС17-13555

Практика применения законодательства об охране объектов культурного наследия

23. Законодательство связывает возникновение и прекращение обязанности по сохранению объекта культурного наследия (охранное обязательство) с наличием у субъекта этой обязанности соответствующего вещного или обязательственного права на данный объект.

Департамент культурного наследия города Москвы (далее – департамент) обратился в арбитражный суд с иском к федеральному государственному унитарному предприятию (далее – предприятие) и федеральному государственному бюджетному учреждению (далее – учреждение) об обязании провести работы по сохранению объекта культурного наследия (далее – объект).

В возражениях на иск предприятие указало на то, что на основании распоряжения Территориального управления Росимущества в городе Москве от 30 апреля 2015 г. № 270 уполномоченный от имени собственника орган прекратил ранее существовавшее у предприятия право хозяйственного ведения, закрепив его на праве оперативного управления за учреждением. По акту приема-передачи от 26 апреля 2016 г. объект передан в государственную казну Российской Федерации. Сведения о прекращении права хозяйственного ведения предприятия зарегистрированы в ЕГРП 19 мая 2016 г., а о возникновении права оперативного управления учреждения – 26 октября 2016 г.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования к предприятию удовлетворены, в удовлетворении иска к учреждению отказано. Суды исходили из того, что объект находится в неудовлетворительном состоянии, предприятие являлось пользователем объекта в спорный период на праве хозяйственного ведения, в 2014 году предприятие и главный инспектор в области государственной охраны объектов культурного наследия города Москвы заключили охранное обязательство, которое предприятием не исполняется.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 47^6 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон № 73-ФЗ)

охрана объектов культурного наследия обеспечивается в том числе заключением охранного обязательства объекта культурного наследия, предусматривающего определенные требования, направленные на сохранение, содержание и использование объекта в случае угрозы ухудшения его состояния. Приведенная статья устанавливает также не только требования к форме охранного обязательства, порядок его утверждения, мероприятия, подлежащие включению в охранное обязательство, а также предусматривает круг лиц, на который оформлением охранного обязательства должны быть возложены соответствующие обязанности. При этом обязанным лицом по исполнению предусмотренных в охранном обязательстве мероприятий является лицо, обладающее определенными полномочиями в отношении такого объекта.

Так, в соответствии с п. 11 ст. 47^6 Закона № 73-ФЗ, если иное не установлено данным пунктом, охранное обязательство подлежит выполнению физическим или юридическим лицом, которому объект культурного наследия, включенный в реестр, принадлежит на праве собственности, в том числе в случае, если указанный объект находится во владении или в пользовании третьего лица (третьих лиц) на основании гражданско-правового договора. В случае, если объект культурного наследия, включенный в реестр, предоставлен на праве хозяйственного ведения либо оперативного управления унитарному предприятию или учреждению, охранное обязательство подлежит выполнению унитарным предприятием или учреждением. В случае если объект культурного наследия, включенный в реестр, находится соответственно в федеральной собственности, государственной собственности субъекта Российской Федерации, муниципальной собственности и не передан на праве хозяйственного ведения либо оперативного управления унитарному предприятию или учреждению либо не передан в безвозмездное пользование, от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования охранное обязательство подлежит выполнению федеральным органом исполнительной власти, органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органом местного самоуправления, уполномоченными на осуществление полномочий собственника соответствующего имущества. В случае если объект культурного наследия, включенный в реестр, находится соответственно в федеральной собственности, государственной собственности субъекта Российской Федерации, муниципальной собственности, не передан на праве хозяйственного ведения либо оперативного управления унитарному предприятию или учреждению, а передан в безвозмездное пользование на основании гражданско-правового договора юридическому лицу, охранное обязательство подлежит выполнению таким лицом.

При этом п. 13 ст. 47^6 Закона № 73-ФЗ предусмотрено, что в случае, если к моменту перехода права владения в отношении объекта культурного наследия оформлено охранное обязательство, обязанность нового владельца по выполнению такого охранного обязательства возникает с момента перехода к нему права владения объектом. Имущественные отношения, возникающие при сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, регулируются гражданским законодательством Российской Федерации с учетом особенностей, установленных данным законом (п. 3 ст. 2 Закона № 73-ФЗ).

Более того, указывая на правовую природу охранного обязательства как правоотношения по подряду, суды не учли содержание п. 1 ст. 702 ГК РФ, определяющей содержание прав и обязанностей сторон по договору подряда, а также то, что спорные отношения являются безвозмездными, предприятие должно было выполнить мероприятия, указанные в приложении к охранному обязательству не для департамента, а в целях сохранения имущества, находящегося у него во владении и являющегося объектом особой охраны, исполняя при этом публичную обязанность, установленную Законом об объектах культурного наследия, конкретизированную в этом документе.

Таким образом, учитывая установленные Законом № 73-ФЗ особенности регулирования отношений, связанных с охраной подобных объектов, обязанность по осуществлению которой возложена законом на лиц, имеющих предусмотренные п. 11 ст. 47^6 Закона № 73-ФЗ права по их владению и использованию, суды при удовлетворении иска по настоящему делу должны были проверить наличие оснований для возложения соответствующих обязанностей на предприятие как на лицо, имеющее вещные или обязательственные права на указанный объект. При этом наделение этими правами в соответствии с пп. 1, 2 ст. 209 ГК РФ осуществляется собственником объекта.

В силу приведенных положений Закона № 73-ФЗ выводы судов о том, что, поскольку условия охранного обязательства не были исполнены предприятием, оно остается обязанным лицом по осуществлению предусмотренных им мероприятий до полного их выполнения, не соответствуют приведенным положениям названного закона.

Определение № 305-ЭС17-17543

Споры, возникающие из обязательственных правоотношений

24. Покупатель не вправе полностью отказаться от оплаты товара, поставленного без необходимой документации, если он не заявил об отказе от такого товара по правилам ст. 464 ГК РФ.

Обществом (покупатель) и заводом (поставщик) был заключен договор поставки оборудования.

Согласно условиям договора платежи за поставленное оборудование осуществляются поэтапно по мере поставки партии оборудования. Для получения платежа, поставщик представляет документы к оборудованию, предусмотренные приложением к договору.

Оборудование было поставлено и смонтировано.

Ссылаясь на неоплату товара, поставщик обратился в арбитражный суд с иском к покупателю о взыскании покупной цены.

В возражениях на иск покупатель указал на то, что поставщик не передал ему документы к оборудованию, предусмотренные приложением к договору.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу п. 1 ст. 464 ГК РФ, если продавец не передает или отказывается передать покупателю относящиеся к товару принадлежности или документы, которые он должен передать в соответствии с законом, иными правовыми актами или договором купли-продажи (п. 2 ст. 456), покупатель вправе назначить ему разумный срок для их передачи. Пунктом 2 ст. 464 ГК РФ предусмотрено, что в случае, когда принадлежности или документы, относящиеся к товару, не переданы продавцом в указанный срок, покупатель вправе отказаться от товара, если иное не предусмотрено договором.

В ситуации, когда по условиям договора товар должен поставляться по правилам п. 2 ст. 456 ГК РФ одновременно с передачей соответствующей документации, поставщик не вправе в одностороннем порядке отказаться от исполнения этого обязательства, поскольку в данном случае наступают последствия, установленные ст. 464 ГК РФ.

Таким образом, покупатель не вправе отказаться от оплаты товара, поставленного без необходимой документации, если он не заявил об отказе от такого товара по правилам ст. 464 ГК РФ в связи с невозможностью или затруднительностью его использования по назначению без соответствующих документов.

Общее правило ст. 328 ГК РФ, позволяющее приостановить исполнение своего обязательства, если предусмотренное договором исполнение обязательства другой стороной произведено не в полном объеме, не может быть истолковано как позволяющее покупателю использовать поставленный без документации товар и не оплачивать его.

Определение № 305-ЭС17-16171

25. Отсутствие в государственном кадастре недвижимости сведений о части передаваемого в аренду объекта недвижимости не является препятствием для осуществления государственной регистрации договора аренды части вещи, если имеется подписанный сторонами документ, содержащий графическое и/или текстуальное описание той части, пользование которой будет осуществляться арендатором (в том числе с учетом данных, содержащихся в кадастровом паспорте соответствующей недвижимости), и из этого описания следует, что предмет договора аренды согласован сторонами.

Регистрирующий орган отказал обществу в государственной регистрации договора аренды, сославшись на абзац десятый п. 1 ст. 20, абзац четвертый п. 5 ст. 18, п. 3 ст. 26 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (далее – Закон № 122-ФЗ), п. 14 ст. 14 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» (далее – Закон № 221-ФЗ) и указав на то, что нежилое помещение, являющееся предметом аренды, входит в состав здания, однако кадастровый паспорт, оформленный в соответствии с законодательством и содержащий описание помещения, на государственную регистрацию не представлен.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании отказа регистрирующего органа незаконным и об обязании осуществить государственную регистрацию договора аренды.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила без

изменения решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 26 Закона № 122-ФЗ государственная регистрация аренды недвижимого имущества проводится посредством государственной регистрации договора аренды этого недвижимого имущества. В соответствии с п. 3 данной статьи в том случае, если в аренду сдаются здание, сооружение, помещения в них или части помещений, к договору аренды недвижимого имущества, представляемому на государственную регистрацию прав, прилагаются кадастровые паспорта соответственно здания, сооружения и помещения с указанием размера арендуемой площади. Договор аренды помещения или части помещения регистрируется как обременение прав арендодателя соответствующего помещения (части помещения).

В силу п. 10 ст. 33 Закона № 122-ФЗ с 1 января 2013 г. представление кадастрового паспорта объекта недвижимого имущества не требуется, если кадастровый паспорт, план такого объекта недвижимого имущества или иной документ, предусмотренный данным законом и содержащий описание такого объекта недвижимого имущества, ранее уже представлялся и был помещен в соответствующее дело правоустанавливающих документов.

В п. 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» (далее – постановление № 73) разъяснено, что, разрешая споры об оспаривании отказа в государственной регистрации договоров аренды, судам необходимо учитывать, что, по смыслу пп. 2, 3 с. 26 и п. 10 ст. 33 № 122-ФЗ, представление на государственную регистрацию договора аренды кадастрового паспорта на обременяемое арендой недвижимое имущество необходимо лишь в случае, если такой паспорт ранее не был помещен в соответствующее дело правоустанавливающих документов; отсутствие кадастрового паспорта части помещения не может являться безусловным основанием для отказа в государственной регистрации договора аренды, если имеется подписанный сторонами документ, содержащий графическое и/или текстуальное описание той части недвижимой вещи, пользование которой будет осуществляться арендатором (в том числе с учетом данных, содержащихся в кадастровом паспорте соответствующей недвижимой вещи), и из этого описания следует, что предмет договора аренды согласован сторонами.

Установив, что в спорном договоре аренды указан номер помещения, его площадь, к договору приложен план с графическим описанием, являющиеся выкопировкой из кадастрового паспорта, что позволяет с должной степенью достоверности идентифицировать предмет аренды, и

учитывая, что кадастровый паспорт на здание, в котором расположены передаваемое в аренду помещение, ранее был представлен в регистрирующий орган, суды верно пришли к выводу об отсутствии у регистрирующего органа оснований для отказа в государственной регистрации указанного договора аренды.

Ссылаясь на приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 504 (далее – приказ № 504) и делая выводы о необходимости кадастрового учета передаваемого в аренду помещения и представления в связи с этим нового кадастрового паспорта с указанием размера его арендуемой площади, арбитражный суд округа не принял во внимание, что передача в аренду части нежилого помещения не ведет к изменению характеристик такого объекта, прошедшего кадастровый учет.

Кроме того, основания, предусмотренные ст. 16 Закона № 221-ФЗ, влекущие необходимость осуществления государственного кадастрового учета и оформления в связи с этим нового кадастрового паспорта, судами не устанавливались.

Соответствующие разъяснения даны в п. 9 Обзора судебной практики по делам, связанным с оспариванием отказа в осуществлении кадастрового учета, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 ноября 2016 г. (далее – Обзор), согласно которому учет части помещения в целях фиксации ограничения (обременения) вещного права при сохранении права собственности на помещение в целом, равно как учет помещения как части здания, не приводит к появлению нового объекта недвижимости как объекта гражданских прав, даже если соответствующая переданная в пользование часть нежилого помещения или нежилого здания обладает свойствами обособленности и изолированности. Описание части объекта недвижимости (помещения, здания) является лишь дополнительной характеристикой данного объекта. Указанным пунктом Обзора уже был разрешен вопрос о том, что отсутствие в государственном кадастре недвижимости сведений о части передаваемого в аренду объекта недвижимости не является препятствием для осуществления государственной регистрации договора аренды части здания (помещения). Учет переданной в пользование части объекта недвижимости является правом, а не обязанностью собственника или иного лица, в пользу которых установлены или устанавливаются ограничения (обременение) вещных прав на такие объекты недвижимости.

Приказ № 504, утверждая новые формы кадастровых паспортов, не возлагает на собственников объектов недвижимости обязанности по замене или изменению ранее выданных им в соответствии с установленными правилами кадастровых паспортов и оформлению их

согласно новым требованиям, в связи с чем непредставление обществом кадастрового паспорта, оформленного по новому образцу исходя из требований приказа № 504, не могло служить основанием для отказа обществу в государственной регистрации договора аренды.

Определение № 307-КГ17-18061

26. Если иное не предусмотрено договором аренды, согласие арендодателя на сдачу имущества в субаренду, закрепленное сторонами в качестве условия договора при его заключении, не может быть отозвано арендодателем в одностороннем порядке без внесения изменений в договор по правилам гражданского законодательства.

Общество (арендодатель) и фирма (арендатор) заключили договор аренды нежилого помещения, условиями которого предусмотрено право арендатора сдавать арендованное помещение в субаренду.

Впоследствии общество направило фирме уведомление, в котором, сославшись на ст. 157^1 ГК РФ, сообщило об отзыве согласия на субаренду.

Указывая на то, что после получения уведомления об отзыве согласия на субаренду фирма продолжает сдавать помещение третьему лицу, общество направило предложение фирме о расторжении договора.

Отказ фирмы расторгнуть договор послужил основанием для обращения общества в арбитражный суд с иском к фирме о расторжении договора ввиду существенного нарушения последней условий договора аренды.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, иск удовлетворен.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 619 и п. 3 ст. 615 ГК РФ договор аренды может быть досрочно расторгнут судом по требованию арендодателя в случае, когда арендатор пользуется имуществом с существенным нарушением условий договора или назначения имущества либо с неоднократными нарушениями.

Пунктом 2 статьи 615 ГК РФ установлено, что арендатор вправе с согласия арендодателя сдавать арендованное имущество в субаренду

(поднаем) и передавать свои права и обязанности по договору аренды другому лицу (перенаем), предоставлять арендованное имущество в безвозмездное пользование, а также отдавать арендные права в залог и вносить их в качестве вклада в уставный капитал хозяйственных товариществ и обществ или паевого взноса в производственный кооператив, если иное не установлено данным Кодексом, другим законом или иными правовыми актами. Данная норма не содержит ни запрет на установление соглашением сторон иного правила, ни требований к способу выдачи согласия, порядку и форме дачи арендодателем согласия на совершение арендатором сделок, указанных в этом пункте, в том числе сделок субаренды (кроме случаев, когда необходимость согласия на совершение сделки и форма выражения такого согласия установлены законом, например, при сдаче в аренду государственного или муниципального имущества).

В соответствии с п. 2 ст. 1 и ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора. По воле сторон договора аренды согласие арендодателя может быть выражено в самом договоре, что освобождает арендатора от обязанности получать такое согласие на каждую конкретную сделку (п. 18 Информационного письма Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 января 2002 г. № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой»).

Арендодатель, заключая договор аренды и передавая имущество в пользование именно с условием, дающим право арендатору сдавать это имущество в субаренду, выражает волю собственника, обусловленную ст. 209 и 615 ГК РФ. Согласованное сторонами договора условие о праве арендатора сдавать арендованное имущество в субаренду не противоречит требованиям ст. 615 ГК РФ, не является предварительным согласием на совершение сделки по смыслу п. 3 ст. 157^1 ГК РФ, которое вправе отозвать давшее его лицо.

Из разъяснений, приведенных в п. 57 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» о том, что третье лицо, давшее предварительное согласие на совершение сделки, вправе отозвать его, уведомив стороны сделки до момента ее совершения и возместив им убытки, вызванные таким отзывом, не следует возможность отзыва согласия, выраженного арендодателем в виде условия договора аренды. Такое условие договора аренды может быть изменено только по правилам, предусмотренным гражданским законодательством.

В соответствии с п. 1 ст. 450 ГК РФ изменение договора возможно по соглашению сторон, если иное не предусмотрено данным Кодексом, другими законами или договором. Согласно п. 1 ст. 310 ГК РФ одностороннее изменение условий обязательства не допускается, за исключением случаев, предусмотренных этим Кодексом.

Ввиду того, что спорным договором аренды сторонам не предоставлено право на изменение условий договора в одностороннем порядке, общество было не вправе путем направления уведомления фирме

изменить договор, которым стороны согласовали существенное условие, позволяющее арендатору сдавать в период аренды помещения в субаренду.

Определение № 303-ЭС17-13540

27. Исковая давность по требованию заказчика к подрядчику о возмещении расходов на текущий отцепочный ремонт, выполненный перевозчиком, исчисляется с момента получения подрядчиком акта-рекламации, направленного перевозчиком.

На основании договора подряда заводом (подрядчиком) выполнен плановый текущий ремонт колесной пары грузового вагона, принадлежащего компании (заказчику).

Данный вагон был отцеплен перевозчиком в текущий ремонт. Согласно акту-рекламации от 15 июня 2015 г. и акту выполненных работ от 17 июня 2015 г., подписанным компанией и перевозчиком, неисправность вагона возникла вследствие недоброкачественно выполненных работ по плановому ремонту, виновным в неисправности признан завод.

Компания оплатила перевозчику стоимость работ по устранению недостатков колесной пары.

Компания 31 июля 2015 г. обратилась к заводу с претензией о возмещении понесенных расходов. Претензия получена заводом 20 августа 2015 г. Завод отказал в удовлетворении претензии 29 октября 2015 г.

Компания 22 июля 2016 г. обратилась в арбитражный суд с иском к заводу о взыскании понесенных расходов на текущий отцепочный ремонт.

В возражениях на иск завод сослался на пропуск истцом годичного срока исковой давности, предусмотренного ст. 725 ГК РФ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены. Отклоняя довод завода о пропуске срока исковой давности, суды пришли к выводу, что начальным

моментом его течения является дата получения подрядчиком претензии заказчика – 20 августа 2015 г.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу системного толкования пп. 1 и 3 ст. 725 ГК РФ срок исковой давности для требований, предъявляемых в связи с ненадлежащим качеством работы, выполненной по договору подряда, является специальным по отношению к ст. 200 ГК РФ и составляет один год.

Если договором подряда установлен гарантийный срок и заявление по поводу недостатков результата работы сделано в пределах гарантийного срока, течение срока исковой давности начинается со дня заявления о недостатках (Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 2 (2016), утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 6 июля 2016 г.).

Исходя из особенностей правоотношений заказчика и подрядчика в области использования железнодорожного транспорта, длительности хозяйственных связей и согласованных условий договора, обе стороны на момент его заключения понимали и исходили из того, что в случае отцепки вагонов по причине обнаруженных в них недостатков (неисправностей) ремонт их будет производить ближайшее вагонное эксплуатационное депо отделения железной дороги, а не подрядчик.

Практика взаимоотношений сторон при расследовании причин отцепки грузового вагона и ведение рекламационной работы описана в соответствующих Регламентах перевозчика, утверждаемых Президентом НП «ОПЖТ», изучив положения которых судебная коллегия пришла к выводу о том, что между участниками отношений в сфере железнодорожного транспорта существует четкая схема взаимодействия. В процесс отслеживания работоспособности железнодорожных вагонов и выхода их из строя в пути следования вовлечены все заинтересованные в этом лица: собственник вагона; лицо, производившее деповской ремонт; поставщик определенной части (узла, детали); завод-изготовитель вагона; соответствующие подразделения перевозчика, производящие отцепочный ремонт и осуществляющие рекламационную работу. Расследование причин отцепок и составление акта-рекламации вагонным эксплуатационным депо осуществляются комиссионным составом. Эксплуатационное вагонное депо в суточный срок с момента отцепки вагона информирует владельца вагона, а также причастные вагоноремонтные организации о случае отцепки. Указанные лица самостоятельно контролируют внеплановые отцепки вагона в ремонт в период его эксплуатации до истечения срока гарантии на вагон и в суточный срок с момента отцепки вагона информируют телеграммой

(факсом и т.п.) руководителей эксплуатационного вагонного депо о своем участии либо участии других заинтересованных лиц в расследовании технологической неисправности вагона, его узла или детали и сообщают о целесообразности ожидания вагона до прибытия своего представителя.

В рассматриваемом случае факт ненадлежащего выполнения работ по договору планового ремонта был выявлен в процессе перевозки. Итоговым документом, определяющим причины возникновения дефектов, а также предприятие, виновное в возникновении данных дефектов, является акт – рекламация формы ВУ-41М, на составление которого подрядчик был вызван перевозчиком телеграммой 16 июня 2015 г.

Обязательное составление акта-рекламации по форме ВУ-41М установлено и самим договором подряда. Одним из документов, необходимых и достаточных для предъявления претензии, согласно договору выступает вышеупомянутый акт.

Следовательно, исходя из системного толкования норм, регулирующих процесс отправки вагонов в отцепочный ремонт, и специфики взаимоотношений сторон, судебная коллегия пришла к выводу о том, что в качестве заявления о недостатках, применительно к правилам ст. 725 ГК РФ, с момента совершения которого следует исчислять годичный срок исковой давности, следует рассматривать уведомление подрядчика, сделанное перевозчиком, который производит ремонт неисправного вагона, действуя в том числе в интересах заказчика, обеспечивая выполнение им обязанности по предотвращению возможного причинения вреда в результате неисправности вагонов.

На основании изложенного вывод судов об исчислении срока исковой давности с момента вручения претензии является ошибочным, так как п. 3 ст. 725 ГК РФ, не определяя обязательную форму заявления о недостатках, не связывает начало течения срока исковой давности с моментом направления или вручения претензии заказчика подрядчику об оплате понесенных расходов. Иное приведет к тому, что истец будет обладать возможностью произвольно изменять момент начала исчисления срока исковой давности своим односторонним действием, выбирая момент оплаты понесенных расходов и (или) направления соответствующей претензии.

Вместе с тем договором подряда и ч. 5 ст. 4 АПК РФ установлен обязательный претензионный порядок урегулирования споров. Срок рассмотрения претензии – тридцать календарных дней с даты получения претензии, определенной по почтовому штемпелю на конверте.

Согласно п. 3 ст. 202 ГК РФ, п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» течение срока

исковой давности приостанавливается, если стороны прибегли к несудебной процедуре разрешения спора, обращение к которой предусмотрено законом, в том числе к обязательному претензионному порядку.

Таким образом, в период соблюдения компанией обязательного претензионного порядка урегулирования спора течение исковой давности по настоящему требованию приостанавливалось. Указанный период времени не засчитывается в срок исковой давности.

Определение № 301-ЭС17-13765

Практика применения законодательства о защите конкуренции

28. Для квалификации действий управляющей организации по ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» должно быть установлено наличие статуса хозяйствующего субъекта, обладание этим лицом доминирующим положением на соответствующем рынке и факт злоупотребления управляющей организацией своим доминирующим положением.

Согласно решению антимонопольного органа управляющая организация, на основании ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции), признана злоупотребившей доминирующим положением на рынке предоставления услуг доступа к общему имуществу жильцов многоквартирных домов. Антимонопольный орган пришел к выводу, что, отказавшись обеспечить оператору связи доступ к размещенному в многоквартирных домах оборудованию связи, управляющая организация совершила действия, направленные на ограничение конкуренции, в то время как иные операторы связи продолжали иметь доступ к своему оборудованию, что свидетельствует о злоупотреблении доминирующим положением. Управляющей организации выдано предписание о прекращении нарушения антимонопольного законодательства.

Управляющая организация обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании незаконными указанных решения и предписания антимонопольного органа.

Решением суда первой инстанции заявленные требования удовлетворены. Суд исходил из того, что у антимонопольного органа отсутствовали основания для признания управляющей организации в рассматриваемых правоотношениях в качестве самостоятельного хозяйствующего субъекта в смысле, придаваемом этому понятию положениями п. 5 ст. 4, ст. 5 и ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции,

поскольку при управлении многоквартирными домами она действует в интересах собственников помещений и не вправе разрешать вопрос о размещении оборудования третьих лиц в отсутствие решения собственников.

Постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявленных требований отказано. Суды отметили, что управляющая организация выступает в качестве самостоятельного хозяйствующего субъекта, так как имеет заключенные с операторами связи договоры о возмездном размещении оборудования в многоквартирных домах. Отказ в допуске оператора связи к оборудованию в такой ситуации противоречит положениям ЖК РФ, Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» (далее – Закон о связи), Правилам и нормам технической эксплуатации жилищного фонда, утвержденным постановлением Госстроя России от 27 сентября 2003 г. № 170 (далее – Правила и нормы технической эксплуатации жилищного фонда), и названные действия свидетельствуют о злоупотреблении доминирующим положением.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Из взаимосвязанных положений п. 1 ч. 1 ст. 1, ч. 7 ст. 4 Закона о защите конкуренции следует, что предусмотренные данным законом меры предупреждения и пресечения монополистической деятельности установлены в публичном интересе – они направлены на исключение ситуаций, при которых один или несколько хозяйствующих субъектов обладают возможностью своими действиями в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке.

Таким образом, полномочия антимонопольного органа при применении ст. 10 Закона о защите конкуренции состоят в пресечении монополистической деятельности – выявлении нарушений, обусловленных использованием экономического положения лицом, доминирующим на рынке, а не в осуществлении контроля за соблюдением хозяйствующими субъектами норм гражданского, жилищного и иного законодательства и не в разрешении гражданских споров в административном порядке.

Следовательно, выводы суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа о несоответствии действий управляющей организации положениям ЖК РФ, Закона о связи, Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда не могут являться достаточным основанием для принятия оспариваемых решения и

предписания. Для квалификации действий управляющей организации по ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции должны быть установлены иные обстоятельства: наличие статуса хозяйствующего субъекта у данного лица, обладание этим лицом доминирующим положением на рынке, факт злоупотребления доминирующим положением.

Вместе с тем порядок использования объектов общего имущества многоквартирного дома определен гл. 6 ЖК РФ, где указано, что принятие решений о пользовании общим имуществом собственников помещений в многоквартирном доме иными лицами относится к компетенции общего собрания собственников помещений в качестве органа управления многоквартирным домом и допускается при условии, что принятие такого решения не нарушает права и законные интересы граждан и юридических лиц (ч. 3 ст. 36, п. 3 ч. 2 ст. 44 ЖК РФ).

Таким образом, управляющая организация ограничена в пределах реализации своих прав по пользованию и распоряжению общим имуществом многоквартирного дома. Она не вправе самостоятельно принимать решение о возможности доступа, в том числе организаций связи, к общему имуществу, и, следовательно, в отношениях по предоставлению в пользование технических, а также иных общих помещений многоквартирного дома управляющая организация не может быть признана самостоятельным хозяйствующим субъектом.

Учитывая изложенное, со стороны управляющей организации не допущено действий, которые могли быть расценены в качестве недобросовестного и антиконкурентного поведения по отношению к оператору связи. Антимонопольный орган вмешался в гражданско-правовой спор между оператором связи и управляющей организацией, выйдя за пределы установленных законом полномочий, в связи с чем суд первой инстанции обоснованно удовлетворил заявленные требования.

Определение № 306-КГ17-17056

Практика применения законодательства о налогах и сборах

29. Изменение срока возврата займа по договору, заключенному с взаимозависимым иностранным лицом до 1 января 2012 г., для целей ч. 5[1] ст. 4 Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения», влечет необходимость уведомления налогового органа о контролируемой сделке.

В ходе налоговой проверки налоговым органом установлено, что обществом было представлено первичное уведомление о контролируемых сделках за 2014 год, в котором не отражены сведения о сделке общества с иностранной компанией.

Вместе с тем между обществом и иностранной компанией заключен договор займа, к которому в дальнейшем были заключены дополнительные соглашения об изменениях срока возврата займа.

По результатам проверки налоговым органом принято решение о привлечении общества к налоговой ответственности, предусмотренной ст. 129^4 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), в виде штрафа. Основанием для принятия указанного решения послужил вывод налогового органа, что общество и иностранная компания являются взаимозависимыми лицами и сделка между названными организациями признается контролируемой сделкой, ввиду чего общество, в соответствии с требованиями ст. 105^{16} НК РФ, обязано было уведомить налоговый орган о контролируемой сделке за 2014 год. Поскольку общество не отразило в уведомлении о контролируемых сделках за 2014 год информацию о сделке с иностранной компанией, налоговый орган пришел к выводу, что представленное налогоплательщиком уведомление о контролируемых сделках за 2014 год содержало недостоверные сведения.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленное требование удовлетворено. Суды пришли к выводу, что у налогового органа отсутствовали основания для начисления штрафа, предусмотренного ст. 129^4 НК РФ, в связи с тем, что изменение существенных условий договора займа не имело места (срок возврата займа к ним не относится), а общество, формируя уведомление о контролируемых сделках за 2014 год. и не указывая в нем соответствующую информацию, выполняло письменные разъяснения по вопросам применения законодательства о налогах и сборах, данные неопределенному кругу лиц уполномоченным органом государственной власти в пределах его компетенции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала обществу в удовлетворении заявленного требования по следующим основаниям.

Согласно пп. 1 и 2 ст. 105^{16} НК РФ налогоплательщики обязаны уведомлять налоговые органы о совершенных ими в календарном году контролируемых сделках, указанных в ст. 105^{14} НК РФ. Сведения о контролируемых сделках указываются в уведомлениях о контролируемых сделках, направляемых налогоплательщиком в налоговый орган по месту его нахождения (месту его жительства) в срок не позднее

20 мая года, следующего за календарным годом, в котором совершены контролируемые сделки.

В соответствии с ч. 5^1 ст. 4 Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения» (далее – Федеральный закон № 227-ФЗ), положения частей первой и второй НК РФ (в редакции настоящего федерального закона) не применяются к заключенным до дня вступления в силу настоящего федерального закона сделкам по предоставлению займа, кредита (включая товарный и коммерческий кредиты), поручительства, банковской гарантии, доходы и (или) расходы по которым признаются в соответствии с гл. 25 НК РФ после дня вступления в силу настоящего федерального закона, за исключением сделок, условия которых после дня вступления в силу настоящего федерального закона были изменены.

Пункт 4 ст. 5 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 39-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 4 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения» устанавливает, что действие положений чч. 5 и 5^1 ст. 4 Федерального закона № 227-ФЗ (в редакции настоящего федерального закона) распространяется на правоотношения, возникшие с 1 января 2012 г.

Таким образом, вышеуказанный договор займа, для целей ч. 5^1 ст. 4 Федерального закона № 227-ФЗ, является сделкой займа, условия которой были изменены в 2014 году и о которой, соответственно, общество должно было уведомить налоговый орган в порядке пп. 1 и 2 ст. 105^{16} НК РФ. Поскольку обществом данная обязанность исполнена не была, налоговым органом обоснованно принято оспариваемое решение.

Определение № 310-КГ17-13413

30. Налогоплательщик вправе, на основании абзаца третьего п. 1 ст. 54 НК РФ, произвести перерасчет налоговой базы и суммы налога за налоговый (отчетный) период, в котором ошибки (искажения) были выявлены, если допущенные ошибки (искажения) привели к излишней уплате налога.

Выплата поставщиком премии налогоплательщику может повлечь корректировку размеров вычетов по НДС, примененных покупателем, если условия заключенных договоров предусматривали

изменение цены поставленных товаров в результате выплаты указанных премий.

В ходе налоговой проверки установлено, что в 2012 году общество отнесло в состав расходов дебиторскую задолженность по хозяйственным операциям с рядом контрагентов, срок исковой давности для взыскания которой истек в предыдущих налоговых периодах (2009–2011 годы). Кроме того, общество не корректировало налоговые вычеты при получении финансовых премий от поставщиков по договорам купли-продажи.

По результатам проверки налоговым органом принято решение о привлечении общества к ответственности за совершение налогового правонарушения, в соответствии с которым обществу доначислена сумма НДС, сумма налога на прибыть, соответствующая сумма пеней и штрафов по п. 1 ст. 122 НК РФ.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции заявленные требования удовлетворены.

Постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявленных требований отказано. При этом в части доначисления суммы налога на прибыль суды руководствовались положениями ст. 252, 265, 266 НК РФ и указали, что истечение срока исковой давности является одним из оснований отнесения дебиторской задолженности в состав внереализованных расходов как долга, нереального к взысканию. Суды отметили, что метод начисления предусматривает порядок признания расходов в том отчетном (налоговом) периоде, к которому они относятся, независимо от времени фактической выплаты денежных средств, поэтому налогоплательщик обязан учесть суммы обязательств дебиторов в составе внереализованных расходов в определенный налоговый период – год истечения срока исковой давности.

В части доначисления суммы НДС суды пришли к следующему выводу: в результате выплаты поставщиками премий происходит уменьшение стоимости товаров, что, согласно п. 1 ст. 154, п. 1 ст. 166 НК РФ, влечет корректировку налоговой базы по НДС по операциям реализации товаров. В связи с тем, что сумма НДС исчисляется по итогам каждого налогового периода с учетом всех изменений, увеличивающих и уменьшающих налоговую базу в этом налоговом периоде, размер налоговых вычетов, ранее заявленных покупателем, подлежит пропорциональному уменьшению в соответствующих налоговых периодах.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации в части эпизода доначислений суммы по налогу на прибыль названные судебные акты отменила, а в части доначислений суммы НДС оставила в силе по следующим основаниям.

Абзацем третьим п. 1 ст. 54 НК РФ (в редакции Федерального закона от 26 ноября 2008 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в часть первую, часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации») установлено право налогоплательщика произвести перерасчет налоговой базы и суммы налога за налоговый (отчетный) период, в котором ошибки (искажения) были выявлены, если допущенные ошибки (искажения) привели к излишней уплате налога.

В последнем случае ошибка (искажение) в определении налоговой базы и суммы налога не приводит к нарушению интересов казны. Соответственно, исправление такой ошибки (искажения) не посредством подачи уточненной декларации за предыдущий налоговый период, а посредством отражения исправленных сведений в текущей налоговой декларации признается допустимым. При этом предполагается, что к моменту исправления ошибки (подачи налоговой декларации) не истек установленный ст. 78 НК РФ трехлетний срок возврата (зачета) переплаты, учитывая, что лишь в течение указанного срока налогоплательщик вправе распоряжаться соответствующей суммой излишне уплаченного в бюджет налога.

Таким образом, на основании абзаца третьего п. 1 ст. 54 НК РФ, ошибка в налоговом учете, выразившаяся в несвоевременном отнесении безнадежной к взысканию задолженности в состав расходов, могла быть исправлена в том числе путем отражения рассматриваемых расходов в регистрах налогового учета в налоговом периоде 2012 года, что фактически было сделано налогоплательщиком.

Учитывая взаимосвязанность положений п. 1 ст. 40 (п. 3 ст. 105.3 после 1 января 2012 г.) и п. 1 ст. 154 НК РФ, при реализации товаров налоговая база по НДС, по общему правилу, определяется как их стоимость, исчисленная исходя из цен, примененных сторонами сделки.

Следовательно, если законом не установлено иное, налогом облагается встречное предоставление за реализованные товары в том размере, в каком оно должно быть получено налогоплательщиком по условиям договора.

В заключенных обществом договорах предоставление премий поставлено в зависимость от выполнения таких условий, как достижение определенного объема продаж товаров и продукции определенных торговых марок, досрочного характера оплаты товаров, своевременности оплаты и т.п. В соответствии с избранным сторонами договора способом

оформления документов предоставление премии влекло за собой уменьшение размера оплаты по каждой конкретной накладной (счету-фактуре).

Таким образом, согласованные условия предоставления премии не вышли за пределы исполнения обязательств по договорам поставки (передача товаров и их оплата) и установившаяся в отношениях сторон практика оформления премий не свидетельствовала об обратном.

Учитывая изложенное, суды правомерно исходили из правовой позиции, выраженной в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2012 г. № 11637/11 и состоящей в том, что выплата поставщиками премии вследствие выполнения условий договоров поставки является мерой, направленной на стимулирование покупателя в приобретении и дальнейшей продаже как можно большего количества поставляемых товаров, и такие премии непосредственно связаны с поставками товаров, то есть являются формой торговых скидок, применяемых к стоимости товаров, оказывающих влияние на налоговую базу по налогу на добавленную стоимость. Указанное означает, что размер налоговых вычетов по НДС, ранее заявленных покупателем, также подлежит пропорциональному уменьшению в соответствующих налоговых периодах.

Определение № 305-КГ17-14988

31. Невыполнение организациями и индивидуальными предпринимателями обязанности по представлению в налоговый орган письменного уведомления об освобождении от исполнения обязанности по уплате НДС (непредставление уведомления или нарушение срока его представления) не влечет за собой утрату права на такое освобождение в соответствии со ст. 145 НК РФ.

В отношении индивидуального предпринимателя проведена налоговая проверка по вопросам правильности исчисления и своевременности уплаты налогов и сборов с 2011 по 2013 год. По результатам проверки налоговым органом вынесено решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, которым индивидуальному предпринимателю доначислен НДС и соответствующие суммы пени. Основанием для доначисления послужило необоснованное применение индивидуальным предпринимателем специального налогового режима (единого налога на вмененный доход) в отношении деятельности по реализации запасных частей к сельскохозяйственной технике иным хозяйствующим субъектам.

В 2016 году индивидуальный предприниматель направил в налоговый орган уведомление об использовании права на освобождение от исполнения обязанностей налогоплательщика, связанных с исчислением и уплатой НДС за 2011, 2012 и 2013 год, сообщив, что выручка от реализации товаров (работ, услуг) без учета налога не превышает в совокупности два миллиона рублей. Ответными письмами налоговый орган отказал в предоставлении права на освобождение от исполнения обязанностей налогоплательщика от уплаты НДС в рамках ст. 145 НК РФ, обосновав это тем, что уведомление об освобождении поступило в налоговый орган после налоговой проверки и вынесения решения по ней.

Индивидуальный предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании указанных писем незаконными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В силу пп. 1 и 5 ст. 145 НК РФ организации и индивидуальные предприниматели имеют право на освобождение от исполнения обязанностей плательщиков НДС, связанных с исчислением и уплатой налога, если за три последовательных календарных месяца сумма полученной ими выручки от реализации товаров (работ, услуг) не превысила в совокупности двух миллионов рублей.

По смыслу данных пунктов институт освобождения от исполнения обязанностей налогоплательщика направлен на снижение налогового бремени в отношении лиц, имеющих несущественные обороты по реализации товаров (работ, услуг). Условием для освобождения таких лиц от исполнения обязанностей, связанных с исчислением и уплатой налога, является объективное обстоятельство – соответствие размера выручки налогоплательщика предельному уровню, установленному законом.

Положениями п. 3 ст. 145 НК РФ также предусмотрена обязанность организаций и индивидуальных предпринимателей, использующих право на освобождение от исполнения обязанностей налогоплательщика, связанных с исчислением и уплатой налога, по представлению в налоговый орган по месту своего учета письменного уведомления и документов, подтверждающих право на такое освобождение.

Однако невыполнение этой обязанности (непредставления уведомления или нарушение срока его представления) не влечет за собой утрату права на освобождение, что являлось бы несоразмерным

последствием с точки зрения цели установления данного института, указанной выше.

Как разъяснено в п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 мая 2014 г. № 33 «О некоторых вопросах, возникающих у арбитражных судов при рассмотрении дел, связанных с взиманием налога на добавленную стоимость», по смыслу п. 3 ст. 145 НК РФ, налогоплательщик лишь информирует налоговый орган о своем намерении использовать право на освобождение, а лицам, фактически использовавшим в соответствующих налоговых периодах освобождение от исполнения обязанностей налогоплательщика, связанных с исчислением и уплатой налога, не может быть отказано в праве на такое освобождение только лишь по мотиву непредставления в установленный срок уведомления и документов.

Кроме того, если о необходимости уплаты НДС лицу становится известно по результатам мероприятий налогового контроля, в частности в случае изменения квалификации деятельности налогоплательщика, порядок реализации права на освобождение от уплаты налога законом не предусмотрен (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 3365/13).

Следовательно, само по себе то обстоятельство, что инспекция не учла положения п. 1 ст. 145 НК РФ при изменении квалификации деятельности налогоплательщика в рамках выездной налоговой проверки, не означает утрату возможности предоставления индивидуальному предпринимателю освобождения по результатам рассмотрения уведомления, поданного после окончания проверки, если освобождение применялось им фактически (налог не исчислялся и не предъявлялся покупателям) и не истек установленный ст. 78 НК РФ срок возврата (зачета) переплаты по налогу.

Определение № 306-КГ17-15420

Практика применения бюджетного законодательства

32. В случае нецелевого использования бюджетной субсидии получатель субсидии обязан возвратить указанную сумму как неосновательное обогащение и уплатить на нее проценты в порядке, предусмотренном ст. 395 и 1107 ГК РФ.

Административным органом и обществом заключен договор о предоставлении субсидии из средств краевого бюджета в для возмещения части затрат на уплату процентов по кредитному договору в части целевого использования кредита на цели, установленные Порядком

субсидирования из средств краевого бюджета процентной ставки по банковским кредитам, полученным юридическим лицом, в том числе жилищными и жилищно-строительными кооперативами, на строительство жилья, в том числе малоэтажного и (или) эконом-класса, утвержденным постановлением главы администрации (губернатора) Краснодарского края (далее – Порядок предоставления субсидий).

Надзорным органом проведена проверка на предмет соблюдения бюджетного законодательства при расходовании денежных средств, выделенных в рамках реализации государственных программ Краснодарского края.

По результатам проверки надзорный орган пришел к выводу о нецелевом использовании средств краевого бюджета, выразившемся в завышении суммы субсидии, предоставленной обществу, в результате несоблюдения требований Порядка предоставления субсидий.

Административный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о взыскании с общества излишне выплаченной субсидии и процентов, взыскиваемых по правилам ст. 395 ГК РФ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, требование о взыскании средств субсидии удовлетворено, в остальной части требований отказано. Суды исходили из того, что правоотношения по возврату субсидий вытекают из норм Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ). Возможность применения к таким отношениям норм гражданского законодательства не предусмотрена, в связи с чем у административного органа не возникло право требования процентов на основании ст. 395 ГК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части отказа во взыскании процентов по следующим основаниям.

В п. 3 ст. 78 БК РФ предусмотрены требования к нормативным правовым актам, регулирующим предоставление субсидий. В частности, эти акты должны содержать положения об обязательной проверке главным распорядителем (распорядителем) бюджетных средств, предоставляющим субсидию, и органом государственного (муниципального) контроля соблюдения условий, целей и порядка предоставления субсидии, а также порядок возврата субсидии в соответствующий бюджет в случае нарушения условий, установленных при ее предоставлении. Если получатель субсидии не возвращает денежные средства по требованию контролирующего органа в порядке, предусмотренном нормативным правовым актом и соглашением о предоставлении субсидии, то орган, выдавший субсидию, принимает меры по взысканию субсидии в судебном порядке.

БК РФ не предусматривает начисления процентов на сумму субсидии, подлежащей возврату, поскольку не устанавливает ответственность лиц, не являющихся участниками бюджетного процесса. В силу п. 2 ст. 306[1] БК РФ такие лица несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Таким образом, к отношениям сторон по исполнению условий договора о предоставлении субсидии могут быть применены нормы ГК РФ.

Тот факт, что денежные средства были израсходованы обществом не по целевому назначению, свидетельствует о возникновении на стороне лица, получившего субсидию, неосновательного обогащения. При этом не имеет правового значения то обстоятельство, что полученные денежные средства являлись бюджетными.

В силу п. 1 ст. 1102, п. 2 ст. 1107 ГК РФ неосновательно обогатившееся лицо обязано не только возвратить сумму неосновательного обогащения, но и уплатить на нее проценты в порядке, предусмотренном ст. 395 ГК РФ.

Учитывая, что договором, заключенным сторонами, предусмотрена ответственность общества за использование субсидии на цели, не соответствующие условиям ее получения, в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, следует признать, что требование административного органа о взыскании с общества излишне выплаченной субсидии и процентов по правилам ст. 395 ГК РФ является обоснованным.

Определение № 308-ЭС17-9296

Практика применения таможенного законодательства

33. Взимание таможенных платежей со всего погруженного топлива, включая ту его часть, которая необходима для выполнения рейса и в отношении которой не нарушены условия для освобождения от уплаты таможенных платежей, не может быть признано правомерным.

Общество, осуществляющее снабжение судов топливом и смазочными материалами, необходимыми для эксплуатации судов, представило в таможенный орган декларацию на вывоз товара – мазута М-100 – в качестве припасов с условным начислением таможенных платежей.

По результатам камеральной проверки таможенным органом приняты решения о взыскании таможенных пошлин, налогов, а также о внесении изменений и (или) дополнений в сведения, указанные в

декларации на товары. Впоследствии обществу выставлено требование об уплате таможенных платежей. Основанием принятия указанных решений и выставления требования послужил сделанный таможенным органом вывод, что судно прибыло в российский порт исключительно с целью бункеровки топливом (мазут М-100). Таможенный орган счел, что судно не ввозило на таможенную территорию Таможенного союза груз и не вывозило его, следовательно, в отношении Российской Федерации не осуществляло международную перевозку, предусмотренную законодательством Российской Федерации, и тем самым не выполнило условия использования льготы по уплате вывозной таможенной пошлины при перемещении горюче-смазочных материалов в качестве припасов.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанных решений и требования незаконными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Постановлением арбитражного суда округа указанные судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно п. 2 ст. 363 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС) перемещение припасов через таможенную границу осуществляется без уплаты таможенных пошлин, налогов и без применения мер нетарифного регулирования.

Под припасами при этом понимаются товары, необходимые для обеспечения нормальной эксплуатации и технического обслуживания водных судов в пути следования или в пунктах промежуточной остановки либо стоянки (подп. 23 п. 1 ст. 4 ТК ТС).

С учетом названных положений определяющим условием освобождения припасов от таможенных пошлин и налогов является подтверждение того, что они необходимы для обеспечения нормальной эксплуатации и технического обслуживания судна в количествах, признанных обоснованными для эксплуатации и технического обслуживания в пути следования, то есть не превышающих необходимого для выполнения рейсового задания минимума. Следовательно, при возникновении спора о том, перевозятся ли погруженные на судно товары в режиме припасов, юридическое значение имеют обстоятельства: в каком

количестве осуществлена бункеровка топливом судна, превышало ли это количество необходимый для выполнения рейсового задания минимум.

Указанный подход соответствует международной практике таможенного обложения товаров в режиме припасов, что нашло закрепление в нормах Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Киото, 18 мая 1973 г.), свидетельствует о формировании соответствующего международного стандарта, что подтверждается актами Евразийского Экономического Союза, принятыми в последующий период (п. 30 ст. 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 1 ноября 2016 г. № 131 «Об определении количественных норм бункерного топлива, перемещаемого в качестве припасов водными судами через таможенную границу Евразийского экономического союза»).

Изменение квалификации погруженных товаров (их исключение из категории припасов) не должно приводить к взиманию таможенных платежей сверх суммы, которая подлежала бы уплате при надлежащем декларировании. Иной подход по существу означал бы применение к декларанту меры юридической ответственности, не установленной законодательством, что недопустимо.

Этими же выводами руководствовался Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, указывая в п. 7 постановления от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды», что в случае учета налогоплательщиком операций не в соответствии с их действительным экономическим смыслом, права и обязанности налогоплательщика определяются исходя из подлинного экономического содержания соответствующей операции.

Данная правовая позиция носит универсальный характер, поскольку направлена на обеспечение справедливого и равного налогообложения.

Таким образом, условия для освобождения от уплаты таможенных платежей утрачиваются в отношении той части топлива, которая не соответствует понятию припасов (превышает необходимый для выполнения рейса минимум), а взимание таможенных платежей со всего погруженного топлива, включая ту его часть, которая необходима для выполнения рейса и в отношении которой не нарушены условия для освобождения от уплаты таможенных платежей, не может быть признано правомерным.

Определение № 305-КГ17-14588

Практика применения законодательства о социальном страховании

34. Непринятие фондом социального страхования к зачету расходов, произведенных обществом, на выплату страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством при исчислении пособия по беременности и родам за любые годы (год) по выбору застрахованного лица, а не за годы (год), непосредственно предшествующие годам, в которых застрахованное лицо находилось в отпуске по беременности и родам, признано судом правомерным.

Решением фонда социального страхования (далее – фонд) не приняты к зачету расходы общества на выплату страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, поскольку при исчислении пособия по беременности и родам обществом в целях расчета среднего заработка неправомерно учтен заработок работника за 2012 и 2014 год.

Основанием для вынесения указанного решения послужил вывод фонда о том, что указанные расходы произведены обществом с нарушением законодательства Российской Федерации об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, а именно: при исчислении пособия по беременности и родам за период с 15 апреля 2016 г. по 1 сентября 2016 г. обществом в целях расчета среднего заработка неправомерно учтен заработок работника за 2012 и 2014 год. Как указывает фонд, работник с 20 января 2015 г. по 24 июня 2015 г. находился в отпуске по беременности и родам, а с 25 июня 2015 г. по 14 апреля 2016 г. в отпуске по уходу за первым ребенком. Следовательно, в соответствии ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» (далее – Федеральный закон № 255-ФЗ), при исчислении пособия по беременности и родам с 15 апреля 2016 г. в целях расчета среднего заработка за период 2014–2015 годы (два года, непосредственно предшествующих году наступления страхового случая) можно заменить 2015 год на календарный год, непосредственно предшествующий расчетному периоду, то есть на 2013 год. Однако общество в рассматриваемой ситуации неправомерно заменило 2015 год на 2012 год в целях расчета среднего заработка для исчисления упомянутого пособия.

Не согласившись с указанным решением фонда, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены. Суды исходили из следующего: ч. 1 ст. 14 Федерального закона № 255-ФЗ и п. 11 Положения «Об особенностях порядка исчисления пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, ежемесячного пособия по уходу за ребенком гражданам, подлежащим обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством», утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июня 2007 г. № 375, не предусмотрено, что в целях расчета среднего заработка календарные годы (год) расчетного периода, в которых застрахованное лицо находилось в отпуске по беременности и родам и (или) в отпуске по уходу за ребенком, могут быть заменены только на календарные годы (год), непосредственно предшествующие (следующие друг за другом) этому расчетному периоду. По мнению судов, при исчислении пособия по беременности и родам общество правомерно в целях расчета среднего заработка за период 2014–2015 годы (два года, непосредственно предшествующих году наступления страхового случая) заменило 2015 год (год, в котором застрахованное лицо находилось в отпуске по беременности и родам и (или) в отпуске по уходу за ребенком) на 2012 год – год, предшествующий этому расчетному периоду (2014–2015 годы).

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила вышеназванные судебные акты и отказала в удовлетворении заявленных требований по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 14 Федерального закона № 255-ФЗ для исчисления пособия по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, ежемесячного пособия по уходу за ребенком учитывается средний заработок застрахованного лица, рассчитанный за два календарных года, предшествующих году наступления временной нетрудоспособности, отпуска по беременности и родам, отпуска по уходу за ребенком (расчетный период). Поскольку изначально расчетный период для исчисления среднего заработка застрахованного лица должен непосредственно предшествовать году наступления страхового случая, то и замена годов (года), составляющих этот расчетный период, может быть произведена на годы (год), непосредственно предшествующие этому расчетному периоду, то есть на годы (год), последовательно следующие перед годами (годом), подлежащими учету для исчисления среднего заработка, но в которых (котором) застрахованное лицо находилось в отпуске по беременности и родам и (или) в отпуске по уходу за ребенком.

Таким образом, суды неправильно истолковали положения ч. 1 ст. 14 Федерального закона № 255-ФЗ, поэтому решение фонда является правомерным.

Определение № 309-КГ17-15902

Процессуальные вопросы

35. Все постоянно действующие арбитражные учреждения, постоянно действующие третейские суды, существовавшие в Российской Федерации до даты вступления в силу Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее – Закон об арбитраже) и принятия постановления Правительства РФ от 25 июня 2016 г. № 577 «Об утверждении Правил предоставления права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения и Положения о депонировании правил постоянно действующего арбитражного учреждения», могли осуществлять деятельность по рассмотрению споров в период с 1 ноября 2016 г. по 31 октября 2017 г.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к организации о взыскании суммы неосновательного обогащения и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Определением суда первой инстанции иск оставлен без рассмотрения.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, определение суда первой инстанции оставлено без изменения. Основанием оставления иска без рассмотрения послужили выводы судов, что договором, заключенным сторонами, установлено урегулирование возникших между ними споров (любых споров) из гражданских правоотношений в арбитражном третейском суде. Суды признали, что данное соглашение соответствует требованиям ч. 1, ч. 2 ст. 7 Закона об арбитраже.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оставила в силе указанные судебные акты по следующим основаниям.

В ч. 5 ст. 52 Закона об арбитраже установлено, что арбитражные соглашения, заключенные до дня вступления в силу настоящего федерального закона, сохраняют силу (с учетом положений ч. 6 и 16 настоящей статьи) и не могут быть признаны недействительными или неисполнимыми лишь на том основании, что настоящим федеральным

законом предусмотрены иные правила, чем те, которые действовали при заключении указанных соглашений.

В соответствии с ч. 6 ст. 52 Закона об арбитраже в случае, если действующие на день вступления в силу настоящего федерального закона арбитражные (третейские) соглашения предусматривали рассмотрение споров в постоянно действующих третейских судах при соблюдении иных положений настоящего федерального закона, предусмотренные такими соглашениями споры могут быть рассмотрены в постоянно действующих третейских судах, указанных в таких соглашениях, либо в учреждениях-правопреемниках в соответствии с их наиболее применимыми правилами.

Таким образом, Закон об арбитраже не предусматривает безусловное признание всех третейских соглашений, заключенных до даты вступления закона в силу, неисполнимыми и недействительными.

Согласно ч. 13 ст. 52 Закона об арбитраже, по истечении одного года со дня установления Правительством Российской Федерации порядка, предусмотренного чч. 4–7 ст. 44 настоящего федерального закона, постоянно действующие арбитражные учреждения, постоянно действующие третейские суды, не соответствующие требованиям ст. 44 настоящего федерального закона и не получившие права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения (за исключением Международного коммерческого арбитражного суда и Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации), не вправе осуществлять деятельность по администрированию арбитража.

Такой порядок установлен постановлением Правительства Российской Федерации от 25 июня 2016 г. № 577 «Об утверждении правил предоставления права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения и положения о депонировании правил постоянно действующего арбитражного учреждения» (далее – Постановление № 577).

Согласно п. 2 названного Постановления правила предоставления права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения вступают в силу с 1 ноября 2016 г.

Исходя из указанных положений Закона об арбитраже и Постановления № 577, переходный период по формированию системы постоянно действующих арбитражных учреждений длился с 1 ноября 2016 г. по 31 октября 2017 г.

Таким образом, в силу содержания указанных выше норм права, все постоянно действующие арбитражные учреждения, постоянно действующие третейские суды, существовавшие до даты вступления в силу Закона об арбитраже и принятия Постановления № 577, могли

осуществлять деятельность по рассмотрению споров по 31 октября 2017 г., в том числе и в случаях несоответствия требованиям, установленным новой нормой ст. 44 Закона об арбитраже.

С 1 января 2017 г. споры в рамках арбитража, администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением, постоянно действующим третейским судом, утратившими право администрировать спор в соответствии с ч. 13 Закона об арбитраже, продолжают рассматриваться третейским судом, и все функции по администрированию арбитража подлежат выполнению третейским судом как при арбитраже, осуществляемом третейским судом, образованным сторонами арбитража для разрешения конкретного спора, если стороны спора не договорятся об иной процедуре разрешения спора и если арбитражное соглашение не становится неисполнимым (ч. 16 ст. 52 Закона об арбитраже).

Следовательно, третейский суд, указанный сторонами в договоре, в соответствии с указанной выше совокупностью положений Закона об арбитраже, обладал компетенцией на рассмотрение требований общества в указанный переходный период.

Определение № 305-ЭС17-14401

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

36. Преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 327 УК РФ, считается оконченным с момента прекращения возможности использования подложного документа.

Установлено, что 4 февраля 2013 г. К., не имея высшего профессионального образования, с целью трудоустройства на должность главы администрации района представил членам конкурсной комиссии в числе прочих документов ранее незаконно приобретенный им заведомо подложный документ об образовании − диплом, выполненный предприятием «ГОЗНАК», с внесенными в него не соответствующими действительности данными об окончании им в 1990 году полного курса Института инженеров транспорта по специальности «механизация сельского хозяйства» и о присвоении ему квалификации «инженер-механик». На основании представленных документов 22 февраля 2013 г. К. был назначен на должность главы администрации района, которую занимал до 31 декабря 2015 г.

29 декабря 2015 г. по запросу межрайонного прокурора, проводившего проверку соблюдения законодательства о муниципальной службе в администрации района, К. представил в прокуратуру тот же подложный документ, свидетельствующий о наличии у него высшего профессионального образования.

По приговору мирового судьи от 11 ноября 2016 г. (с учетом внесенных изменений) К. осужден по ч. 3 ст. 327 УК РФ к штрафу в размере 50 тыс. руб.

В кассационной жалобе осужденный К. просил приговор и последующие судебные решения отменить и уголовное дело по ч. 3 ст. 327 УК РФ прекратить на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, полагая, что преступление было окончено в 2013 году, когда он был назначен на должность главы администрации района.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, доводы жалобы без удовлетворения по следующим основаниям.

Как следует из приговора, К. признан виновным в совершении преступления, относящегося к категории небольшой тяжести. В соответствии со ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления небольшой тяжести истекло два года, при этом сроки давности исчисляются со дня совершения преступления и до момента вступления приговора в законную силу.

Согласно фактическим обстоятельствам, установленным судом, 4 февраля 2013 г. К. при решении вопроса о назначении его на должность главы администрации района был представлен заведомо подложный документ об образовании (диплом), наличие которого позволило ему участвовать в конкурсе на замещение данной должности, быть назначенным на нее и занимать ее вплоть до установления факта подложности представленного им диплома, выявленного прокуратурой в ходе проверки соблюдения законодательства о муниципальной службе в администрации района.

Признать, что данное преступление является оконченным в день предъявления осужденным подложного диплома о высшем образовании в конкурсную комиссию для замещения должности главы администрации района (4 февраля 2013 г.) или в день принятия решения о назначении на должность и заключения с ним контракта (22 и 25 февраля 2013 г. соответственно), нельзя.

По смыслу уголовного закона длящееся преступление начинается с момента совершения преступного действия и оканчивается вследствие действия самого виновного, направленного на прекращение преступления,

или наступления событий, препятствующих дальнейшему совершению преступления.

Фактические обстоятельства совершенного осужденным преступления свидетельствуют о том, что использование К. заведомо подложного диплома об образовании осуществлялось на протяжении всего периода нахождения его на должности главы администрации района, поскольку отсутствие такового делало бы невозможным занятие им указанной должности.

Исходя из установленных судом обстоятельств, преступление, совершенное К., является длящимся и считается оконченным в момент его пресечения в результате проведенной прокурором проверки лишь 29 декабря 2015 г.

Таким образом, ни на момент постановления приговора мировым судьей − 11 ноября 2016 г. − ни на день вступления его в законную силу −18 января 2017 г. − установленные ч. 1 ст. 78 УК РФ сроки давности привлечения к уголовной ответственности не истекли.

Определение № 13-УД17-8

Назначение наказания

37. Согласно положениям ч. 4 ст. 78 УК РФ решение вопроса о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, за которое предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, относится к исключительной компетенции суда.

Постановлением суда от 20 декабря 2017 г. уголовное дело в отношении Н., обвиняемой в том числе в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч.2 ст. 105 УК РФ, прекращено на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по апелляционному представлению, отменила постановление по следующим основаниям.

Согласно п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», исходя из положений ч. 4 ст. 78 УК РФ вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, за которое предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы, разрешается только судом и в отношении всех

субъектов независимо от того, может ли это наказание быть назначено лицу с учетом правил ч. 2 ст. 57, чч. 2 и 2^1 ст. 59, ч. 4 ст. 62 и ч. 4 ст. 66 УК РФ.

Исходя из изложенного положения ч. 4 ст. 78 УК РФ предусматривают возможность распространения содержащегося в ней требования на преступление, наказуемое пожизненным лишением свободы или смертной казнью, если оно совершено лицом, в отношении которого применение указанных видов наказания невозможно.

Однако суд, принимая решение о прекращении уголовного дела в отношении Н. по п. «з» ч. 3 ст. 105 УК РФ на основании п. 3 ч.1 ст. 24 УПК РФ в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, сослался на общее правило, предусмотренное п. «г» ч. 1 ст. 78 УК РФ, содержащее требование об освобождении лица от уголовной ответственности в случае, если истек 15-летний срок со дня совершения им особо тяжкого преступления.

Между тем из смысла разъяснений ч. 4 ст. 78 УК РФ, даваемых Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, следует, что предусмотренное в ч. 1 ст. 78 УК РФ требование об освобождении от уголовной ответственности в случае истечения сроков давности распространяется на все преступления, за исключением тех, за которые санкцией статьи предусмотрено наказание в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы. Поскольку совершение лицом такого преступления свидетельствует о его высокой общественной опасности, в отношении его применяются иные правила, специально предусмотренные уголовным законом, содержащиеся в ч. 4 ст. 78 УК РФ.

В силу ч. 4 ст. 78 УК РФ решение вопроса о применении сроков давности уголовного преследования в отношении лица, совершившего такое преступление, относится к исключительной компетенции суда. Из этого следует, что лицо, совершившее преступление, за которое предусмотрены смертная казнь или пожизненное лишение свободы, привлекается к уголовной ответственности независимо от времени, прошедшего после совершения преступления. При этом в течение 15 лет, которые установлены законом для этой категории преступления, уголовная ответственность является обязательной, а по истечении данного срока вопрос о прекращении уголовного преследования отнесен к компетенции суда. В случае если суд не сочтет возможным освободить такое лицо от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности, то смертная казнь и пожизненное лишение свободы к нему не применяются, а наказание назначается в соответствии с положениями ст. 43, 60 УК РФ.

Поскольку допущенное судом нарушение уголовного закона не может быть устранено при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке, Судебная коллегия отменила постановление суда

в части прекращения уголовного дела в отношении Н. по п. «з» ч.2 ст. 105 УК РФ, а уголовное дело в этой части передала на новое судебное рассмотрение со стадии предварительного слушания.

Определение № 4-АПУ18-3

Процессуальные вопросы

38. Подсудность дел о применении принудительных мер медицинского характера определяется по общим правилам подсудности уголовных дел, установленным ст. 31 УПК РФ.

Постановлением Свердловского областного суда от 15 февраля 2018 г. Д. освобожден от уголовной ответственности за совершение в состоянии невменяемости запрещенного уголовным законом деяния, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, с применением принудительной меры медицинского характера в виде принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях специализированного типа.

В апелляционном представлении государственный обвинитель просил отменить постановление и направить дело на новое судебное рассмотрение в Первоуральский городской суд в связи с нарушением п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила постановление без изменения по следующим основаниям.

В соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» подсудность дел о применении принудительных мер медицинского характера определяется по общим правилам подсудности дел, установленным ст. 31 УПК РФ.

Согласно общим правилам подсудности, предусмотренным п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ, рассмотрение уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ, отнесено к подсудности областного суда.

Доводы представления о том, что Д., как лицу, совершившему общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, не может быть назначено наказание, в том числе и пожизненное лишение свободы, не отменяют общие правила подсудности.

Таким образом, по мнению Судебной коллегии, дело о применении принудительной меры медицинского характера в отношении Д.

рассмотрено Свердловским областным судом с соблюдением правил подсудности.

Определение № 45-АПУ18-7

39. Исключен Президиумом 25 апреля 2025 г.

40. Исключен Президиумом 20 марта 2019 г.

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

41. При отсутствии в исполнительном документе требований имущественного характера, а также при отсутствии судебного акта о наложении ареста на имущество должника у судебного пристава-исполнителя отсутствуют правовые основания для наложения ареста на это имущество.

Б. обратился в суд с административным исковым заявлением об оспаривании действий судебного пристава-исполнителя.

В обоснование заявленных требований указал, что является должником по исполнительному производству о возложении на него обязанности прекратить деятельность по осуществлению регулярных перевозок на территории города.

В рамках данного исполнительного производства судебный пристав-исполнитель наложил арест на принадлежащий Б. на праве собственности автобус, однако указанные действия является незаконными и противоречат Федеральному закону от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Федеральный закон № 229-ФЗ), поскольку арест может налагаться только по требованиям об имущественных взысканиях или при наличии судебного акта об аресте имущества, но не по требованиям неимущественного характера. Кроме того, наложение ареста создает препятствия для осуществления права собственности в отношении указанного имущества.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

При этом суд исходил из того, что законодательство об исполнительном производстве не содержит запрета на арест имущества должника с целью прекращения осуществления им определенной деятельности при условии длительного неисполнения решения суда. Кроме того, применение ареста при исполнении требований неимущественного характера соответствует целям исполнительного производства и направлено на обеспечение невозможности дальнейшего совершения должником действий по осуществлению пассажирских перевозок.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и приняла новое решение об удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

Статьей 4 Федерального закона № 229-ФЗ определены принципы исполнительного производства, одним из которых является соотносимость объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения.

Согласно ч. 1 ст. 64 названного закона исполнительными действиями являются совершаемые судебным приставом-исполнителем в соответствии с названным законом действия, направленные на создание условий для применения мер принудительного исполнения, а равно на понуждение должника к полному, правильному и своевременному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе. В целях обеспечения исполнения исполнительного документа судебный пристав-исполнитель вправе накладывать арест на имущество, в том числе денежные средства и ценные бумаги, изымать указанное имущество, передавать арестованное и изъятое имущество на хранение (п. 7 ч. 1 данной статьи).

В ст. 80 Федерального закона № 229-ФЗ закреплено, что судебный пристав-исполнитель в целях обеспечения исполнения исполнительного документа, содержащего требования об имущественных взысканиях, вправе, в том числе и в течение срока, установленного для добровольного исполнения должником содержащихся в исполнительном документе требований, наложить арест на имущество должника (ч. 1).

В силу ч. 3 ст. 80 Федерального закона № 229-ФЗ арест на имущество должника применяется: для обеспечения сохранности имущества, которое подлежит передаче взыскателю или реализации (п. 1); при исполнении судебного акта о конфискации имущества (п. 2); при исполнении судебного акта о наложении ареста на имущество, принадлежащее должнику и находящееся у него или у третьих лиц (п. 3).

В свою очередь, ст. 68 названного закона установлено, что мерами принудительного исполнения являются действия, указанные в исполнительном документе, или действия, совершаемые судебным

приставом-исполнителем в целях получения с должника имущества, в том числе денежных средств, подлежащего взысканию по исполнительному документу (ч. 1). Одной из мер принудительного исполнения является наложение ареста на имущество должника, находящееся у должника или у третьих лиц, во исполнение судебного акта об аресте имущества (п. 5 ч. 3 названной статьи).

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 40 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», арест в качестве исполнительного действия может быть наложен судебным приставом-исполнителем в целях обеспечения исполнения исполнительного документа, содержащего требования об имущественных взысканиях (п. 7 ч. 1 ст. 64, ч. 1 ст. 80 Федерального закона № 229-ФЗ).

В качестве меры принудительного исполнения арест налагается при исполнении судебного акта о наложении ареста на имущество ответчика, административного ответчика, находящееся у него или у третьих лиц (ч. 1, п. 5 ч. 3 ст. 68 названного Закона). Во исполнение судебного акта о наложении ареста на имущество ответчика судебный пристав-исполнитель производит арест и устанавливает только те ограничения и только в отношении того имущества, которые указаны судом.

Поскольку в данном случае в исполнительном листе, выданном в отношении Б., отсутствовали требования имущественного характера, а в материалах дела не имелось доказательств принятия судебного акта о наложении ареста на имущество должника, в том числе на принадлежащий ему на праве собственности автобус, у судебного пристава-исполнителя отсутствовали предусмотренные законом основания для наложения ареста на указанное транспортное средство.

Кроме того, в исполнительном документе отсутствовало указание на запрет совершения должником определенных действий с использованием именно этого транспортного средства.

Таким образом, наложение ареста на принадлежащий Б. автобус необоснованно ограничивает право должника владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом иными способами.

В этой связи действия судебного пристава-исполнителя не могут быть признаны законными.

Определение № 57-КГ18-1

42. Решение, являющееся основанием для ограничения доступа к сайту в сети «Интернет», содержащему информацию, распространение

которой в Российской Федерации запрещено, принимается судом общей юрисдикции в порядке административного судопроизводства.

При этом администратор (владелец) доменного имени, а также владелец сайта, заявляющий о нарушении своих прав, признается лицом, чьи права, свободы и законные интересы затрагиваются указанным решением суда.

Прокурор, действующий в защиту интересов неопределенного круга лиц, обратился в суд с заявлением о признании информации, размещенной на одном из сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», информацией, распространение которой на территории Российской Федерации запрещено.

В обоснование требований указал, что в ходе проведенной проверки исполнения положений законодательства Российской Федерации в сфере противодействия распространению в телекоммуникационной сети «Интернет» информации, содержащей сведения, распространение которых на территории Российской Федерации запрещено, установлено, что на одном из сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» размещены сведения о криптовалюте, представляющей собой виртуальное средство платежа и накопления. Указанная криптовалюта не обеспечена реальной стоимостью и не содержит информации о ее держателях. Процесс выпуска и обращения названной валюты полностью децентрализован и отсутствует возможность его регулирования, в том числе со стороны государства, что противоречит Федеральным законам от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации», от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, требования прокурора удовлетворены.

Т. обратился в суд с апелляционной жалобой на указанное решение суда, указав, что является администратором доменного имени, а также владельцем сайта, в отношении которого принято это решение, в связи с чем оно затрагивает его права и законные интересы, однако к участию в деле он привлечен не был.

Судом апелляционной инстанции апелляционная жалоба Т. была оставлена без рассмотрения по существу.

При этом суд исходил из того, что обжалуемым решением не разрешался вопрос о правах и обязанностях Т., в связи с чем апелляционная жалоба подана лицом, не обладающим правом апелляционного обжалования.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с определением суда

апелляционной инстанции об оставлении апелляционной жалобы без рассмотрения по существу, указав следующее.

Пунктом 17 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон о защите информации) определено, что владелец сайта в сети «Интернет» – это лицо, самостоятельно и по своему усмотрению определяющее порядок использования сайта в сети «Интернет», в том числе порядок размещения информации на таком сайте.

Согласно ч. 1 ст. 15^1 Закона о защите информации в целях ограничения доступа к сайтам в сети «Интернет», содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, создается единая автоматизированная информационная система «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено».

Согласно п. 2 ч. 5 ст. 15^1 Закона о защите информации основанием для включения в Реестр является вступившее в законную силу решение суда о признании информации, распространяемой посредством сети «Интернет», информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

В течение суток с момента получения от оператора реестра уведомления о включении доменного имени и (или) указателя страницы сайта в сети «Интернет» в реестр провайдер хостинга обязан проинформировать об этом обслуживаемого им владельца сайта в сети «Интернет» и уведомить его о необходимости незамедлительного удаления интернет-страницы, содержащей информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (ч. 7 ст. 15^1 Закона о защите информации).

Частью 8 ст. 15^1 Закона о защите информации установлено, что в течение суток с момента получения от провайдера хостинга уведомления о включении доменного имени и (или) указателя страницы сайта в сети «Интернет» в реестр владелец сайта в сети «Интернет» обязан удалить интернет-страницу, содержащую информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. В случае отказа или бездействия владельца сайта в сети «Интернет» провайдер хостинга обязан ограничить доступ к такому сайту в сети «Интернет» в течение суток.

Таким образом, судебное решение о признании информации, размещенной на сайте в сети «Интернет», запрещенной к распространению на территории Российской Федерации, не только устанавливает правовое состояние такой информации и ограничивает владельца сайта в осуществлении права на свободное распространение информации любым

законным способом, но и порождает для владельца сайта обязанность удалить эту информацию.

При таких обстоятельствах, учитывая доводы Т. о том, что он является владельцем сайта, в отношении которого принято обжалуемое решение суда, а также имеющиеся в материалах дела сведения о том, что Т. является администратором соответствующего доменного имени, имеются основания полагать, что указанное выше решение затрагивает права и законные интересы Т. и возлагает на него определенные обязанности.

В этой связи оставление апелляционной жалобы Т. без рассмотрения по существу не может рассматриваться иначе как лишение права на обжалование не вступившего в законную силу решения суда.

Кроме того, следует учесть, что решения, являющиеся основаниями для ограничения доступа к сайтам в сети «Интернет», содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, принимаются судами общей юрисдикции в порядке административного судопроизводства в рамках осуществления обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, прав организаций при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям (ч. 3 ст. 1 КАС РФ).

Производство по таким делам осуществляется по общим правилам административного искового производства.

Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, подлежит привлечению к участию в рассмотрении соответствующих административных дел в качестве административного ответчика.

Административное исковое заявление подается в районный суд по месту нахождения названного федерального органа исполнительной власти или его территориального органа (ст. 19, 22 КАС РФ), если административное дело не отнесено к подсудности Московского городского суда (ч. 2 ст. 20 КАС РФ).

В ходе подготовки административного дела к судебному разбирательству судья определяет иных лиц, права и законные интересы которых может затронуть судебное решение (в том числе, владельцев сайтов в сети «Интернет», авторов размещенной на них информации). В случае выявления таких лиц, установления их места нахождения (места жительства) суд привлекает их к участию в деле, извещает о времени и месте судебного заседания.

Определение № 78-КГ17-101

43. Административное исковое заявление о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке может быть удовлетворено судом лишь в случае, если будет установлено, что гражданин совершает действия, дающие основания предполагать наличие у него тяжелого психического расстройства, которое обусловливает его беспомощность, то есть неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности, или существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи.

Также обстоятельством, имеющим значение для правильного разрешения дела является наличие факта отказа или уклонения гражданина от психиатрического освидетельствования в добровольном порядке.

Врач-психиатр обратился в суд с административным исковым заявлением о психиатрическом освидетельствовании К. в недобровольном порядке, ссылаясь на то, что у данного гражданина имеются признаки тяжелого психического расстройства.

Основанием для таких выводов послужила информация, согласно которой К. неоднократно в письменной форме негативно высказывался о деятельности должностных лиц органов государственной власти субъекта Российской Федерации. Кроме того, К. имеет склонность к совершению суицидальных действий, в связи с чем нуждается в проведении психиатрического освидетельствования в недобровольном порядке.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление удовлетворено.

При этом суд исходил из того, что требования врача-психиатра являются обоснованными, поскольку соответствуют положениям Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-I «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (далее – Закон Российской Федерации № 3185-I), предусматривающим возможность проведения психиатрического освидетельствования лица без его согласия на основании заключения врача-психиатра с санкции судьи. При этом судом сделан вывод о том, что имеющиеся в отношении К. сведения позволяют сделать предположение о наличии у него тяжелого психического расстройства.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и приняла новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

В силу ч. 4 ст. 23 Закона Российской Федерации № 3185-I психиатрическое освидетельствование лица может быть проведено без его согласия или без согласия его законного представителя в случаях, когда по имеющимся данным обследуемый совершает действия, дающие основания предполагать наличие у него тяжелого психического расстройства, которое обусловливает: его беспомощность, то есть неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности (п. «б»), или существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи (п. «в»).

В случаях, предусмотренных пп. «б» и «в» ч. 4 ст. 23 названного закона, решение о психиатрическом освидетельствовании лица без его согласия или без согласия его законного представителя принимается врачом-психиатром с санкции судьи (ч. 2 ст. 24 Закона Российской Федерации № 3185-I).

Согласно ч. 5 ст. 25 названного закона при отсутствии непосредственной опасности лица для себя или окружающих заявление о психиатрическом освидетельствовании должно быть письменным, содержать подробные сведения, обосновывающие необходимость такого освидетельствования, и указание на отказ лица либо его законного представителя от обращения к врачу-психиатру. Врач-психиатр вправе запросить дополнительные сведения, необходимые для принятия решения. Установив, что в заявлении отсутствуют данные, свидетельствующие о наличии обстоятельств, предусмотренных пп. «б» и «в» ч. 4 ст. 23 данного закона, врач-психиатр в письменном виде, мотивированно отказывает в психиатрическом освидетельствовании.

Особенности производства по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях в недобровольном порядке, о продлении срока госпитализации гражданина в недобровольном порядке или о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке установлены гл. 30 КАС РФ.

Согласно ст. 280 названного кодекса административное исковое заявление о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке подается в суд врачом-психиатром, оказывающим психиатрическую помощь (ч. 1); к административному исковому заявлению о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке прилагаются мотивированное заключение врача-психиатра о необходимости такого освидетельствования и другие материалы, на основании которых врачом-психиатром составлено

заключение, а также документы, предусмотренные п. 1 ч. 1 ст. 126 названного кодекса (ч. 2).

В силу ч. 6 ст. 280 КАС РФ при рассмотрении административного дела о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке суду необходимо выяснить: имеются ли сведения о совершении гражданином действий, которые дают основания предполагать наличие у него тяжелого психического расстройства; влечет ли тяжелое психическое расстройство последствия в виде беспомощности гражданина и (или) возможности причинения существенного вреда его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если гражданин будет оставлен без психиатрической помощи; наличие факта отказа или уклонения гражданина от психиатрического освидетельствования в добровольном порядке (пп. 1–3).

В соответствии с ч. 7 указанной статьи суд принимает решение об удовлетворении административного иска о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке, если признает его обоснованным. При отсутствии оснований для направления гражданина на психиатрическое освидетельствование в недобровольном порядке суд отказывает в удовлетворении административного иска и в психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке.

Вместе с тем, из материалов административного дела следует, что к административному исковому заявлению, поданному участковым врачом-психиатром, не приложен документ, подтверждающий право указанного лица на подачу такого заявления, равно как не представлен этот документ и при рассмотрении административного дела в суде первой инстанции.

Также в материалах административного дела отсутствуют сведения о совершении К. действий, свидетельствующих о наличии у него тяжелого психического расстройства.

При рассмотрении административного дела учтена лишь информация о направлении К. различных обращений в органы государственной власти, а также содержание этих обращений.

Однако указанные сведения не свидетельствуют о беспомощности, то есть неспособности К. самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности или о наличии обстоятельств, которые могут повлечь существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если он будет оставлен без психиатрической помощи.

Таким образом, только при наличии вышеуказанных обстоятельств, предусмотренных пп. «б» и «в» ч. 4 ст. 23 Закона Российской Федерации № 3185-I, суд вправе удовлетворить заявленные требования, тогда как по настоящему делу такие обстоятельства установлены не были.

Кроме того, Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда установлен факт ненадлежащего извещения К. о времени и месте рассмотрения административного дела, а также отсутствие сведений о направлении, вручении, либо попытке такого вручения административному ответчику копий административного искового заявления и приложенных к нему документов, позволяющих суду убедиться в получении адресатом указанных документов.

Частью 4 ст. 54 КАС РФ установлено, что в случае, если у административного ответчика, в отношении которого решается вопрос о психиатрическом освидетельствовании в недобровольном порядке, нет представителя, суд назначает в качестве представителя адвоката.

Таким образом, по данной категории административных дел предусмотрено обязательное участие представителя в судебном процессе, что обусловливает обязанность суда обеспечить такое участие.

Указанные требования закона судом также соблюдены не были.

Определение № 22-КГ17-21

44. Заготовка гражданами древесины для собственных нужд имеет характер льготы и предполагает социальную поддержку соответствующих категорий граждан, в связи с чем стоимость объема древесины, предназначенного для собственных нужд граждан, не может быть равной стоимости этого же объема древесины, заготавливаемого в целях осуществлении предпринимательской деятельности.

Постановлением правительства Челябинской области от 20 декабря 2016 г. № 709-П внесены изменения в ставки платы по договорам купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд граждан на территории Челябинской области, утвержденные постановлением правительства Челябинской области от 27 января 2015 г. № 22-П «О ставках платы по договорам купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд граждан на территории Челябинской области».

Данное постановление опубликовано в установленном законом порядке и вступило в силу с 1 января 2017 г.

Б. и Р., проживающие на территории города, где согласно сведениям его администрации в настоящее время не предусмотрена прокладка газопровода, в связи с чем жители данного населенного пункта осуществляют использование лесов в целях заготовки древесины для собственных нужд, в том числе для отопления, ремонта и строительства жилых домов, обратились в суд с административным исковым заявлением

об оспаривании названного постановления Правительства Челябинской области.

В обоснование заявленных требований указали, что ими в установленном законом порядке были оформлены документы, предоставляющие право на заключение договоров купли-продажи лесных насаждений в целях заготовки деловой древесины для строительства индивидуального жилого дома, а также ремонта и отопления жилья, расположенного в районе, где отсутствуют центральное отопление и газоснабжение.

Вместе с тем, оспариваемый нормативный правовой акт по сравнению с ранее действовавшим правовым регулированием предусматривает значительный рост ставок за 1 куб. м по лесу в среднем на 200 и более процентов, однако такое повышение ставок не имеет никакого экономического обоснования, нарушает принцип единства экономического пространства, поскольку в других близлежащих регионах ставки на ту же древесину значительно ниже.

По мнению административных истцов, введение в действие оспариваемого постановления привело к тому, что покупка лесных насаждений для собственных нужд граждан в целях заготовки деловой древесины стала для них экономически невыгодной, а для некоторых категорий граждан и финансово недоступной.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанное решение суда оставила без изменения, указав следующее.

Удовлетворяя заявленные требования административных истцов, суд первой инстанции, проанализировав положения ст. 29 и 30 Лесного кодекса Российской Федерации (далее – ЛК РФ), предусматривающих два вида заготовок древесины – в форме предпринимательской деятельности и для собственных нужд, ч. 4 ст. 30 ЛК РФ, которой установлен запрет на отчуждение древесины, заготовленной гражданами для собственных нужд, а также положения Закона Челябинской области от 27 сентября 2007 г. № 204-ЗО «О порядке и нормативах заготовки гражданами древесины для собственных нужд», пришел к правильному выводу о том, что заготовка гражданами древесины для собственных нужд имеет характер льготы и предполагает социальную поддержку соответствующих категорий граждан, в связи с чем стоимость объема древесины, предназначенного для собственных нужд граждан, не может быть равной стоимости этого же объема древесины, заготавливаемого в целях предпринимательской деятельности.

Кроме того, оспариваемый нормативный правовой акт, которым внесены изменения в ранее утвержденные ставки платы по договорам купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд граждан на территории Челябинской области, не соответствует также положениям ст. 76 ЛК РФ.

В ч. 1 названной статьи ЛК РФ предусмотрено, что плата по договору купли-продажи лесных насаждений, за исключением платы по договору купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд, определяется на основе минимального размера платы, устанавливаемого в соответствии с чч. 2 и 3 данной статьи. Согласно чч. 2 и 3 указанной статьи минимальный размер платы по договору купли-продажи лесных насаждений определяется как произведение ставки платы за единицу объема древесины и объема подлежащей заготовке древесины, а ставки платы за единицу объема древесины, заготавливаемой на землях, находящихся в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, муниципальной собственности, устанавливаются соответственно Правительством Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления.

При этом в силу ч. 5 ст. 76 ЛК РФ плата по договору купли-продажи лесных насаждений, заключаемому с субъектами малого и среднего предпринимательства в соответствии с ч. 4 ст. 29 названного кодекса, устанавливается на основе начальной цены заготавливаемой древесины, определяемой как произведение минимального размера платы по договору купли-продажи лесных насаждений и коэффициента, устанавливаемого органами государственной власти субъектов Российской Федерации для определения расходов на обеспечение проведения мероприятий по охране, защите, воспроизводству лесов.

Часть 4 ст. 29 ЛК РФ, в свою очередь, предусматривает возможность осуществления заготовки древесины юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, относящимися в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» к субъектам малого и среднего предпринимательства, в лесничествах, лесопарках, расположенных на землях лесного фонда, на основании договоров купли-продажи лесных насаждений.

Методика расчета коэффициента для определения расходов на обеспечение проведения мероприятий по охране, защите, воспроизводству лесов в силу положений ч. 6 ст. 76 ЛК РФ утверждается Правительством Российской Федерации.

Такая методика утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 4 декабря 2015 г. № 1320.

Признавая незаконным применение по аналогии при определении ставки платы по договору купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд граждан в числе других показателей коэффициента, установленного названной выше методикой, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации для определения расходов на обеспечение проведения мероприятий по охране, защите, воспроизводству лесов, суд правомерно указал, что данный коэффициент подлежит применению в отношении платы по договору купли-продажи лесных насаждений, заключаемому с субъектами малого и среднего предпринимательства.

Возможность применения такого расчета для установления платы при заготовке гражданами древесины для собственных нужд ЛК РФ или какой-либо иной нормативный правовой акт не содержат.

Напротив, ч. 4 ст. 76 ЛК РФ предписывает органам государственной власти субъектов Российской Федерации установить для этих целей отдельные ставки.

При этом ч. 5 ст. 1 Закона Челябинской области от 27 сентября 2007 г. № 204-ЗО «О порядке и нормативах заготовки гражданами древесины для собственных нужд» предусмотрены специальные условия заготовки древесины для отопления, которая производится в том числе в порядке очистки лесных насаждений от захламленности, уборки ветровальных, буреломных, усыхающих, сухостойных, поврежденных болезнями и тому подобных насаждений, тогда как при заготовке древесины в порядке предпринимательской деятельности такие условия не предусмотрены.

Таким образом, приравнивание заготовки древесины для собственных нужд граждан к заготовке древесины в целях предпринимательской деятельности повлекло необоснованное завышение ставок платы по договорам купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд граждан.

Изменение установленных ранее ставок платы по договорам купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд граждан в отсутствие какого-либо экономического обоснования повлекло значительный рост названных ставок, что не отвечает принципам правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в лице его уполномоченных органов на основе внимательного и ответственного подхода к оценке фактических обстоятельств, стабильности предоставления социальной поддержки соответствующих категорий граждан.

Определение № 48-АПГ18-1

45. Органы местного самоуправления вправе создавать особо охраняемые природные территории местного значения лишь на земельных участках, находящихся в собственности соответствующего муниципального образования.

29 сентября 2016 г. районный Совет депутатов муниципального района «Нюрбинский район» Республики Саха (Якутия) принял решение № 3 РРС 32-4, которым образована особо охраняемая природная территория местного значения ресурсный резерват (Эркээйи Сир) «Марха» площадью 1418 386,55 гектаров и утверждено Положение о ресурсном резервате (Эркээйи Сир) местного значения «Марха» в Нюрбинском районе Республики Саха (Якутия).

Первый заместитель прокурора Республики Саха (Якутия) обратился в суд с административным исковым заявлением о признании указанного решения недействующим, ссылаясь на то, что особо охраняемая природная территория местного значения ресурсный резерват (Эркээйи Сир) «Марха» создана на лесных участках в составе земель лесного фонда, находящихся в федеральной собственности, в связи с чем у районного Совета депутатов муниципального района «Нюрбинский район» Республики Саха (Якутия) отсутствовали полномочия для осуществления такого правового регулирования.

Решением Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 21 сентября 2017 г. административное исковое заявление удовлетворено, оспариваемое решение признано недействующим со дня вступления решения суда в законную силу.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанное решение суда оставила без изменения, указав следующее.

Отношения в области организации, охраны и использования особо охраняемых природных территорий в целях сохранения уникальных и типичных природных комплексов и объектов, достопримечательных природных образований, объектов растительного и животного мира, их генетического фонда, изучения естественных процессов в биосфере и контроля за изменением ее состояния, экологического воспитания населения регулирует Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях».

Законодательство Российской Федерации об особо охраняемых природных территориях основывается на соответствующих положениях Конституции Российской Федерации и состоит из указанного федерального закона, принимаемых в соответствии с ним других законов и

иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

С учетом особенностей режима особо охраняемых природных территорий в ст. 2 названного федерального закона различаются категории данных территорий. Законами субъектов Российской Федерации могут устанавливаться и иные категории особо охраняемых природных территорий регионального и местного значения (п. 3 этой же статьи).

Из п. 5 ст. 2 Закона Республики Саха (Якутия) от 1 марта 2011 г. 910-З № 713-IV «Об особо охраняемых природных территориях Республики Саха (Якутия)» следует, что в Республике Саха (Якутия) установлена такая категория особо охраняемых природных территорий как ресурсные резерваты (Эркээйи Сирдэр).

Согласно п. 8 ст. 2 Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях» органы местного самоуправления создают особо охраняемые природные территории местного значения на земельных участках, находящихся в собственности соответствующего муниципального образования.

Между тем при рассмотрении и разрешении настоящего административного дела суд первой инстанции установил, что районный Совет депутатов муниципального района «Нюрбинский район» Республики Саха (Якутия) в нарушение п. 8 ст. 2 указанного федерального закона создал особо охраняемую природную территорию местного значения ресурсный резерват (Эркээйи Сир) «Марха» на земельных участках, находящихся в том числе в федеральной собственности.

В соответствии с ч. 1 ст. 8 Лесного кодекса Российской Федерации лесные участки в составе земель лесного фонда находятся в федеральной собственности.

Как установил суд первой инстанции и следует из материалов административного дела, земли лесного фонда, на которых районным Советом депутатов муниципального района «Нюрбинский район» Республики Саха (Якутия) организован ресурсный резерват (Эркээйи Сир) «Марха», составляют более 94 процентов территории данного ресурсного резервата, государственный кадастровый учет осуществлен в отношении 53 земельных участков, находящихся в границах ресурсного резервата, общей площадью 1 197 гектаров, из которых в собственности муниципального образования находятся только два земельных участка общей площадью 53 гектара.

При изложенных обстоятельствах, руководствуясь приведенными нормами Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях» и Лесного кодекса Российской Федерации, суд первой инстанции пришел к правомерному выводу о признании оспариваемого

решения районного Совета депутатов муниципального района «Нюрбинский район» Республики Саха (Якутия) недействующим полностью со дня вступления решения суда в законную силу.

Кроме этого, суд первой инстанции, удовлетворяя административный иск прокурора, правильно руководствовался ч. 3 ст. 16 Закона Республики Саха (Якутия) «Об особо охраняемых природных территориях Республики Саха (Якутия)» и п. 2.5.2 Порядка образования, преобразования и упразднения особо охраняемых природных территорий Республики Саха (Якутия) местного значения, утвержденного постановлением правительства Республики Саха (Якутия) от 29 декабря 2012 г. № 613.

Частью 3 ст. 16 названного закона Республики Саха (Якутия) установлено, что конкретные особенности, зонирование и режим каждого ресурсного резервата определяются положением об этом ресурсном резервате, утверждаемым органом исполнительной власти Республики Саха (Якутия), уполномоченным в области охраны окружающей среды.

Пунктом 2.5.2 названного Порядка предусмотрено, что для принятия решения об образовании особо охраняемых природных территорий местного значения необходимо согласование земельного, а также лесного участка с землепользователями (охотпользователи, лесопользователи и так далее), заинтересованными министерствами и ведомствами, интересы которых могут быть затронуты, в том числе с государственным комитетом Республики Саха (Якутия) по геологии и недропользованию.

Вместе с тем, в нарушение приведенных норм Положение о ресурсном резервате (Эркээйи Сир) местного значения «Марха» в Нюрбинском районе Республики Саха (Якутия) министерством охраны природы Республики Саха (Якутия) не было утверждено, а государственным комитетом Республики Саха (Якутия) по геологии и недропользованию не было согласовано.

В этой связи административное исковое заявление было удовлетворено обоснованно.

Определение № 74-АПГ17-16

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По административным делам

46. Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда по ранее рассмотренному им делу, не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении

судом другого административного дела, в котором участвуют лица, в отношении которых установлены эти обстоятельства.

Решением Новороссийского гарнизонного военного суда от 20 февраля 2017 г. удовлетворено административное исковое заявление (далее – заявление) С., в котором он просил признать незаконными действия начальника территориального отделения федерального государственного казенного учреждения «Южное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – ФГКУ «Югрегионжилье»), связанные с отказом в выделении ему и членам его семьи жилищной субсидии.

На начальника ФГКУ «Югрегионжилье» и начальника территориального отделения ФГКУ «Югрегионжилье» судом возложена обязанность по отмене принятого начальником отделения ФГКУ «Югрегионжилье» решения от 24 ноября 2016 г. об отказе в выделении административному истцу и членам его семьи жилищной субсидии и по принятию решения о выделении С. и членам его семьи жилищной субсидии.

Апелляционным определением Северо-Кавказского окружного военного суда от 7 июня 2017 г. решение отменено, и по делу принято новое решение об отказе С. в удовлетворении заявления.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе С., Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что судом апелляционной инстанции при рассмотрении дела допущено существенное нарушение норм процессуального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что сообщением начальника отделения ФГКУ «Югрегионжилье» от 24 ноября 2016 г. С. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил обеспечить его и членов семьи жилищной субсидией.

В обоснование принятого решения начальник территориального отделения жилищного органа сослался на отсутствие в протоколах заседаний жилищной комиссии войсковой части 40491 за период с 25 марта 2003 г. по 20 октября 2010 г., то есть во время прохождения административным истцом военной службы в указанной воинской части, записи о его принятии на учет нуждающихся в жилых помещениях для постоянного проживания.

Данное решение С. оспорил в судебном порядке.

Признавая решение жилищного органа законным, суд апелляционной инстанции посчитал, что в материалах дела отсутствуют документальные сведения о постановке административного истца в период военной службы на учет нуждающихся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма.

При этом, правильно определив, что при рассмотрении дела установлению подлежали обстоятельства, связанные с признанием административного истца в период военной службы нуждающимся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма, суд апелляционной инстанции оставил без внимания, что вступившим в законную силу решением Новороссийского гарнизонного военного суда от 6 июля 2016 г. уже были установлены обстоятельства, в соответствии с которыми С. в период военной службы признан нуждающимся в таком жилом помещении и уволен с военной службы в запас в связи с организационно-штатными мероприятиями с оставлением его в списках лиц, признанных нуждающимися в жилых помещениях.

Из изложенного следует, что вступившим в законную силу решением суда по ранее рассмотренному административному делу установлены обстоятельства, которые являются предметом доказывания по настоящему административному делу.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела.

Согласно ч. 2 ст. 64 КАС РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда по ранее рассмотренному им гражданскому или административному делу либо по делу, рассмотренному ранее арбитражным судом, не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении судом другого административного дела, в котором участвуют лица, в отношении которых установлены эти обстоятельства, или лица, относящиеся к категории лиц, в отношении которой установлены эти обстоятельства.

При таких данных установленные ранее судом обстоятельства, связанные с признанием С. в период военной службы нуждающимся в жилом помещении, предоставляемым по договору социального найма, не подлежали установлению при рассмотрении данного административного дела, что не было учтено судом апелляционной инстанции.

Иная оценка окружным военным судом приведенных выше доказательств не является основанием для неприменения решения Новороссийского гарнизонного военного суда от 6 июля 2017 г., которое вступило в законную силу и не отменено.

Таким образом, данное решение гарнизонного военного суда в силу ст. 84 КАС РФ подлежало оценке наряду с другими доказательствами по делу. Однако судом апелляционной инстанции этого сделано не было.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих в связи с существенным нарушением норм процессуального права отменила апелляционное определение Северо-Кавказского окружного военного суда от 7 июня 2017 г. и направила дело в тот же суд на новое рассмотрение в апелляционном порядке.

Определение № 205-КГ18-2

По гражданским делам

47. Военнослужащие могут быть привлечены к материальной ответственности в течение трех лет со дня обнаружения ущерба, установленного по приговору суда, вступившему в законную силу.

Решением Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда от 17 февраля 2017 г., оставленным без изменения апелляционным определением Северо-Кавказского окружного военного суда от 19 апреля 2017 г., представителю командующего Восточным округом войск национальной гвардии отказано ввиду истечения трех лет со дня обнаружения ущерба в удовлетворении искового заявления, в котором он просил привлечь к полной материальной ответственности С. и взыскать с него 17 530 595 руб. в счет возмещения ущерба, образовавшегося в результате приема им и последующей оплаты фактически не выполненных подрядчиком работ.

Рассмотрев материалы гражданского дела по кассационной жалобе представителей командующего Восточным округом войск национальной гвардии, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла судебные постановления подлежащими отмене по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что в декабре 2013 г. проведена ревизия финансово-хозяйственной деятельности Восточного регионального командования внутренних войск МВД России, правопреемником которого является Восточный округ войск национальной гвардии Российской Федерации. Актом ревизии от 19 декабря 2013 г. выявлены факты приемки и оплаты работ по строительству ЛЭП-6 кВ от РУ-6 кВ ТП-749 и ремонту резервуаров для хранения мазута рвс-2000 на общую сумму 17 530 595 руб., которые подрядчиком фактически выполнены не были.

По приговору Хабаровского гарнизонного военного суда от 3 ноября 2016 г., вступившему в законную силу 15 ноября 2016 г., бывший начальник отделения капитального строительства тыла Восточного округа внутренних войск МВД Росси С. признан виновным в недобросовестном отношении к исполнению должностных обязанностей, выразившемся в приемке и оплате фактически не выполненных подрядчиком работ на указанную сумму, и осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ.

8 декабря 2016 г. представитель командующего Восточным округом войск национальной гвардии сдал в организацию почтовой связи исковое заявление в суд о привлечении С. к материальной ответственности. Исковое заявление поступило в суд 22 декабря 2016 г.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суды исходили из того, что на день поступления искового заявления в суд прошло более

трех лет со дня окончания 19 декабря 2013 г. ревизии финансово-хозяйственной деятельности Восточного регионального командования внутренних войск МВД России, в ходе которой был обнаружен ущерб, что указывает на истечение срока давности привлечения к материальной ответственности, установленного п. 4 ст. 3 Федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих».

Однако такой вывод судов основан на неправильном применении норм материального и процессуального права.

В суде установлено, что в ходе ревизии финансово-хозяйственной деятельности Восточного регионального командования внутренних войск МВД России от 19 декабря 2013 г. выявлен лишь факт оплаты фактически невыполненных подрядчиком работ, а не виновное в этом лицо.

Назначенное по результатам ревизии административное расследование также не установило лиц, виновных в причинении ущерба приемкой и оплатой фактически невыполненных работ, что усматривается из заключения, утвержденного главнокомандующим внутренними войсками МВД России 8 февраля 2014 г.

После этого с целью установления лиц, причинивших указанный материальный ущерб, органами предварительного следствия 2 апреля 2014 г. было возбуждено уголовное дело, в ходе которого проведена в том числе организационная судебная экспертиза по определению правомерности действий начальника отдела капитального строительства тыла управления регионального командования С., связанных с внесением в государственный контракт цены, не соответствующей утвержденной проектно-сметной документации, с увеличением цены на выполнение строительно-монтажных работ и приемом невыполненных работ.

По результатам предварительного расследования и рассмотрения уголовного дела в суде было установлено и отражено в приговоре Хабаровского гарнизонного военного суда от 3 ноября 2016 г., что причинение государству ущерба на сумму 17 530 595 руб. произошло вследствие недобросовестного отношения к исполнению должностных обязанностей С. Приговор вступил в законную силу 15 ноября 2016 г.

Следовательно, командованию стало известно о надлежащем ответчике по иску о возмещении ущерба с 15 ноября 2016 г.

Это обстоятельство является юридически значимым для данного дела.

В соответствии с п. 4 ст. 3 Федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» (далее – Закон о материальной ответственности военнослужащих) военнослужащие могут быть привлечены к материальной ответственности в соответствии с

настоящим федеральным законом в течение трех лет со дня обнаружения ущерба.

Кроме того, в соответствии с п. 1 ст. 3 и п. 1 ст. 7 Закона о материальной ответственности военнослужащих военнослужащие несут материальную ответственность только за причиненный по их вине реальный ущерб, а при обнаружении ущерба командир (начальник) воинской части обязан назначить административное расследование для установления причин ущерба, его размера и виновных лиц.

Содержание названных норм закона в их взаимосвязи указывает на то, что фактическое время обнаружения ущерба – в отсутствие данных о лице, его причинившем, и его виновности в содеянном – может не совпадать с днем, когда командир (начальник) воинской части получит реальную возможность предъявить требование о возмещении ущерба, в том числе в судебном порядке, и, как следствие, не совпадать с днем обнаружения ущерба, с которого следует исчислять трехлетний срок привлечения военнослужащего к материальной ответственности.

О том, что днем обнаружения ущерба следует считать день, когда командиру воинской части, а в соответствующих случаях вышестоящим в порядке подчиненности органам военного управления и воинским должностным лицам стало известно о наличии материального ущерба, причиненного конкретным военнослужащим, разъяснено в п. 34 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих».

Таким образом, течение трехлетнего срока со дня обнаружения ущерба следует исчислять не только со дня, когда командир (начальник) воинской части узнал о факте причинения ущерба, но и со дня установления лица, причинившего такой ущерб.

В связи с изложенным командующий Восточным округом войск национальной гвардии правомерно посчитал, что днем обнаружения ущерба является 15 ноября 2016 г., дата вступления в законную силу приговора, в соответствии с которым недобросовестное отношение С. к исполнению должностных обязанностей повлекло причинение государству ущерба на сумму 17 530 595 руб. Вывод судов об обратном на законе не основан.

Не основан на законе и вывод в судебных постановлениях об обращении командующего Восточным округом войск национальной гвардии в суд в день поступления туда искового заявления, то есть 22 декабря 2016 г.

В соответствии с ч. 1 ст. 108 ГПК РФ процессуальное действие, для совершения которого установлен процессуальный срок, может быть совершено до двадцати четырех часов последнего дня срока; в случае, если

жалоба, документы или денежные суммы были сданы в организацию почтовой связи до двадцати четырех часов последнего дня срока, срок не считается пропущенным.

Согласно штемпелю на приложенном к исковому заявлению конверту исковое заявление о привлечении С. к материальной ответственности было сдано в организацию почтовой связи 8 декабря 2016 г.

Следовательно, подачу командующим Восточным округом войск национальной гвардии искового заявления в суд следует исчислять с указанной даты.

Поскольку командующий Восточным округом войск национальной гвардии обратился в суд 8 декабря 2016 г., то есть менее чем через месяц после вступления приговора в законную силу, установленный п. 4 ст. 3 Закона о материальной ответственности военнослужащих трехлетний срок привлечения военнослужащих к материальной ответственности пропущен не был.

Нарушение судом норм материального и процессуального права привело к тому, что остались невыясненными юридически значимые обстоятельства, связанные с наличием предусмотренных законом оснований для привлечения ответчика к материальной ответственности.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих судебные постановления по исковому заявлению командующего Восточным округом войск национальной гвардии Российской Федерации о привлечении к материальной ответственности С. в связи с существенным нарушением норм материального и процессуального права отменила, а дело направила на новое рассмотрение в Ростовский-на-Дону гарнизонный военный суд.

Определение № 205-В17-51

По уголовным делам

48. Судья, ранее высказавший в процессуальном решении до завершения рассмотрения уголовного дела свою позицию относительно фактических обстоятельств и юридической оценки действий осужденных, не может в дальнейшем участвовать в рассмотрении этого дела по существу.

По приговору Московского окружного военного суда от 12 декабря 2017 г. граждане А. и К. за участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана

террористической, осуждены по ч. 2 ст. 205^5 УК РФ к лишению свободы на 10 лет в исправительной колонии строгого режима.

Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев дело по апелляционным жалобам осужденных, приговор отменила, а дело передала на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона по следующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 63 УПК РФ судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в суде второй инстанции, не может участвовать в рассмотрении этого уголовного дела в суде первой инстанции или в порядке надзора, а равно в новом рассмотрении того же дела в суде второй инстанции после отмены приговора, определения, постановления, вынесенного с его участием.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлениях от 2 июля 1998 г. № 20-П, от 23 марта 1999 г. № 5-П и в ряде определений, в том числе от 1 ноября 2007 г. № 799-О-О и 17 июня 2008 г. № 733-О-О, подчеркнул, что исходя из конституционного права каждого на рассмотрение его дела справедливым и беспристрастным судом сделанные судьей в процессуальном решении до завершения рассмотрения уголовного дела выводы относительно наличия или отсутствия события преступления, виновности лица в его совершении, достаточности собранных доказательств, по иным вопросам, которые могут стать предметом дальнейшего судебного разбирательства, могли бы определенным образом связывать судью при принятии по этим вопросам соответствующих решений.

В связи с этим судья, ранее высказавший в ходе производства по уголовному делу свое мнение по предмету рассмотрения, не должен принимать участие в дальнейшем производстве по делу в составе суда иной инстанции, независимо от того, было ли отменено судебное решение, вынесенное с его участием, что в полной мере относится и к случаям участия судьи в разрешении вопросов о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

Исходя из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной, в частности, в определениях от 14 июля 2011 г. № 1026-О-О, от 17 июля 2014 г. № 1611-О, участие судьи в дальнейшем производстве по уголовному делу после его возвращения прокурору по основаниям, предусмотренным ст. 237 УПК РФ, может иметь место, если такое решение принималось по тем или иным исключительно процессуальным вопросам, не касающимся существа рассматриваемого дела и не находящимся в прямой связи с подлежащими отражению в приговоре или ином итоговом решении выводами о

фактических обстоятельствах дела, оценке достоверности и достаточности доказательств, квалификации деяния, наказании осужденного и т.д.

Данные положения при производстве по уголовному делу в отношении А. и К. соблюдены не были.

Как следует из материалов уголовного дела, первоначально органами предварительного расследования А. и К. обвинялись в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205^5 УК РФ (в редакции Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ).

В ходе судебного следствия по данному уголовному делу Московский окружной военный суд определением от 12 сентября 2017 г. возвратил его прокурору в порядке п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, сославшись в определении на то, что поскольку начавшиеся в 2014 г. преступные действия подсудимых согласно предъявленному обвинению были пресечены в период действия ч. 2 ст. 205^5 УК РФ (в редакции Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ), предусматривающей более строгое основное наказание в виде лишения свободы, то квалификация органами следствия содеянного А. и К. по уголовному закону в ранее действовавшей редакции является препятствием для рассмотрения дела судом.

Судебная коллегия Московского окружного военного суда, в состав которой входил судья М., рассмотрев уголовное дело по апелляционным жалобам защитников подсудимых А. и К. на указанное определение, оставила его без изменения.

Выражая согласие с выводами суда первой инстанции, сделанными относительно юридической оценки действий А. и К. и времени совершения ими преступления, то есть по вопросам, которые являются предметом дальнейшего судебного разбирательства, суд апелляционной инстанции в апелляционном определении от 10 октября 2017 г. указал, что «поскольку после внесения изменений 6 июля 2016 г. в санкцию ч. 2 ст. 205^5 УК РФ А. и К. продолжили противоправную деятельность до их задержания 28 и 29 марта 2017 г., соответственно, поэтому квалификация их действий должна быть в редакции ч. 2 ст. 205^5 УК РФ, действовавшей на момент их задержания».

После повторного поступления в суд уголовного дела в отношении А. и К., по которому их действия органами следствия были квалифицированы по ч. 2 ст. 205^5 УК РФ (в редакции Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ), судья М. принял участие в его рассмотрении по существу в составе суда первой инстанции.

По приговору Московского окружного военного суда от 12 декабря 2017 г. А. и К. осуждены по ч. 2 ст. 205^5 УК РФ в указанной редакции. При этом суд установил, что преступные действия А. и К. были окончены 28 марта 2017 г., то есть во время действия ч. 2 ст. 205^5 УК РФ в редакции

Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ, действовавшей на момент задержания осужденных.

Таким образом, в нарушение ч. 2 ст. 63 УПК РФ в ее конституционно-правовом смысле судья М., ранее высказавший в процессуальном решении до завершения рассмотрения уголовного дела в отношении А. и К. свою позицию относительно фактических обстоятельств и юридической оценки действий осужденных, в дальнейшем участвовал в рассмотрении этого дела по существу, завершившемся постановлением обвинительного приговора.

При таких данных приговор в отношении А. и К. не мог быть признан законным, обоснованным, в связи с чем приговор Московского окружного военного суда в отношении А. и К. был отменен, уголовное дело передано на новое судебное разбирательство в тот же суд со стадии судебного разбирательства в ином составе суда.

Апелляционное определение
№ 201-АПУ18-5

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

49. Решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания не может быть принято по истечении шести месяцев со дня выявления дисциплинарного проступка, за исключением периода временной нетрудоспособности, нахождения его в отпуске и времени проведения служебной проверки, и по истечении двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка.

Председатель верховного суда республики 3 октября 2017 г. обратился в квалификационную коллегию судей с представлением о привлечении к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи П. за существенные нарушения норм материального и процессуального права.

Отменяя решение квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации от 27 октября 2017 г. о досрочном прекращении полномочий судьи районного суда по жалобе П., Дисциплинарная коллегия Верховного Суда Российской Федерации в своем решении указала следующее.

Статьями 118, 120 (ч. 1), 121 и 122 Конституции Российской Федерации и конкретизирующих их положениях ст. 1, 4, 5, 15 и 16 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» определен особый правовой статус судьи, призванный обеспечить защиту публичных интересов,

прежде всего интересов правосудия, целью которого является защита прав и свобод человека и гражданина.

В силу пп. 1–5 ст. 12^1 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон о статусе судей) за совершение дисциплинарного проступка, то есть виновного действия (бездействия) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебной деятельности, в результате чего были нарушены положения названного закона и (или) кодекса судейской этики, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, на судью может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде замечания, предупреждения, досрочного прекращения полномочий судьи.

При наложении дисциплинарного взыскания учитываются характер дисциплинарного проступка, обстоятельства и последствия его совершения, форма вины, личность судьи, совершившего дисциплинарный проступок, и степень нарушения действиями (бездействием) судьи прав и свобод граждан, прав и законных интересов организаций.

Согласно п. 6 ст. 12^1 Закона о статусе судей решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания не может быть принято по истечении шести месяцев со дня выявления дисциплинарного проступка, за исключением периода временной нетрудоспособности, нахождения его в отпуске и времени проведения служебной проверки, и по истечении двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка.

Коллегия отметила, что в решении квалификационной коллегии судей отсутствуют достаточные данные, свидетельствующие о необходимости досрочного прекращения полномочий судьи П.

В судебном заседании представитель квалификационной коллегии судей пояснил, что при принятии решения квалификационная коллегия судей не исследовала и не обсуждала вопрос о сроках привлечения судьи к дисциплинарной ответственности.

Между тем из представленных в Дисциплинарную коллегию материалов усматривается, что сроки привлечения к дисциплинарной ответственности за допущенные судьей П. нарушения норм материального и процессуального закона по некоторым уголовным и гражданским делам истекли.

Так, по уголовному делу в отношении осужденного Т. истекли два года со дня совершения судьей дисциплинарного проступка.

По гражданским делам по иску К. к банку о признании договора об ипотеке недействительным, по иску Х. к Д. и К. о признании договора дарения земельного участка ничтожной сделкой, по иску банка к А. о взыскании задолженности по кредитному договору судебной коллегией по гражданским делам верховного суда республики вынесены частные

определения в отношении судьи П., копии которых были направлены в том числе и председателю верховного суда республики 3 июня 2016 г., 18 июля 2016 г. и 6 сентября 2016 г. соответственно для сведения и принятия мер.

По гражданскому делу по иску Х. к Л. о признании права собственности на земельный участок копия частного определения судебной коллегии по гражданским делам верховного суда республики 14 декабря 2016 г. была направлена председателю судебной коллегии по гражданским делам.

Таким образом, Дисциплинарной коллегией установлено, что автору представления было известно о допущенных нарушениях судьей П. в 2016 году, однако он обратился в квалификационную коллегию судей только 3 октября 2017 г., то есть по истечении шести месяцев со дня выявления дисциплинарного проступка.

Дисциплинарная коллегия отметила также, что допущенное судьей нарушение тайны совещания судей по уголовному делу в отношении Г.; несоблюдение судьей сроков назначения судебного заседания по уголовным делам в отношении К. и М.; рассмотрение гражданского дела по иску В. к Д. о признании завещания недействительным в течение более чем полутора лет правильно расценены квалификационной коллегией судей как дисциплинарный проступок.

Однако с учетом значительного уменьшения объема фактических обстоятельств, признанных квалификационной коллегией судей дисциплинарным проступком, с учетом данных о личности П., которая ранее не привлекалась к дисциплинарной ответственности, положительно характеризуется председателем районного суда, наложенное на нее дисциплинарное взыскание нельзя признать соразмерным допущенным ею нарушениям закона при рассмотрении уголовных и гражданских дел.

Решение № ДК17-80

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Вопросы применения Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации

ВОПРОС 1. Обязан ли судья суда общей юрисдикции, арбитражный суд при назначении административного наказания в виде конфискации в том случае, когда орудие совершения или предмет административного правонарушения в области таможенного дела является культурной ценностью, в резолютивной части

постановления по делу об административном правонарушении, решения по делу о привлечении к административной ответственности указать на то, что обращение соответствующего имущества производится в собственность Российской Федерации или в собственность субъекта Российской Федерации?

ОТВЕТ. В случае нарушения российскими и иностранными лицами правил вывоза из Российской Федерации и ввоза на ее территорию культурных ценностей в отношении таких лиц возможно применение предусмотренного санкциями статей гл. 16 КоАП РФ («Административные правонарушения в области таможенного дела (Нарушения таможенных правил)») административного наказания в виде конфискации культурных ценностей как орудия совершения либо предмета административного правонарушения.

В силу ч. 1 ст. 3.7 КоАП РФ конфискацией орудия совершения или предмета административного правонарушения является принудительное безвозмездное обращение в федеральную собственность или в собственность субъекта Российской Федерации не изъятых из оборота вещей. Конфискация назначается судьей.

Из указанной нормы КоАП РФ следует, что при назначении административного наказания в виде конфискации орудия совершения или предмета административного правонарушения судья в постановлении по делу об административном правонарушении, арбитражный суд по делу о привлечении к административной ответственности должны разрешить вопрос о том, в собственность Российской Федерации либо в собственность субъекта Российской Федерации будет обращена конфискуемая вещь.

Положение ч. 1 ст. 3.7 КоАП РФ распространяется и на орудия совершения или предметы административного правонарушения, являющиеся культурными ценностями, под которыми понимаются, в том числе произведения культуры и искусства, результаты научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость предметы и уникальные в историко-культурном отношении объекты (ст. 3 Основ законодательства Российской Федерации о культуре, утвержденных Верховным Советом Российской Федерации 9 октября 1992 г. № 3612-I).

Правовое регулирование, в частности порядка распоряжения национальным культурным достоянием Российской Федерации, а также вывоза и ввоза культурных ценностей относится к полномочиям федеральных органов государственной власти в области культуры (ст. 37 Основ законодательства о культуре).

Согласно п. 2 ст. 37 («Истребование культурных ценностей из незаконного владения и передача культурных ценностей, обращенных в собственность государства») Закона Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-I «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (в редакции Федерального закона от 28 декабря 2017 г. № 435-ФЗ) культурные ценности, в том числе религиозного назначения, обращенные в судебном порядке в собственность государства, подлежат передаче уполномоченным органом в государственные или муниципальные организации, осуществляющие постоянное хранение культурных ценностей, или религиозные организации Российской Федерации в порядке, утвержденном уполномоченным органом.

В соответствии с ч. 1.1 ст. 32.4 КоАП РФ постановление судьи о конфискации вещи, явившейся орудием совершения или предметом административного правонарушения в области таможенного дела, ответственность за которое предусмотрена гл. 16 указанного кодекса, исполняется таможенным органом, осуществившим изъятие указанной вещи, путем ее передачи органу (организации), уполномоченному (уполномоченной) Правительством Российской Федерации на распоряжение товарами, обращенными в федеральную собственность, в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Исходя из указных норм законов при назначении административного наказания в виде конфискации в том случае, когда орудие совершения или предмет административного правонарушения в области таможенного дела является культурной ценностью, судья по делу об административном правонарушении, арбитражный суд по делу о привлечении к административной ответственности должны в резолютивной части постановления, решения указать на обращение соответствующего имущества в собственность Российской Федерации.

В случае отсутствия в постановлении судьи о назначении административного наказания, решении арбитражного суда о привлечении к административной ответственности такого указания орган, должностное лицо, приводящие указанное постановление в исполнение, а также лицо, в отношении которого оно было вынесено, вправе на основании ч. 3 ст. 31.4 КоАП РФ, ст. 179 АПК РФ обратиться к судье, в арбитражный суд, вынесшие указанные постановление, решение с заявлением о разъяснении способа и порядка его исполнения, с заявлением о разъяснении решения.

ВОПРОС 2. Вправе ли председатель, его заместитель либо судья вышестоящего суда при рассмотрении жалобы (протеста) на постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное мировым судьей, отменить такое постановление,

направив дело об административном правонарушении на новое рассмотрение мировому судье другого судебного участка?

ОТВЕТ. По общему правилу, предусмотренному ч. 1 ст. 29.5 КоАП РФ, дело об административном правонарушении рассматривается по месту его совершения.

Председатель районного суда в целях обеспечения равномерности нагрузки на мировых судей в случае, если нагрузка на мирового судью превышает среднюю нагрузку на мирового судью по судебному району, вправе мотивированным распоряжением передать в том числе часть дел об административных правонарушениях, поступивших к мировому судье одного судебного участка, мировому судье другого судебного участка того же судебного района (п. 6 ст. 4 Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» в редакции Федерального закона от 5 апреля 2016 г. № 103-ФЗ).

Произвольное изменение предусмотренных ч. 1 ст. 29.5 КоАП РФ правил территориальной подведомственности свидетельствует о том, что дело об административном правонарушении рассмотрено неуполномоченным судьей.

Исходя из взаимосвязанных положений п. 4 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ и п. 3 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ следует, что при рассмотрении жалобы (протеста) на постановление по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб (протестов) возвращение дела на новое рассмотрение возможно лишь тому субъекту административной юрисдикции, который является уполномоченным на рассмотрение конкретного дела об административном правонарушении.

При этом в ст. 29.2 КоАП РФ установлен перечень обстоятельств, исключающих возможность рассмотрения дела об административном правонарушении судьей, членом коллегиального органа, должностным лицом, к числу которых не отнесен факт предыдущего участия этих лиц в рассмотрении того же дела.

Таким образом, председатель, его заместитель или судья вышестоящего суда при рассмотрении жалобы (протеста) как на не вступившее, так и на вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное мировым судьей с соблюдением правил территориальной подведомственности, отменив такое постановление, не вправе направить дело об административном правонарушении на новое рассмотрение мировому судье другого судебного участка, поскольку иное свидетельствует о рассмотрении дела об административном правонарушении неуполномоченным судьей.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

До сведения судей доводится информация о том, что на портале Федеральной нотариальной палаты начал функционировать реестр открытых наследственных дел (далее – Реестр), позволяющий оперативно в автоматизированном режиме получить сведения о нотариусе, открывшем наследственное дело.

Реестр размещен в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу https://notariat.ru/ru-ru/help/probate-cases/.

Поиск осуществляется посредством введения фамилии, имени, отчества наследодателя, а также его даты рождения и даты смерти, если они известны. При вводе указанных данных система выдаст ответ, содержащий фамилию, имя, отчество соответствующего нотариуса и адрес его нотариальной конторы.

Указанный информационный ресурс может быть использован в деятельности судов для поиска необходимых данных для осуществления правосудия.

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3–33). Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующих исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать

правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административно-правовых отношений

Право на жизнь

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека[1] по жалобе № 59705/12 ***«Сергеева и Пролетарская против России»*** (вынесено и вступило в силу 13 июня 2017 г.), которым установлено нарушение статьи 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.[2] в связи с невыполнением российскими властями позитивных обязательств по обеспечению права на жизнь родственников заявителей, которые страдали от ВИЧ и содержались в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Заявители, которые обратились в Европейский Суд от имени их умерших родственников, жаловались на основании статей 2 и 3 Конвенции, что власти не предоставили их родственникам надлежащую медицинскую помощь в условиях содержания под стражей и, таким образом, несут ответственность за их смерть.

Европейский Суд отметил, что «…Власти не представили каких-либо медицинских заключений в отношении качества медицинской помощи, оказываемой [родственникам заявителей]…[Заявители] представили суду экспертное заключение…в котором были указаны некоторые нарушения в лечении [их] родственников…и несоответствие лечения медицинским потребностям пациентов» (пункт 46 постановления)

После тщательного рассмотрения документов, представленных сторонами, Европейский Суд отметил три главных недостатка в медицинской помощи, оказанной родственникам заявителей: «[в]о-первых, власти не удостоверились, что лица, содержащиеся под стражей, регулярно проходили осмотр у врача-инфекциониста…Во-вторых, власти не организовывали регулярное проведение иммунологического анализа крови заключенных…В-третьих [родственники заявителей] не проходили ВААРТ[3], являющуюся основным элементом лечения ВИЧ-инфекции» (пункт 50 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что «…национальные власти не соблюдали требования статьи 2 Конвенции, не обеспечив

---

[1] Далее также – Европейский Суд, Суд.

[2] Далее также – Конвенция.

[3] Высокоактивная антиретровирусная терапия.

необходимый уровень охраны жизни родственников заявительниц» (пункт 51 постановления).

Вопросы выдворения

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека[4]

Соображения Комитета по правам человека от 28 июля 2017 г. по делу *Хибака Саида Хаши против Дании* (сообщение № 2470/2014).

Тема сообщения: депортация в Италию.

Вопрос существа: бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свое [З]амечание общего порядка № 31[5], в котором он упоминает обязательство государств-участников не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения непоправимого вреда, такого как вред, предусмотренный в статье 7 [Международного пакта о гражданских и политических правах][6], запрещающей жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения. Комитет…указал, что такая опасность должна быть личной и достаточно реальной для того, чтобы служить основанием для установления наличия опасности причинения непоправимого вреда[7]. Комитет…обращает внимание на свои ранее принятые решения, согласно которым необходимо придавать весомое значение оценке, произведенной государством-участником, и что, как правило, именно органы государств – участников Пакта должны рассматривать и оценивать факты и доказательства в целях определения

---

[4] Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признаёт компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под её юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

[5] См. Замечание общего порядка № 31 (2004 год) Комитета о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта, пункт 12.

[6] Далее – Пакт.

[7] См. сообщения № 2007/2010, *Х. против Дании*, Соображения, принятые 26 марта 2014 г., пункт 9.2; № 692/1996, *А.Р.Дж. против Австралии*, Соображения, принятые 28 июля 1997 г., пункт 6.6; и № 1833/2008, *Х. против Швеции*, Соображения, принятые 1 ноября 2011 г., пункт 5.18.

наличия такой угрозы[8], если только не будет установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равнозначна отказу в правосудии[9] (пункт 9.3 Соображений).

Комитет напоминает о том, что государствам-участникам следует при рассмотрении возражений относительно решений о высылке лиц со своей территории уделять достаточное внимание реальному риску, которому эти лица могут лично подвергнуться в случае депортации[10]. В частности, оценка того, могут ли депортированные лица столкнуться с условиями, представляющими собой жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, в нарушение статьи 7 Пакта, должна основываться на оценке не только общих условий в принимающей стране, но и индивидуальных обстоятельств данных лиц. Эти обстоятельства могут включать факторы, которые повышают уязвимость таких лиц и в результате которых такое положение дел, которое является терпимым для большинства, может оказаться для них неприемлемым. В делах, рассматриваемых в соответствии с Дублинскими правилами, государствам-участникам следует также принимать во внимание прошлый опыт депортируемых лиц в первой стране убежища, который может помочь понять конкретные риски, с которыми они с большой долей вероятности могут столкнуться и которые могут сделать их возвращение в первую страну, предоставившую убежище, особенно травмирующим[11] (пункт 9.7 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что депортация ее и ее несовершеннолетнего сына в Италию в соответствии с зафиксированным в Дублинских правилах принципом страны первого убежища подвергнет их реальной опасности причинения непоправимого вреда в нарушение статьи 7 Пакта. В обоснование своих доводов автор ссылается, в частности: на то, как с ней реально обращались в Италии; на свою особую уязвимость как матери-одиночки с ребенком; на общие условия в центрах размещения просителей убежища в Италии; и на неспособность итальянской системы интеграции удовлетворять потребности бенефициаров международной защиты, о чем говорится в различных докладах (пункт 9.2 Соображений).

---

[8] См. сообщение № 1957/2010, *Линь против Австралии*, Соображения, принятые 21 марта 2013 г., пункт 9.3.

[9] См. сообщение № 2681/2015, *Й.А.А. и Ф.Х.М. против Дании*, Соображения, принятые 10 марта 2017 г., пункт 7.3; и № 2512/2014, *Резайфар против Дании*, Соображения, принятые 10 марта 2017 г., пункт 8.3.

[10] См., например, сообщения № 1763/2008, *Пиллаи и др. против Канады*, Соображения, принятые 25 марта 2011 г., пункты 11.2 и 11.4; и № 2409/2014, *Али и Мохамад против Дании*, Соображения, принятые 29 марта 2016 г., пункт 7.8.

[11] См. *Й.А.А. и Ф.Х.М. против Дании*, пункт 7.7.

Комитет отмечает, что автор не оспаривает информацию, представленную итальянскими властями в Датскую иммиграционную службу, согласно которой ей в Италии была предоставлена дополнительная защита и вид на жительство, срок действия которого истекал 22 декабря 2014 г. Комитет…принимает к сведению утверждение автора о том, что, хотя во время проживания в Италии она была беременна и у нее возникли проблемы со здоровьем, ей не была предоставлена какая-либо специализированная помощь и она испытывала трудности с получением продовольствия и доступа к минимальным санитарно-техническим удобствам (пункт 9.4 Соображений).

Комитет отмечает представленные автором различные доклады, в которых указывается на нехватку мест в итальянских центрах приема просителей убежища и лиц, возвращаемых согласно Дублинским правилам. Комитет отмечает, в частности, утверждение автора о том, что такие, как она, возвращаемые лица, которым уже была предоставлена форма защиты и которые воспользовались услугами приемных центров в Италии, более не имеют права на проживание в центрах для просителей убежища[12]. Комитет также отмечает утверждение автора о том, что возвращаемые лица также сталкиваются в Италии с серьезными трудностями в поиске доступа к санитарно-гигиеническим услугам и питанию (пункт 9.5 Соображений).

Комитет принимает к сведению вывод Комиссии [по рассмотрению апелляций беженцев] о том, что в рамках данного дела Италию следует рассматривать в качестве страны первого убежища, а также позицию государства-участника, согласно которой такая страна должна гарантировать просителям убежища основные права, хотя и не обязана обеспечивать им одинаковые с гражданами страны социальные стандарты и условия жизни. Комитет также принимает к сведению, что государство-участник сослалось, в частности, на постановление Европейского [С]уда по правам человека, в котором сказано, что, хотя положение в Италии омрачается определенными недостатками, доказательств того, что просителям убежища систематически не обеспечиваются поддержка и надлежащие условия, представлено не было (пункт 9.6 Соображений).

Комитет принимает к сведению информацию, полученную государством-участником от итальянских властей, согласно которой иностранец, которому было предоставлено разрешение на проживание в Италии в качестве признанного беженца или лица, получившего защиту, может обратиться с просьбой о продлении его истекшего вида на жительство после повторного въезда в Италию (пункт 9.8 Соображений).

---

[12] См. Asylum Information Database, “National country report: Italy”, pp. 54-55.

В то же время Комитет считает, что государство-участник не в полной мере изучило информацию, которую автор представила, исходя из своих личных обстоятельств, и согласно которой, несмотря на то, что в Италии ей и был выдан вид на жительство, она столкнется там с невыносимыми условиями жизни (пункт 9.9 Соображений).

Комитет напоминает о том, что государства-участники должны придавать достаточное значение реальной и личной угрозе, которой лицо может подвергнуться в случае депортации[13], и считает, что государство-участник было обязано провести более персонифицированную оценку той угрозы, которой автор и ее сын могли лично подвергнуться в Италии, а не полагаться на доклады общего характера и на предположение о том, что, поскольку в прошлом автору уже была предоставлена дополнительная защита, она в принципе будет иметь право на тот же уровень дополнительной защиты и теперь. Комитет отмечает, что автор в прошлом имела возможность для проживания в пунктах приема. Вместе с тем, согласно неоспоренным утверждениям автора: она сталкивалась с плохими жилищными условиями даже во время беременности, поскольку она вынуждена была спать в бараке на матрасе без постельного белья, питаясь один раз в день; она не имеет никакого образования; и, хотя, по ее собственному признанию, она получила от итальянских властей множество документов, она не знала, что ей был выдан вид на жительство для проживания в Италии. Кроме того, Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что в связи с трудностями в получении доступа к достаточному питанию и медицинскому обслуживанию в Италии она страдала от недоедания, часто теряла сознание и у нее чуть было не произошел выкидыш. Информация, имеющаяся в распоряжении Комитета, свидетельствует о том, что лица, попавшие в аналогичную ситуацию, особенно малолетние дети, часто оказываются на улице или в тяжелых и опасных условиях. Вместе с тем, вынося решение, Комиссия недооценила личный опыт автора в Италии и предсказуемые последствия ее принудительного возвращения. Исходя из этого, Комитет считает, что государство-участник должным образом не учло особую уязвимость автора, матери-одиночки, не имеющей никакого образования, с пятилетним ребенком на руках, которая прежде никогда не жила в итальянском обществе. Несмотря на ее официальное право на дополнительную защиту в Италии, нет никаких доказательств того, что на практике автор сможет найти жилье и обеспечивать себя и своего ребенка в отсутствие помощи со стороны итальянских властей. Кроме того, государство не запросило у итальянских властей реальных гарантий того, что автор и ее сын будут приняты в условиях, совместимых с их статусом

[13] См., например, *Пиллаи и др. против Канады*, пункты 11.2 и 11.4; и *Али и Мохамад против Дании*, пункт 7.8.

просителей убежища, и будут иметь право на временную защиту и гарантии, предусмотренные в статье 7 Пакта. В частности, государство-участник не обратилось к Италии с просьбой взять на себя обязательство: a) продлить автору вид на жительство и выдать аналогичное разрешение ее ребенку; и b) принять автора и ее сына в условиях, адаптированных к возрасту ребенка и уязвимому положению семьи, что позволило бы им остаться в Италии[14] (пункт 9.10 Соображений).

Выводы Комитета депортация автора и ее сына в Италию без надлежащих гарантий нарушила бы их права, предусмотренные статьей 7 Пакта (пункт 10 Соображений).

Комитет против пыток[15]

Решение Комитета против пыток от 11 августа 2017 г. по делу *Е.А. против Швеции* (сообщение № 690/2015).

Тема сообщения: невыдворение; предупреждение пыток.

Вопрос существа: депортация в Ливан.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что такая оценка[16] преследует целью установить, подвергается ли предсказуемому и реальному риску пыток в стране, куда он или она были бы возвращены, лично соответствующее лицо. А отсюда следует, что наличие в стране практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека не является само по себе достаточным основанием для констатации, что по возвращении в такую страну конкретное лицо оказалось бы в опасности быть подвергнутым пыткам; тут надо привести и дополнительные основания, дабы показать, что такому риску был бы подвержен лично соответствующий индивид…При оценке риска [возвращение заявителя в Ливан] Комитет должен, согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции [против пыток][17],

---

[14] См. *Йасин против Дании*, пункт 8.9; *Али и Мохамад против Дании*, пункт 7.8; *Ахмед против Дании*, пункт 13.8.

[15] Комитет против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Российская Федерации является участником указанного международного договора и в качестве государства – продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

[16] Комитет должен оценить, имеются ли существенные основания полагать, что по возвращении в Ливан заявитель лично оказался бы в опасности подвергнуться пыткам.

[17] Далее – Конвенция.

принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека (пункт 9.4 Решения).

Комитет напоминает свое [З]амечание общего порядка № 1, согласно которому риск пыток надо оценивать исходя из оснований, выходящих за рамки одних лишь умозрительных построений или подозрений. Хотя риск не должен отвечать критерию высокой степени вероятности (пункт 6), Комитет напоминает, что бремя доказывания обычно лежит на заявителе, который должен аргументированно показать, что предсказуемый и реальный риск угрожает лично ему или ей[18]… [Х]отя по положениям [З]амечания общего порядка № 1 он волен оценивать факты исходя из всего комплекса обстоятельств каждого дела, значительный вес придается выводам органов соответствующего государства-участника по фактической стороне дела[19], но он в то же время не связан такими выводами, а имеет правомочие, как предусмотрено в пункте 4 статьи 22 Конвенции, на свободную оценку фактов исходя из всего комплекса обстоятельств каждого дела (пункт 9.5 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет ссылается на заключительные замечания по первоначальному докладу Ливана от 30 мая 2017 г., где он выразил озабоченность по поводу отдельных случаев жестокого обращения с мужчинами, подозреваемыми в гомосексуальности, которые содержались под стражей сотрудниками сил внутренней безопасности[20]. В то же время Комитет отмечает, что сообщенные инциденты не могут рассматриваться в качестве общей и широко распространенной практики по отношению к гомосексуалам. Он также отмечает, что в 2015 и 2016 годах по статье 534 Уголовного кодекса было произведено 76 арестов в год[21]. Выражая свою озабоченность по поводу существования положения, позволяющего производить уголовное преследование гомосексуалов, Комитет, исходя из имеющейся у него информации, не может сделать вывод о том, что в Ливане каждый

---

[18] См., например, сообщение № 203/2002, *А.Р. против Нидерландов*, Решение, принятое 14 ноября 2003 г., пункт 7.3.

[19] См., например, сообщение № 356/2008, *Н.С. против Швейцарии*, Решение, принятое 6 мая 2010 г., пункт 7.3.

[20] См. CAT/C/LBN/CO/1, пункт 14.

[21] См. Helem shadow report submitted to the Human Rights Committee entitled «Human Rights Violations against Lesbian, Gay, Bisexual, Transgender and Queer (LGBTQ) individuals in Lebanon» (April 2017). Имеется на http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCCPR%2fICO%2fLBN%2f27152&Lang=en.

гомосексуальный мужчина является объектом преследований со стороны властей (пункт 9.6 Решения).

Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что, поскольку его родственники ведают о его гомосексуальности, он окажется в опасности насилия по соображениям чести без всяких способов искать защиты со стороны властей. В этом отношении Комитет замечает, что, хотя, как утверждает, заявитель, его родственники знают о его сексуальной ориентации по меньшей мере с 2013 года, он не предоставил никакой информации о каких-то конкретных угрозах со стороны своей семьи и родственников. Комитет также отмечает утверждение заявителя о том, что власти знают от посольского персонала о его сексуальной ориентации и будут преследовать его по возвращении в Ливан. Таким образом, Комитет считает, что утверждения заявителя, будто он подвергался бы личному риску обращения вопреки статье 3 Конвенции, носят гипотетический характер и не выходят за рамки одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Комитет заключает, что заявитель не справился со своим бременем аргументировать свое дело согласно [З]амечанию общего порядка № 1 Комитета (пункт 9.7 Решения).

В свете вышеизложенных соображений и на основе всей информации, представленной заявителем, Комитет полагает, что заявитель не предоставил достаточных доказательств, чтобы позволить Комитету заключить, что его принудительная высылка в свою страну происхождения подвергла бы его предсказуемому, реальному и личному риску пыток по смыслу статьи 3 Конвенции (пункт 10 Решения).

Выводы Комитета: высылка заявителя государством-участником в Ливан не представляла бы собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 11 Решения).

Решение Комитета против пыток от 14 августа 2017 г. по делу *Г.И. против Дании* (сообщение № 625/2014).

Тема сообщения: депортация в Пакистан.

Вопрос существа: недопустимость принудительного возвращения; опасность применения пыток по возвращении в страну происхождения.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает о том, что, хотя на заявителе лежит обязанность представить убедительные свидетельства в обоснование своего ходатайства о предоставлении убежища, это не освобождает государство-участник от необходимости приложить

значительные усилия к тому, чтобы определить, есть ли основания полагать, что заявителю будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения[22] (пункт 8.8 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что заявителю будет угрожать личная опасность применения пыток по возвращении в Пакистан. При оценке такой опасности Комитет должен принимать во внимание все соответствующие обстоятельства согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека (пункт 8.3 Решения).

При оценке риска применения пыток в рассматриваемом случае Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что ему лично угрожает предсказуемая и реальная опасность подвергнуться в случае его возвращения в Пакистан преследованию и пыткам со стороны мусульманской общины или со стороны властей или полиции ввиду его христианской веры и деятельности, поскольку он уже подвергался преследованиям, угрозам и нападениям по этой причине…Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что он дважды получал письма с угрозами и что он не менее двух раз подвергался нападению и физическому насилию ввиду его религиозной деятельности: в первый раз со стороны трех мужчин в августе 2011 года, когда он работал на своем такси, и во второй раз в неуказанную дату со стороны четырех полицейских, которые доставили его в полицейский участок, где избили его, подвесили ногами к потолку и накачивали воду через нос, после чего они ложно обвинили его в незаконном хранении алкогольных напитков. Комитет…принимает к сведению заявление государства-участника о том, что его национальные органы заключили, что заявления автора сообщения не вызывают доверия, поскольку, в частности, он сообщил в полицию лишь о случае угона его автомобиля, но не сообщил о получении письма с угрозами. Государство-участник…заявляет, что автор делал противоречивые заявления относительно письма с угрозами от 15 января 2010 г., поскольку сначала он говорил, что оно является анонимным, но позднее представил Совету письмо, подписанное одной религиозной группой, и делал противоречивые заявления относительно того, как он его получил: он сначала заявил, что не располагает этим письмом, но после того, как его ходатайство о предоставлении убежища было отклонено, он предъявил его в качестве доказательства, заявив, что он оставил его на хранение у его матери, которая переслала ему это письмо (пункт 8.5 Решения).

---

[22] См. *К.Х. против Дании*, пункт 8.8; и *Ф.К. против Дании*, пункт 7.6.

Комитет…принимает к сведению утверждение заявителя на тот счет, что, несмотря на то, что он продемонстрировал Совету признаки предполагаемых пыток на его теле и просил провести специализированное медицинское освидетельствование на предмет проверки, действительно ли эти травмы являются результатом пыток, Совет отказал ему в предоставлении убежища без распоряжения о проведении такого освидетельствования. Он также принимает во внимание тот довод государства-участника, что в таком освидетельствовании не было необходимости, поскольку, каковы бы ни были его итоги, оно не могло служить доказательством того, что заявитель подвергался насилию по причине его деятельности в интересах христианской организации «Jesus Hope for Life» и что такое освидетельствование не продемонстрирует, что опасность будет грозить в Пакистане лично заявителю и будет в настоящее время реальной. Комитет…принимает во внимание довод государства-участника на тот счет, что медицинское свидетельство, представленное заявителем, не служит подтверждением того, что он является жертвой пыток, поскольку описанные в нем травмы могли быть результатом пытки или могли быть вызваны «многими другими причинами, такими как несчастный случай или война» (пункт 8.6 Решения).

Комитет отмечает, что тот факт, что заявитель был задержан в Пакистане полицией, подвергся насилию и был обвинен в незаконном хранении алкогольных напитков, не оспаривается. Комитет…отмечает, что Совет заключил, что хотя заявления автора сообщения о событиях, служащих, по его утверждению, основанием для предоставления убежища, были последовательными, в ходе собеседований в Иммиграционной службе и в Совете он делал непоследовательные заявления относительно письма от 15 января 2010 г., в том числе о том, кем оно подписано и каким образом он его заполучил. Комитет…принимает во внимание утверждение заявителя о том, что он сообщил властям государства-участника, что он не мог ясно помнить всех деталей событий, поскольку его память пострадала в результате нанесения ему во время пытки ударов по голове и что поэтому в его случае должен был применяться другой стандарт доказывания (пункт 8.7 Решения).

Комитет напоминает о том, что, хотя на заявителе лежит обязанность представить убедительные свидетельства в обоснование своего ходатайства о предоставлении убежища, это не освобождает государство-участник от необходимости приложить значительные усилия к тому, чтобы определить, есть ли основания полагать, что заявителю будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в случае

возвращения[23]. В этих обстоятельствах Комитет считает, что заявитель представил органам государства-участника достаточные материалы, подтверждающие его утверждения о том, что он подвергался пыткам, в том числе медицинское свидетельство[24], с тем чтобы они продолжили расследование его заявлений, в частности путем проведения специализированного медицинского освидетельствования. Поэтому Комитет заключает, что, отклонив ходатайство заявителя о предоставлении убежища, не пытаясь осуществить дальнейшее расследование его заявлений и не распорядившись о проведении медицинского освидетельствования, государство-участник не смогло определить, есть ли серьезные основания полагать, что заявителю в случае возвращения будет угрожать опасность подвергнуться пыткам. Соответственно, Комитет приходит к тому выводу, что в данных обстоятельствах депортация заявителя в страну его происхождения будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 8.8 Решения).

Выводы Комитета: высылка государством-участником заявителя в Пакистан будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 9 Решения).

Решение Комитета против пыток от 11 августа 2017 г. по делу *З.А.Х. против Канады* (сообщение № 690/2015).

Тема сообщения: депортация в Пакистан.

Вопрос существа: недопустимость принудительного возвращения; опасность применения пыток по возвращении в страну происхождения.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что для целей приемлемости подача ходатайства о выдаче вида на жительство по соображениям гуманности и сострадания ни в коем случае не является эффективным средством правовой защиты, учитывая его неюридический характер и тот факт, что оно не приостанавливает исполнение решения о высылке автора[25] (пункт 7.4 Решения).

Комитет напоминает, что в своей правовой практике и в своем [З]амечании общего порядка № 2 (2007) об имплементации статьи 2 [Конвенции] он уже рассматривал вопрос об опасности применения пыток негосударственными субъектами и непроявлении должного усердия со

---

[23] См. *К.Х. против Дании*, пункт 8.8; и *Ф.К. против Дании*, пункт 7.6.

[24] См. пункт 2.3 выше.

[25] См., в частности, сообщение № 343/2008, *Калонзо против Канады*, Решение, принятое 18 мая 2012 г., пункт 8.3.

стороны государства-участника в форме вмешательства и пресечения недопустимых по Конвенции действий, за что оно может нести ответственность[26]. В своем [З]амечании общего порядка № 2 Комитет напомнил, что непроявление «государством надлежащего усердия в форме вмешательства для целей пресечения пыток, наказания виновных и восстановления прав жертв поощряет и допускает безнаказанное совершение негосударственными субъектами недопустимых по Конвенции действий» (пункт 7.7 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает довод государства-участника о том, что настоящее сообщение не подпадает под действие статьи 3 Конвенции, поскольку содержащиеся в нем утверждения касаются угроз от «Сипах-и-сахаба» – негосударственного образования, которое было запрещено правительством Пакистана как террористическая организация. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что автор не предоставил достаточных доказательств в обоснование утверждения о том, что нападение группировки «Сипах-и-сахаба» было совершено «государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия», и что в Пакистане ему будет угрожать реальная и личная опасность подвергнуться пыткам. В этой связи Комитет отмечает представление государства-участника о том, что автор не представил объективных и убедительных доказательств существования опасности причинения сильной боли или страданий ему лично государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия (пункт 7.5 Решения).

Комитет отмечает…утверждения автора о том, что правительство Пакистана косвенно причастно к преследованию и что, когда он обратился в полицию за помощью и правосудием, ничего предпринято не было, его никак не защитили, и поэтому он был вынужден покинуть Пакистан. Комитет отмечает…утверждения автора о том, что полиция и правительство страны неохотно принимают какие-либо меры в отношении суннитских террористических организаций, поскольку эти организации пользуются поддержкой правительства суннитского большинства через посредство его разведывательного органа, а именно Межведомственного разведывательного управления (пункт 7.6 Решения).

---

[26] См. пункт 18 Замечания общего порядка № 2 (2007) Комитета об имплементации статьи 2. См. также сообщение № 322/2007, *Нджамба и Баликоса против Швеции,* Решение, принятое 14 мая 2010 г., пункт 9.5.

[В] рассматриваемом случае Комитет считает, что автор не представил достаточных доказательств в обоснование своих утверждений о том, что правительство Пакистана причастно к предположительному преследованию со стороны группировки «Сипах-и-сахаба». Комитет считает…, что автор не обосновал предполагаемую опасность подвергнуться пыткам со стороны пакистанской полиции, служб безопасности и разведки или иммиграционных органов. С учетом вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что представленное автором сообщение является неприемлемым на основании статьи 22 Конвенции и правила 113 b) его правил процедуры в связи с недостаточной обоснованностью (пункт 7.7 Решения).

Выводы Комитета: считать сообщение неприемлемым на основании статьи 22 Конвенции (пункт 8 Решения).

Условия содержания в местах лишения свободы

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 56220/15 ***«Амиров против России»*** (вынесено и вступило в силу 17 октября 2017 г.), которым отклонена жалоба заявителя, страдающего рядом заболеваний, на необеспечение ему надлежащей медицинской помощи во время содержания в исправительном учреждении.

Вместе с тем установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением заявителю надлежащей, с учетом состояния его здоровья, медицинской помощи в следственном изоляторе, а также надлежащих условий содержания в исправительном учреждении.

Заявитель жаловался на основании статьи 3 Конвенции, что ему не предоставлялась надлежащая медицинская помощь в следственном изоляторе, и что условия его содержания под стражей и лечения в медико-санитарной части колонии не соответствовали его нуждам.

Европейский Суд отметил, что «…после вынесения постановления по первой жалобе, поданной заявителем,[27] ситуация заявителя изменилась. Администрация пенитенциарного учреждения улучшила условия его содержания под стражей в следственном изоляторе…и обеспечила возможность проведения его осмотра врачами различных специальностей» (пункт 44 постановления).

[27] *«Амиров против России»* от 27 ноября 2014 г., жалоба № 51857/13

Европейский Суд подчеркнул, что он «…не может опираться на выводы экспертов в отношении следственного изолятора ввиду значительных различий в типе учреждения, уровне предоставляемого лечения и времени, прошедшего с момента составления самого недавнего отчета. Учитывая сложность состояния здоровья заявителя с медицинской точки зрения и отсутствие каких-либо поясняющих медицинских свидетельств в поддержку доводов заявителя, Суд не находит, что в его компетенции определить недостатки в медицинской помощи, получаемой заявителем в колонии. Поэтому он не может установить вне разумных сомнений то, что лечение, получаемое заявителем в колонии, противоречило требованиям статьи 3 Конвенции. Следовательно, в этом отношении нарушения Конвенции не имеется» (пункт 48 постановления).

В отношении условий содержания заявителя под стражей в исправительной колонии Суд установил, что «…администрация исправительного учреждения прилагала усилия к тому, чтобы удовлетворить потребности заявителя…Однако представляется, что эти усилия были в основном сведены к обустройству его камеры. В пенитенциарном учреждении не имелось пандусов для инвалидных колясок или лифтов, поэтому помещения не были полностью доступными для заявителя…Хотя это могло не представлять проблемы при краткосрочном лишении свободы, это причиняло значительные неудобства заявителю как заключенному, отбывающему пожизненный срок, увеличивая его зависимость от других заключенных, что является еще одним поводом для беспокойства Суда» (пункт 51 постановления).

Европейский Суд отметил, что «…наряду с помощью персонала медицинско-санитарной части заявителю ежедневно оказывали помощь другие содержащиеся вместе с ним заключенные. Суд полагает, что такая помощь, заменявшая собой помощь, предоставляемую государством, являлась явно недостаточной» (пункт 52 постановления).

Суд также подчеркнул, что он неудовлетворен тем «…каким образом заявителя выводили в тюремный двор в течение первых двух недель его содержания в исправительной колонии. Прокуратурой было установлено, что тюремная охрана надевала на заявителя наручники и завязывала ему глаза всякий раз, когда его выводили во двор…Применение такой крайней меры безопасности было явно необоснованным в случае серьезно больного человека, каким являлся заявитель. Это могло унижать и оскорблять его и, возможно, отнимать его физические и моральные силы» (пункт 53 постановления).

Европейский Суд установил «…нарушение статьи 3 Конвенции в связи с плохим качеством лечения в следственном изоляторе и

ненадлежащими условиями его содержания в исправительной колонии» (пункт 54 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе № 18496/16 и 2 другие жалобы ***«Эскерханов и другие против России»*** (вынесено 25 июля 2017 г., вступило в силу 25 октября 2017 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с ненадлежащими условиями содержания Эскерханова Т.Д. в следственном изоляторе, в здании районного суда и при транспортировке заявителя из следственного изолятора в здание суда и обратно.

Заявитель жаловался на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями его содержания под стражей и перевозки.

Европейский Суд установил, что «…на заявителя приходи[лось] около 3 кв.м. личного пространства. Фактор ограниченного пространства связан с другими аспектами несоответствующих физических условий содержания под стражей, относящимися, в частности, к доступу к упражнениям на свежем воздухе, естественному освещению и воздуху, достаточной температуры в камере, возможности пользоваться туалетом в уединении, доступом к постельным принадлежностям и соответствию санитарно-гигиеническим требованиям» (пункт 35 постановления).

Суд пришел к заключению, что «…условия содержания заявителя под стражей в [следственном изоляторе] были ненадлежащими…Следовательно, в отношении этой жалобы имело место нарушение статьи 3 Конвенции» (пункты 36-37 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе № 3933/12 ***«Пискунов против России»*** (вынесено 4 октября 2016 г., вступило в силу 4 января 2017 г.), которым установлено нарушение статьи 3 и статьи 13 Конвенции в связи с необеспеченном заявителю, страдающему серьезными заболеваниями, надлежащей, с учетом состояния его здоровья, медицинской помощи в период содержания под стражей и отсутствием у заявителя эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

Заявитель жаловался, ссылаясь на статью 3 Конвенции, на то, что органы власти не предоставили ему надлежащую медицинскую помощь, и что условия его содержания под стражей в следственном изоляторе являлись ненадлежащими. Он также утверждал, ссылаясь на статью 13 Конвенции, что он не имел в распоряжении доступных эффективных внутригосударственных средств правовой защиты в отношении его жалоб.

Европейский Суд установил, что «заявитель жаловался в различные органы власти на качество медицинской помощи при содержании под стражей…Следовательно, заявитель пытался обратить внимание органов власти на состояние своего здоровья и качество медицинской помощи, которую он получал при содержании под стражей и которая, по его мнению, являлась ненадлежащей» (пункт 44 постановления).

Суд отметил, что «…ни одно из правовых средств защиты, предложенных Властями, включая жалобу в органы власти пенитенциарного учреждения, прокуратуру или суд, не являлось эффективным средством правовой защиты для предотвращения предполагаемых нарушений или их остановки, или для предоставления заявителю надлежащего и достаточного возмещения в отношении его жалоб в соответствии со статьей 3 Конвенции» (пункт 45 постановления).

Европейский Суд установил наличие нарушения статьи 13 Конвенции в связи с тем, что «…заявитель не располагал эффективными внутригосударственными средствами правовой защиты в отношении своих жалоб на качество медицинской помощи и условия содержания под стражей» (пункт 46 постановления).

В отношении неоказания заявителю надлежащей медицинской помощи, Суд отметил, что «…письменные показания заключенных, отбывавших наказание с заявителем, указывают на то, что в мае 2013 года он начал испытывать сильные боли, которые влияли на его способность передвигаться. Инъекции болеутоляющих, предоставленных родственниками с очевидного разрешения администрации пенитенциарного учреждения и под их контролем, не улучшили его состояние. Просьбы заявителя о стационарном лечении были проигнорированы властями…В таких обстоятельствах, несмотря на отсутствие жалоб, зарегистрированных в медицинской карте заявителя, Суд убежден в том, что администрация пенитенциарного учреждения была осведомлена о его проблемах со здоровьем, имеющих место с мая 2013 года» (пункт 49 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «…медицинское обследование заявителя в отношении его болей в ногах и спине было проведено только в январе 2014 года, приблизительно через восемь месяцев после появления упомянутых симптомов. Принимая во внимание тяжесть состояния заявителя и отсутствие препятствий для проведения медицинского обследования в отношении причины его жалоб, Суд считает неприемлемым отсутствие своевременного решения проблемы властями. Восьмимесячная задержка не только подвергала здоровье заявителя риску серьезного, невосполнимого вреда, обострения заболевания, но также продлевала его болезненные страдания. Не рассматривая вопрос о том,

обеспечили ли бы своевременные меры по диагностике и лечению выздоровление заявителя, Суд считает, что продолжительное невнимательное отношение медицинских работников к состоянию заявителя, которое было связано со значительной болью, само по себе привело к нарушению статьи 3 Конвенции» (пункт 50 постановления).

Суд пришел к выводу, что «…имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с неисполнением властями своей обязанности по обеспечению надлежащей медицинской помощи заявителю во время его содержания под стражей» (пункт 51 постановления)[28].

Практика договорных органов ООН

См. также нижеприведенное Решение Комитета против пыток от 11 августа 2017 г. по делу *Рашед Джаидан против Туниса* (сообщение № 654/2015).

---

[28] В Верховный Суд Российской Федерации поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, также содержащих констатацию нарушения статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением заявителям надлежащих условий содержания в местах лишения свободы. Постановления Европейского Суда по жалобам № 71621/13 и 381/15 ***«Филимонов и Фазлутдинов против России»*** (вынесено и вступило в силу 6 октября 2016 г.), № 53494/09 и 3 других ***«Оруджов и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 6 июля 2017 г.), № 3459/13 и 4 другие жалобы ***«Антонов и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 20 июля 2017 г.), № 38884/13 и 5 других жалоб ***«Вилков и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 20 июля 2017 г.), № 7369/09 и 7 других жалоб ***«Долгов и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.), № 37783/16 и 9 других жалоб ***«Дубинин и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.), № 32795/16 и 7 других жалоб ***«Егоров и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.); № 8306/10 и 6 других жалоб ***«Зеленков и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 28 сентября 2017 г.), № 66757/14 и 6 других жалоб ***«Каргашин и другие против России»*** (вынесено 21 марта 2017 г., вступило в силу 18 сентября 2017 г.), № 29647/16 и 6 других жалоб ***«Кошелев и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.), № 62980/10 и 6 других жалоб ***«Медведев и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 9 ноября 2017 г.), № 16401/12 и 9 других жалоб ***«Можаров и другие против России»*** (вынесено 21 марта 2017 г., вступило в силу 18 сентября 2017 г.), № 16342/11 и 6 других жалоб ***«Полунин и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 6 июля 2017 г.), № 40016/16 и 9 других жалоб ***«Потапов и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.), № 34649/16 и 6 других жалоб ***«Смирнов и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.), № 6496/14 и 9 других жалоб ***«Сучков и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 4 мая 2017 г.), № 12860/11 и 7 других жалоб ***«Юдина и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 6 июля 2017 г.), № 31044/08 и 9 других жалоб ***«Мулюков и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.).

См. также нижеприведенное Решение Комитета против пыток от 31 июля 2017 г. по делу *Ашим Ракишев против Казахстана* (сообщение № 661/2015).

Чрезмерная длительность исполнения вступивших в законную силу судебных решений

Практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с неисполнением или чрезмерно длительным исполнением вступивших в законную силу судебных решений по обязательствам имущественного и неимущественного характера государства и муниципальных образований. Постановления Европейского Суда по жалобам №№ 33064/07, 13600/10, 40437/10, 78491/12, 20600/13, 49569/13, 63406/13, 68839/13, 76570/13 ***«Казачкова и другие против России»***, №№ 19388/07, 46656/09, 47394/10, 59298/11, 64943/11, 44953/12, 72964/12, 40790/14 ***«Курушина и другие против России»***, №№ 36325/05, 2548/10, 72800/11, 18356/13, 6536/14, 38045/14 ***«Бебутов и другие против России»***.

Вопросы осуществления государством юрисдикции

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Решение Комитета по правам человека от 26 июля 2017 г. по делу *Басем Ахмед Исса Яссин и др. против Канады* (сообщение № 2285/2013).

Тема сообщения: ответственность государства за действия частных предприятий.

Вопрос существа: ограничения права на свободу; незаконное посягательство на неприкосновенность жилища; лишение права на пользование своей собственной культурой.

Правовые позиции Комитета: в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола только граждане пользуются правом на представление сообщений (пункт 6.3 Решения).

Комитет напоминает, что в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола он может получать и рассматривать сообщения от лиц, находящихся под юрисдикцией государств-участников. Он…напоминает, что в пункте 10 [З]амечания общего порядка № 31 (2004 год) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства − участники [Международного пакта о гражданских и политических правах], сказано, что от государств-участников требуется уважать и обеспечивать признаваемые в Пакте права всех лиц, находящихся в пределах их территории, и всех лиц, находящихся под их юрисдикцией. Это означает, что государство-участник обязано уважать и обеспечивать любому лицу, находящемуся в пределах компетенции или эффективного контроля этого государства-участника, права, признаваемые в Пакте, даже если лицо не находится на территории государства-участника. Как указывается в [З]амечании общего порядка № 15 [о положении иностранцев в соответствии с Пактом], принятом на двадцать седьмой сессии (1986 год), возможность пользоваться предусмотренными в Пакте правами имеют не только граждане государств-участников, но и все лица независимо от их гражданства или отсутствия такового, которые могут оказаться на территории или под юрисдикцией государства-участника, т.е. такие лица, как просители убежища, беженцы, трудящиеся-мигранты или иные категории лиц. Этот принцип применим также к лицам, находящимся в рамках компетенции или под эффективным контролем сил государства-участника, действующих за пределами его территории, независимо от обстоятельств, при которых была установлена такая компетенция или эффективный контроль, как, например, в случае сил, представляющих собой национальный контингент государства-участника, выделенный для участия в международной операции по поддержанию или укреплению мира (пункт 6.4 Решения).

Несмотря на то, что обязательства государства в области прав человека на его собственной территории не могут быть во всех отношениях приравнены к его обязательствам за пределами его территории, Комитет считает, что существуют ситуации, в которых государство-участник обязано обеспечить, чтобы права, предусмотренные Пактом, не нарушались в результате экстерриториальной деятельности предприятий, находящихся под его юрисдикцией[29]. Это особенно актуально в тех случаях, когда нарушения прав человека настолько

[29] См. сообщения № 1539/2006, *Мунаф против Румынии*, Соображения, принятые 30 июля 2009 г., пункт 14.2; и № 2005/2010, *Хикс против Австралии*, Соображения, принятые 5 ноября 2015 г., пункты 4.4−4.6. См. также CCPR/C/CAN/CO/6, пункт 6; CCPR/C/DEU/CO/6, пункт 6; и замечание общего порядка № 31, пункт 8.

серьезны по своему характеру, как те, о которых идет речь в настоящем сообщении (пункт 6.5 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Авторы утверждают, что являются жертвами нарушений их прав по статьям 2, 7, 12, 17 и 27 [Пакта] в результате их выселения с их земель, а также строительства на них израильского поселения. Они утверждают, что государство-участник несет ответственность за эти нарушения в той мере, в какой оно нарушило свое экстерриториальное обязательство гарантировать права авторов в соответствии с вышеупомянутыми положениями тем, что: a) не предоставило им эффективные средства правовой защиты, отказав в привлечении двух корпораций к ответственности за нарушения; и b) неадекватно регулировало деятельность двух корпораций для обеспечения того, чтобы они не нарушали положения Пакта. Государство-участник оспаривает приемлемость претензий авторов на том основании, что авторы не обладают процессуальной правосубъектностью в Комитете, что статьи, на которые они ссылаются, не имеют экстерриториального действия и что эти утверждения являются явно необоснованными (пункт 6.2 Решения).

Государство-участник заявляет, что двое из авторов (имущество покойного Ахмеда Иссы Абдаллы Яссина и совет деревни Билин, представленный заместителем председателя) являются юридическими лицами и, таким образом, не могут рассматриваться в качестве жертв в соответствии с Пактом и Факультативным протоколом…Поскольку имущество и совет деревни не являются физическими лицами, Комитет считает, что они не соответствуют критерию *ratione personae*[30], который позволил бы им представить сообщение. Таким образом, данное сообщение является неприемлемым в этом отношении в соответствии со статьей 1 Факультативного протокола по причине отсутствия личного статуса[31] (пункт 6.3 Решения).

Комитет…принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что данное сообщение несовместимо с процедурой рассмотрения сообщений, поскольку авторы сообщения не подпадают под юрисдикцию государства-участника (пункт 6.4 Решения).

Комитет отмечает, что с 2004 года компании «Грин парк интернэшнл» и «Грин маунт интернэшнл» были зарегистрированы и домилицированы в Канаде, где они платят налоги. Поэтому сами компании

---

[30] Критерий лица (лат.)

[31] См. сообщения № 163/1984, *К. и др. против Италии*, Решение, принятое 10 апреля 1984 г., пункт 5; и № 104/1981, *Д.Р.Т. и Партия У.Г. против Канады,* Решение, принятое 6 апреля 1983 г., пункт 8.

находятся в пределах территории и юрисдикции государства-участника (пункт 6.5 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что официальным местом жительства председателя и секретаря обеих корпораций является город Герцлия в Израиле и что единственное, что связывает Канаду и составляющие предмет сообщения факты, это предположительная причастность к делу двух юридических лиц, зарегистрированных в Квебеке, но не имеющих при этом какой-либо иной значимой связи с этой провинцией или государством-участником. Кроме того, Комитет отмечает, что Высший суд Квебека отказался осуществлять юрисдикцию на дискреционных основаниях *forum non conveniens*[32], поскольку, в частности: a) связь между Квебеком и лицами, имеющими отношение к данному иску, является крайне незначительной, поскольку все истцы и свидетели живут в Израиле или на Западном берегу; b) корпорации зарегистрированы в Канаде только лишь по причинам, связанным с налогообложением в Израиле, и действовали в качестве *альтер эго*[33] от имени и в интересах корпорации, которая не является резидентом Канады и не располагает какими-либо активами в Канаде; c) «Грин парк интернэшнл» и «Грин маунт интернэшнл» не имеют активов в Канаде. Их активы, если таковые имеются, находятся на Западном берегу, где расположены здания, составляющие предмет спора; и d) заявители обратились в канадские суды только после того, как некоторые из их исков были рассмотрены и отклонены судебными органами в Израиле (пункт 6.6 Решения).

Принимая во внимание элементы связи с государством-участником, Комитет также считает, что в данном случае авторы не представили достаточную информацию о том, в какой степени Канада может считаться ответственной за то, что не проявила разумную должную добросовестность в отношении экстерриториальной деятельности двух компаний. Это включает, например, отсутствие информации в отношении действующих в государстве-участнике правил, регулирующих деятельность корпораций, и возможностей государства-участника обеспечить эффективное регулирование соответствующей деятельности; особого характера роли корпораций в строительстве поселений и последствий их действий для прав авторов; и информации, имеющейся в распоряжении государства-участника, об этой деятельности, включая предсказуемость ее последствий. На основе информации, представленной сторонами, Комитет считает, что связь между обязательствами государства-участника в соответствии с Пактом, действиями компаний

---

[32] Неудобное место рассмотрения дела (лат.)
[33] Другой я (лат.)

«Грин парк интернэшнл» и «Грин маунт интернэшнл» и предполагаемым нарушением прав авторов не является достаточно обоснованной для того, чтобы признать сообщение приемлемым (пункт 6.7 Решения).

Выводы Комитета: признать сообщение неприемлемым согласно статье 2 Факультативного протокола (пункт 7 Решения).

Право на свободу выражения мнений

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Соображения Комитета по правам человека от 13 июля 2017 г. по делу *Андрей Свиридов против Казахстана (с*ообщение № 2158/2012).

Правовые позиции Комитета: Комитет отмечает, что право отдельного лица выражать свое мнение, в том числе, разумеется, мнение по вопросам прав человека, таких как право на справедливое судебное разбирательство, является частью права на свободное выражение мнений, гарантированного статьей 19 Пакта[34] (пункт 10.2 Соображений).

Комитет ссылается на свое [З]амечание общего порядка № 34 (2011) о свободе мнений и свободе их выражения, в соответствии с которым свобода мнений и свобода их выражения являются неотъемлемыми условиями всестороннего развития личности. Они имеют ключевое значение для любого общества и являются основополагающими элементами любого свободного и демократического общества (пункт 2). Комитет напоминает о том, что пункт 3 статьи 19 Пакта допускает некоторые ограничения, но только предусмотренные законом и являющиеся необходимыми a) для уважения прав и репутации других лиц и b) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. Любое ограничение осуществления таких свобод должно строго отвечать требованию необходимости и соразмерности. Ограничения должны устанавливаться лишь для тех целей, для которых они предназначены, и должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой они преследуют (пункт 22)[35]. Комитет…напоминает[36], что именно государству-участнику

---

[34] См. *Кивенмаа против Финляндии*, пункт 9.3.

[35] См. также, в частности, сообщение № 1948/2010, *Турченяк и др. против Беларуси*, Соображения, принятые 24 июля 2013 г., пункт 7.7; № 2089/2011, *Король против Беларуси*, Соображения, принятые 14 июля 2016 г., пункт 7.3; и *Поплавный против Беларуси*, пункт 8.3.

надлежит продемонстрировать, что ограничения прав автора, предусмотренные статьей 19 Пакта, являются необходимыми и соразмерными[37]. И наконец, Комитет напоминает, что любое ограничение свободы выражения мнений не должно быть слишком широким по характеру, т.е. оно должно являться наименее ограничительной мерой, с помощью которой может быть обеспечена соответствующая защитная функция, и быть соразмерным защищаемому интересу (пункт 34) (пункт 10.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает утверждение автора о том, что его право на свободу выражения мнений, закрепленное в пункте 2 статьи 19 Пакта, было ограничено без требующегося на то основания, базирующегося на какой-либо из законных целей, предусмотренных в пункте 3 статьи 19 [Пакта]…Комитет отмечает, что автор был признан виновным и оштрафован за организацию «демонстрации», в которой он являлся единственным участником, не запросив в официальном порядке разрешения от местных органов исполнительной власти. По мнению Комитета, государство-участник вмешалось в осуществление автором его права на свободное выражение мнений и распространение всякого рода информации и идей, которое защищено пунктом 2 статьи 19 Пакта (пункт 10.2 Соображений).

Комитет отмечает утверждение автора о том, что введенные в его отношении ограничения не предусмотрены законом, поскольку выражение мнения отдельным лицом не является «демонстрацией». Комитет…отмечает позицию государства-участника о том, что, хотя понятия «демонстрация» и «общественный протест» не определены в законе, поведение автора представляет собой «демонстрацию» для целей Закона о порядке организации и проведения мирных собраний, митингов, шествий, пикетов и демонстраций. Независимо от того, запрещено ли поведение автора в соответствии с внутренним правом, Комитет отмечает, что на мирное выражение отдельным лицом в общественном месте своего мнения о предположительно несправедливом судебном разбирательстве не должны распространяться те же ограничения, которые применяются к собранию лиц. Комитет…отмечает, что ни государство-участник, ни национальные суды не указали никаких конкретных оснований, как это требуется в соответствии с пунктом 3 статьи 19 Пакта, в обоснование

---

[36] См., например, сообщения № 1830/2008, *Пивонос против Беларуси*, Соображения, принятые 29 октября 2012 г., пункт 9.3; и № 1785/2008, *Олешкевич против Беларуси*, Соображения, принятые 18 марта 2013 г., пункт 8.5.

[37] См., например, сообщения № 2092/2011, *Андросенко против Беларуси*, Соображения, принятые 30 марта 2016 г., пункт 7.3; и *Поплавный против Беларуси*, пункт 8.3.

необходимости ограничений, введенных в отношении автора[38]. В частности, государство-участник не обосновало причин, по которым получение предварительного официального разрешения от местных органов до проведения одиночной акции протеста необходимо для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения либо для уважения прав или репутации других лиц. Кроме того, государство-участник не продемонстрировало, что избранные меры, т.е. признание автора виновным и наложение штрафа в размере половины максимальной суммы согласно части 1 статьи 373 Кодекса об административных правонарушениях, представляли собой наименее ограничительные меры или являлись соразмерными защищаемому интересу[39]. Комитет полагает, что в данных обстоятельствах не было доказано, что наложенные на автора ограничения были оправданы законным интересом и являлись необходимыми или соразмерными такой цели в соответствии с условиями, изложенными в пункте 3 статьи 19 Пакта. Поэтому он приходит к заключению, что права автора, предусмотренные пунктом 2 статьи 19 Пакта, были нарушены (пункт 10.4 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о нарушении Казахстаном статьи 19 Пакта (пункт 11 Соображений).

Право избирать и быть избранным

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Соображения Комитета по правам человека от 13 июля 2017 г. по делу *Кристофер Алджер против Австралии* (сообщение № 2237/2013).

Тема сообщения: обязательное голосование на федеральных выборах.

Вопросы существа: право на вмешательство в личную жизнь; свобода мысли, совести и религии; свобода выражений мнений; право иметь свое мнение; право принимать участие в ведении государственных дел и право голоса; право на равенство перед законом

---

[38] См. сообщение № 1604/2007, *Залесская против Беларуси*, Соображения, принятые 28 марта 2011 г., пункт 10.5.

[39] См. сообщение № 2137/2012, *Торегожина против Казахстана*, Соображения, принятые 21 октября 2014 г., пункт 7.5.

и на равную защиту закона без всякой дискриминации; право на эффективные средства правовой защиты.

Правовые позиции Комитета: …Комитет ссылается на свое [З]амечание общего порядка № 25, в котором сказано, что, хотя Пакт и не содержит требования о наличии какой-либо определенной избирательной системы, любая система, действующая в государстве-участнике, должна соответствовать правам, закрепленным в статье 25 [Пакта], а также гарантировать и обеспечивать свободное волеизъявление избирателей[40]. Она должна гарантировать, в частности, чтобы лицам, имеющим право голоса, была предоставлена возможность свободно голосовать за любого выдвинутого кандидата, а также свободно голосовать в поддержку правительства страны или против него и чтобы голосование было тайным. Поэтому Комитет считает, что система голосования должна позволять избирателям голосовать за любого выдвинутого кандидата или не голосовать ни за кого, в том числе подавая незаполненные или не соответствующие установленной форме бюллетени, а также обеспечивать, чтобы подача голосов проводилась путем тайного голосования. Комитет считает…, что любая санкция за неучастие в голосовании должна устанавливаться законом, быть разумной и пропорциональной и не должна сказываться на использовании или осуществлении прав, предусмотренных Пактом (пункт 7.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что система обязательного голосования и штраф, наложенный на него в связи с его неучастием в голосовании, искажают и подвергают принуждению свободное выражение им своей воли избирателя, представляют собой направленную против него меру принуждения, побуждения или вмешательства, в частности в том, что касается будущих выборов, и, следовательно, противоречат положениям статьи 25 Пакта. Кроме того, автор утверждает, что обязательное голосование не ведет к осуществлению прав отдельных лиц принимать участие в ведении государственных дел. Комитет…принимает к сведению аргументы государства-участника о том, что, в частности, его избирательная система имеет в основе демократический принцип всеобщего участия взрослого населения в голосовании и согласуется с его обязательствами по Пакту, что Пакт не содержит требований о наличии какой-либо определенной избирательной системы и что избиратели могут свободно голосовать за любого кандидата или не голосовать ни за кого без неправомерного влияния или какого-либо принуждения (пункт 7.2 Соображений).

---

[40] См. Замечание общего порядка № 25, пункт 21.

Комитет отмечает, что утверждения автора по статье 25 [Пакта], в частности в отношении принудительного характера наложенного на него штрафа, в конечном счете ставят вопрос о совместимости системы обязательного голосования в государстве-участнике в том виде, в котором она была применена к автору в ходе федеральных выборов 2010 года, с положениями Пакта (пункт 7.3 Соображений).

Комитет принимает к сведению замечания государства-участника о том, что в рамках системы обязательного голосования избиратели могут свободно голосовать за любого выдвинутого кандидата или не голосовать ни за кого, в том числе подавая незаполненные или испорченные бюллетени, без неправомерного влияния или какого-либо принуждения, что подача голосов проводится путем тайного голосования и что избиратели несут ответственность лишь в виде штрафа размером в 20 австралийских долларов, если они не подадут избирательный бюллетень одним из установленных способов и не укажут вескую и достаточную причину неучастия в голосовании (пункт 7.4 Соображений).

В данном деле Комитет отмечает, что для выполнения своих обязанностей в качестве избирателя на федеральных выборах 2010 года автор был обязан прийти на избирательный участок и опустить свой бюллетень в избирательную урну согласно принципу проведения тайного голосования. По утверждению автора, если избиратель пожелает не голосовать ни за одного из кандидатов, как в его случае, избиратель должен подать голос не в установленной форме, что будет иметь сомнительный с правовой точки зрения статус. Комитет отмечает, однако, что подача незаполненных бюллетеней предусмотрена в разделе 268 Закона Содружества о выборах. Он…отмечает, что автор не объяснил, почему незаполненный бюллетень реально не отражал бы его волю избирателя не поддерживать ни одного из кандидатов на федеральных выборах 2010 года. Кроме того, автор не представил Комитету убедительных аргументов в доказательство того, что наложенный на него штраф является неразумным или несоразмерным (пункт 7.5 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты не свидетельствуют о нарушении прав автора, предусмотренных в Пакте (пункт 8 Соображений).

В сфере гражданско-правовых отношений

Практика договорных органов ООН

См. нижеприведенные Соображения Комитета по правам человека от 18 июля 2017 г. по делу *Н.К. против Нидерландов* (сообщение № 2326/2013).

См. нижеприведенные Соображения Комитета по правам человека от 13 июля 2017 г. по делу *Петр Гатилов против Российской Федерации* (сообщение № 2171/2012).

См. нижеприведенное Решение Комитета против пыток от 11 августа 2017 г. по делу *Рашед Джаидан против Туниса* (сообщение № 654/2015).

См. нижеприведенное Решение Комитета ООН против пыток от 31 июля 2017 г. по делу *Ашим Ракишев против Казахстана* (сообщение № 661/2015).

В сфере гражданско-процессуальных отношений

Право на справедливое судебное разбирательство

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Соображения Комитета по правам человека от 13 июля 2017 г. по делу *Петр Гатилов против Российской Федерации* (сообщение № 2171/2012).

Тема сообщения: принудительное выселение из дома и утрата имущества автором сообщения.

Вопрос существа: неприкосновенность частной жизни; защита закона.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свое [З]амечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, в котором он отмечает, что статья 14 [Пакта] «охватывает право доступа в суды» при «определении прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе…Доступ к отправлению правосудия должен действенным образом гарантироваться во всех таких случаях в целях обеспечения того, чтобы никакое лицо не было с процессуальной точки зрения лишено своего права требовать правосудия»[41] (пункт 9.2 Соображений).

Комитет ссылается на свое [З]амечание общего порядка № 16 (1988) о праве на личную жизнь, в котором он поясняет, что «незаконное» вмешательство означает, что «вмешательство вообще не может иметь

[41] См. Замечание общего порядка № 32, пункт 9.

места за исключением случаев, предусмотренных законом». Таким образом, сам закон «должен соответствовать положениям, целям и задачам Пакта», а его применение должно в любом случае быть «обоснованным в конкретных обстоятельствах»[42] (пункт 9.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что он не был вызван на слушания по вопросу о его выселении и, следовательно, не присутствовал на этих слушаниях. В своих замечаниях государство-участник не опровергает того факта, что автор не присутствовал на слушаниях, но и не сообщает ничего, что свидетельствовало бы о том, что автор был должным образом уведомлен о необходимости явиться в суд, но не явился…В данном случае автору был фактически закрыт доступ к суду в результате того, что ему не было сообщено о слушаниях по вопросу о выселении и он на них не присутствовал. Комитет полагает, что в силу этих обстоятельств и в отсутствие разъяснения со стороны государства-участника относительно того, почему автор не был уведомлен о дате и времени проведения слушаний о его выселении, государство-участник нарушило права автора, предусмотренные пунктом 1 статьи 14 Пакта (пункт 9.2 Соображений).

Комитет…принимает к сведению утверждения автора о том, что он был незаконно выселен из квартиры, в которой проживал со своей семьей, и что во время выселения его личные вещи были переданы частному лицу, а затем отправлены на хранение и в итоге утеряны. Государство-участник утверждает, что выселение было проведено в соответствии с постановлением суда, и снимает с себя ответственность за утрату имущества автора. Таким образом, Комитет должен определить, было ли воспрепятствование осуществлению права автора на неприкосновенность жилища со стороны государства произвольным или незаконным (пункт 9.3 Соображений).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что национальное законодательство запрещает выселение без предоставления альтернативного жилья. Комитет отмечает, что решение Якутского городского суда от 27 июля 2007 г. содержит аналогичное толкование в отношении запрещения выселения без предоставления альтернативного жилья. Кроме того, Комитет отмечает, что автор не был вызван на судебные слушания по вопросу о его выселении, что он даже не находился дома во время самого выселения и что его ходатайства о предоставлении компенсации за утерю имущества были отклонены. Кроме того, так и не было представлено опровержения относительно утверждений автора о том, что его имущество было передано частному лицу и в конечном итоге

[42] См. Замечание общего порядка № 16, пункт 3.

утеряно и что ему так и не была выплачена компенсация, хотя он и получил от властей денежную компенсацию взамен предоставления жилья. Принимая во внимание также тот факт, что выселение автора было произведено без предоставления ему другого жилья и в нарушение национального законодательства и решения Суда от 27 июля 2007 г., Комитет считает, что в данных конкретных обстоятельствах вмешательство государства-участника в осуществление права автора на неприкосновенность жилища носило произвольный и незаконный характер и представляло собой нарушение пункта 1 статьи 17 Пакта (пункт 9.4 Соображений).

Выводы Комитета: представленные…факты свидетельствуют о нарушении прав автора, предусмотренных пунктом 1 статьи 14 и пунктом 1 статьи 17 Пакта (пункт 10 Соображений).

В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты. Это предполагает предоставление государством-участником полного возмещения лицам, чьи права, предусмотренные Пактом, были нарушены. Соответственно, государство-участник обязано, в частности, принять надлежащие меры, для того, чтобы выплатить автору достаточную компенсацию, в том числе за утерянное имущество, возместить судебные и иные связанные с данным делом издержки, а также любой другой нанесенный ущерб. Кроме того, государство-участник обязано принять меры для обеспечения того, чтобы аналогичные нарушения не повторялись в будущем (пункт 11 Соображений).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 20489/07 ***«Уруков против России»*** (вынесено и вступило в силу 6 июня 2017 г.), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с необеспечением участия заявителя, содержащегося под стражей, на слушании по гражданскому делу об установлении отцовства в районном суде.

Заявитель жаловался, ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, на то, что его право на справедливое судебное разбирательство в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции было нарушено в связи с отказом суда удовлетворить его ходатайство о личном присутствии.

Европейский Суд напомнил, что «…[н]а внутригосударственные суды возлагается обязанность, как только им станет известно о том факте, что одна из сторон находится в заключении и не может присутствовать на

заседаниях независимо от его или ее желания, проверить до начала рассмотрения дела по существу, является ли характер дела таким, чтобы требовать личных показаний стороны, находящейся в заключении, и выражал ли он или она желание присутствовать. Если суды решат обойтись без присутствия стороны, они должны привести конкретные мотивы, по которым они полагают, что отсутствие стороны не нанесет ущерба справедливости разбирательства в целом. Они обязаны рассмотреть все доводы за и против проведения слушаний в отсутствие одной из сторон, принимая во внимание, в частности, прецедентную практику Европейского Суда по аналогичным делам и характер спорных вопросов, и своевременно известить сторону дела, лишенную свободы, о своем решении по данному вопросу и его мотивах...

Европейский Суд будет решать вопрос о том, был ли нарушен принцип справедливого разбирательства в результате отстранения заявителя, преимущественно на основании мотивов, содержащихся в решениях внутригосударственных судов. Отсутствие или недостаточность мотивов в решениях судов государства-ответчика не могут быть восполнены с обратной силой в разбирательствах перед Европейским Судом, потому что Европейский Суд не может занимать место судов страны, рассмотревших вопрос о присутствии стороны в судебном заседании...

Анализ, который Европейский Суд рассчитывает выявить в решениях внутригосударственных судов, должен выходить за рамки ссылки на недостатки правовой основы, делающие невозможным присутствие стороны дела, находящейся в заключении. Анализ должен строиться на конкретных мотивах за и против присутствия стороны дела, истолкованных в свете требований Конвенции и всех относимых факторов, таких как характер спора и затронутые гражданские права»[43] (пункт 34 постановления).

Суд установил, что «[в] настоящем деле заявитель был стороной разбирательства, в котором должно было быть установлено его отцовство. Он отсутствовал на слушаниях в [судах], поскольку в это время он содержался под стражей в период предварительного следствия. В решениях национальных судов не рассматривается вопрос о том, был ли характер спора об отцовстве таким, чтобы требовалось присутствие заявителя, и могло ли его присутствие иметь важное значение для обеспечения общей справедливости судопроизводства» (пункт 35 постановления).

---

[43] См. также постановление Европейского Суда от 16 февраля 2016 г. по делу ***«Евдокимов и другие против России»***, жалобы №№ 27236/05 и 10 других жалоб.

Европейский Суд отметил, что «[р]айонный суд отказал заявителю в присутствии на слушаниях только по причине отсутствия в Гражданском процессуальном кодексе особых правил, предусматривающих осуществление права на личное участие стороной дела, находящейся в заключении…Суд последовательно всякий раз отклонял такой подход со стороны российских судов как излишне формалистический, отмечая, что отсутствие законоположений о присутствии заключенных на слушаниях не может толковаться как достаточные основания для лишения их права присутствовать. Ссылка на техническую причину без рассмотрения вопроса по существу о том, является ли характер спора таковым, чтобы требовалось личное присутствие стороны дела, несовместима с подлинным уважением принципа справедливого судебного разбирательства, поскольку нельзя ожидать от заявителя принятие на себя удара из-за неспособности законодателя предусмотреть особую ситуацию находящейся в заключении стороны гражданского судопроизводства» (пункт 36 постановления).

Суд подчеркнул, что «…районный суд попытался ввести определенные меры, способные уменьшить препятствия, которые возникли бы из-за отсутствия заявителя в зале суда. [Допрос] заключенного под стражу за пределами зала суда согласуется с понятием справедливого судебного разбирательства, при условии, что заключенный под стражу всегда осведомлен о доводах противоположной стороны и может в полной мере и надлежащим образом ответить на них…Заявитель был опрошен всего один раз, более чем за неделю до слушания, которое завершилось вынесением судебного решения против него. Ему не была предоставлена возможность ответить на доводы другой стороны или оспорить их доказательства. Неспособность обеспечить его эффективное участие в разбирательстве приобретает большее значение в свете того факта, что предыдущее решение районного суда было отменено, поскольку отсутствие заявителя, когда он был на свободе, лишило его возможности задать вопросы эксперту-генетику» (пункт 37 постановления).

Суд пришел к выводу, что «…заявитель не принимал участия в производстве по обжалованию, и что [суд] не оценил влияние его отсутствия на справедливость разбирательства... Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции» (пункты 38-39 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобам № 37923/12 и 7 других ***«Атакишиева и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 30 ноября 2017 г.), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с несоблюдением национальными судами принципа

состязательности сторон ввиду необеспечения личного участия заявителей в судебных заседаниях.

Заявители жаловались, ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, на то, что их право на справедливое судебное разбирательство было нарушено в связи с тем, что внутригосударственные суды не уведомили их своевременно и должным образом о заседаниях по гражданским делам, сторонами которых они являлись.

Европейский Суд подчеркнул, что «…внутригосударственные суды должны прилагать разумные усилия для вызова сторон, участвующих в деле, на судебное слушание…Кроме того, стороны должны предпринять все необходимые меры для обеспечения эффективного получения корреспонденции, которая может быть направлена им внутригосударственными судами…[О]тсутствие или недостаточность оснований в решениях внутригосударственных судов касательно доказательств получения повесток заявителями, а также непроведение внутригосударственными судами оценки необходимости отложить слушание, пока заявители не будут должным образом уведомлены, или тщательно проанализировать характер их законных претензий, что устранило бы необходимость их присутствия, не может быть совершено ex post facto[44] в рамках разбирательств в Суде, поскольку он не может подменять собой национальные суды, которым были представлены доказательства (пункт 8 постановления).

Суд пришел к выводу, что «…продолжая рассмотрение дел заявителей по существу и не предпринимая попыток, чтобы убедиться в том, что заявители были или должны были быть уведомлены о времени и месте проведения слушаний, и в случае отсутствия уведомления отложить слушания, внутригосударственные суды лишили заявителей возможности эффективно участвовать в процессе рассмотрения своих дел и не выполнили свои обязательства по соблюдению принципа справедливого судебного разбирательства, предусмотренного статьей 6 Конвенции… Соответственно, данные жалобы являются приемлемыми и свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции» (пункты 10–11 постановления)[45].

---

[44] После совершившегося факта (лат.)

[45]В Верховный Суд Российской Федерации поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, также содержащих констатацию нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с несоблюдением национальными судами принципа состязательности сторон ввиду необеспечения личного участия заявителей в судебных заседаниях. Постановления Европейского Суда по жалобам № 6511/08, 5048/09, 9571/09, 16662/09, 21338/09, 34119/09, 1121/10, 11481/10 ***«Горбуновы и другие против России»***;

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

Вопросы выдачи

Практика договорных органов ООН

Комитет против пыток

Решение Комитета против пыток от 9 августа 2017 г. по делу *Х.И. против Швейцарии* (сообщение № 747/2016).

Тема сообщения: экстрадиция в Турцию.

Вопросы существа: пытки; недопустимость принудительного возвращения.

Правовые позиции Комитета: целью такой оценки[46] является определение того, будет ли лично данному лицу угрожать предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, возвращению в которую оно подлежит[47]. Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в какой-либо стране само по себе не является достаточной причиной полагать, что тому или иному конкретному лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по возвращении в эту страну; в подтверждение того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу, должны быть приведены дополнительные основания. Верно и обратное: отсутствие вопиющих и систематических нарушений прав человека не означает, что тому или иному лицу в его конкретной ситуации не угрожает применение пыток… При оценке этой опасности [опасность применения пыток при возвращении в Турцию] Комитет должен принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции [против пыток], включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека (пункт 10.2 Решения).

№ 636/10, 32116/12, 17581/13, 28826/13, 32029/13, 37126/13, 45064/13, 54123/13 ***«Ладюк и другие против России»***; №№ 1850/10, 7300/12, 18261/13, 50086/13, 16778/14, 58166/14, 39327/16, 62111/16, 5751/17 ***«Литвинова и другие против России»*** и № 11930/11, 21081/11, 43178/11, 73971/11, 9159/12, 21641/12, 23796/12, 24614/12 ***«Микрюков и другие против России»***.

[46] Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что заявителю будет угрожать опасность применения пыток в случае его возвращения в Турцию.

[47] См., в частности, сообщение № 470/2011, *Х. против Швейцарии*, Решение, принятое 24 ноября 2014 г., пункт 7.2.

Комитет напоминает свое [З]амечание общего порядка № 1, согласно которому опасность применения пыток должна оцениваться на основаниях, выходящих за рамки умозрительных построений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности, риск должен быть личным и реальным. Комитет отмечает, что бремя доказывания, как правило, лежит на заявителе, который должен представить убедительные аргументы, доказывающие, что ему либо ей грозит предсказуемая, реальная и личная опасность[48]. Комитет…напоминает, что в соответствии с положениями [З]амечания общего порядка № 1 он будет в значительной степени опираться на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника[49], но при этом не считает себя связанным такими заключениями и исходит из того, что в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции он правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу (пункт 10.3 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что имеется предсказуемая, реальная и личная опасность того, что он будет подвергнут пыткам в случае его экстрадиции в Турцию, так как он в прошлом уже подвергался пыткам во время содержания под стражей по обвинению в убийстве, и что его осуждение в 1989 году основывалось на показаниях, полученных по принуждению; что запрос об экстрадиции политически мотивирован вследствие его курдского происхождения и активной поддержки РПК его семьей; что его политическая принадлежность известна турецким властям; что турецкие власти обратилось с запросом о его экстрадиции лишь более чем через 20 лет после его осуждения, хотя им было известно о его местонахождении в 1992 году; что трое его родственников в Турции привлечены к уголовной ответственности за поддержку РПК; и что членов его семьи расспрашивали о его местонахождении при посещении ими Турции. Комитет…отмечает утверждение заявителя о том, что риск применения пыток увеличится, поскольку он совершил побег из тюрьмы в Турции и имеет татуировки в виде христианского креста и надписи [с ненормативной лексикой]. Комитет далее отмечает, что заявителю был поставлен диагноз посттравматического стрессового расстройства и что он пытался покончить жизнь самоубийством, находясь под стражей в ожидании

---

[48] См., в частности, сообщения № 203/2002, *А.Р. против Нидерландов*, Решение, принятое 14 ноября 2003 г.; и № 258/2004, *Дадар против Канады*, Решение, принятое 23 ноября 2005 г.

[49] См., в частности, сообщение № 356/2008, *Н.С. против Швейцарии*, Решение, принятое 6 мая 2010 г., пункт 7.3.

экстрадиции. Он отмечает, что, согласно психиатрическому обследованию, проведенному в 2015 году, его экстрадиция почти наверняка приведет к повторному психологическому травмированию (пункт 10.4 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что его органы по вопросам экстрадиции пришли к выводу, что заявления автора сообщения не вызывают доверия. В этой связи государство-участник утверждает, что в медицинских заключениях с момента его осуждения не упоминаются следы пыток; что заключения психиатра, устанавливающие причинно-следственную связь между его пытками и посттравматическим стрессовым расстройством, основываются главным образом на собственных заявлениях автора; что заявитель не утверждал, что подвергался пыткам после вынесения приговора; что представляется маловероятным, что его брат С.И. согласился бы оставаться в тюрьме вместо него, если бы он подвергался пыткам, как утверждает заявитель; и что имеются противоречия в утверждениях заявителя, касающихся его политической деятельности в Турции и Швейцарии (пункт 10.5 Решения).

Комитет ссылается на рассмотрение им четвертого периодического доклада, представленного Турцией, в ходе которого он выразил серьезную обеспокоенность в связи с многочисленными сообщениями о том, что сотрудники правоохранительных органов применяют пытки и жестокое обращение в отношении задержанных лиц на фоне борьбы с предполагаемыми угрозами безопасности в контексте повстанческой деятельности, осуществляемой РПК с 2015 года, и в связи с сообщениями о безнаказанности, которой пользуются исполнители таких актов[50], особенно в условиях отсутствия независимого государственного органа для расследования жалоб на применение пыток и жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов[51]. С учетом обстоятельств данного дела Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что Турция предоставила дипломатические заверения в поддержку запроса об экстрадиции, что представители швейцарских властей в Турции смогут следить за их соблюдением и что Турция, как одна из стран – участников Европейской конвенции о выдаче, никогда не нарушала своих дипломатических заверений. Комитет также принимает к сведению утверждения заявителя о том, что дипломатические заверения не являются достаточными и надежными

[50] См. CAT/C/TUR/CO/4, пункт 11.

[51] Там же, пункт 9. Комитет также выразил обеспокоенность по поводу неудовлетворительного медицинского обслуживания в пенитенциарных учреждениях (пункт 31).

для устранения опасности применения пыток в его случае из-за политической мотивированности запроса об экстрадиции; что применение пыток в местах лишения свободы по-прежнему широко распространено в Турции; что трудно проконтролировать соблюдение дипломатических заверений, поскольку заявитель, согласно утверждениям, не имел права на помощь адвоката до вынесения ему обвинительного приговора; что швейцарские власти не отрицают, что заявителю грозит преследование после его освобождения; и что существует повышенная опасность того, что он будет задержан и подвергнут пыткам со стороны сотрудников секретных служб, прежде чем он будет передан тюремным властям, из-за его связи с высокопоставленными членами РПК в Швейцарии. Комитет принимает к сведению заявление, не оспоренное государством-участником, о том, что заверения были предоставлены Турцией только после трех безрезультатных попыток, что свидетельствует о нежелании Турции соблюдать их; и что положение в области прав человека в Турции значительно ухудшилось с тех пор, как эти заверения были предоставлены в 2012 году, особенно в свете выборов 2015 года и повстанческой деятельности, осуществляемой РПК, попытки государственного переворота и введения чрезвычайного положения в 2016 году, последующих крупномасштабных арестов, задержаний и увольнений лиц, подозреваемых в подрывной деятельности, и внесенных в 2017 году поправок к Конституции (пункт 10.6 Решения).

Комитет отмечает отсутствие возражений против того, что органами государства-участника по вопросам предоставления убежища был сделан вывод о том, что принудительное возвращение заявителя подвергнет его опасности применения пыток. Однако государство-участник утверждает, что дипломатические заверения, данные Турцией, исключают любую такую опасность. Комитет…отмечает, что медицинские заключения свидетельствуют о том, что заявитель страдает посттравматическим стрессовым расстройством в результате пыток, которым он подвергался, и что он пытался покончить жизнь самоубийством после того, как государство-участник согласилось на его экстрадицию. На основе имеющейся в его распоряжении информации Комитет приходит к выводу о том, что с учетом обстоятельств данного дела дипломатические заверения не могут устранить существующие серьезные основания полагать, что экстрадиция заявителя в Турцию поставит его под угрозу подвергнуться пыткам в нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 10.7 Решения).

Выводы Комитета: государство-участник обязано в соответствии со статьей 3 Конвенции воздержаться от экстрадиции

заявителя в Турцию или любую другую страну, где ему угрожает реальная опасность быть возвращенным в Турцию (пункт 11 Решения).

Запрет пыток

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Соображения Комитета по правам человека от 28 июля 2017 г. по делу *Антон Батанов против Российской Федерации* (сообщение № 2532/2015).

Тема сообщения: пытка; несоблюдение гарантий справедливого судебного разбирательства.

Вопросы существа: пытки и жестокое обращение; справедливое судебное разбирательство.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой непринятие государством-участником мер по расследованию утверждений об имевших место нарушениях может как таковое повлечь за собой отдельное нарушение [Международного пакта о гражданских и политических правах][52] (пункт 11.2 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению подробные утверждения автора о применении пыток сотрудниками полиции и следователями после задержания и во время предварительного содержания под стражей с целью получения признательных показаний. Комитет отмечает…, что 4 июня 2009 г. автор был осмотрен медицинскими экспертами, которые обнаружили и задокументировали его телесные повреждения. Комитет отмечает, что в связи с этим автор представил медицинское заключение от 5 июня 2009 г., в котором содержится подробная информация о полученных им травмах, в частности на его плечах и на левом колене. Комитет принимает к сведению заключение медицинской экспертизы о том, что некоторые повреждения были нанесены твердым тупым предметом и не могли быть получены в

[52] См. Замечание общего порядка № 20 (1992) Комитета о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, пункт 14; и его Замечание общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта, пункт 15. См. также сообщение № 2231/2012, *Аскаров против Кыргызстана*, Соображения, принятые 11 мая 2016 г., пункт 8.3.

результате однократного падения (автор заявил, что за неделю до того упал на улице и повредил правое плечо и колени). С другой стороны, Комитет…отмечает, что государство-участник отвергает заявления автора и утверждает, что повреждения были нанесены ранее и что плохое состояние здоровья автора было принято во внимание судом первой инстанции в качестве смягчающего обстоятельства. Комитет…принимает к сведению два медицинских заключения, выданных в ноябре 2010 года, где указано, что состояние здоровья автора нарушено и он страдает несколькими хроническими заболеваниями, в том числе гипертонией…Комитет отмечает, что материалы дела не позволяют ему сделать вывод о том, что расследование утверждений о пытках было проведено оперативно и эффективно. В свете вышеизложенного Комитет считает, что в результате отсутствия эффективного расследования утверждений автора о пытках имело место нарушение его прав по статье 7 [Пакта], рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта (пункт 11.2 Соображений).

Комитет…принимает к сведению утверждения автора о том, что суд использовал против автора показания главного обвиняемого и свидетеля Ат., которые, как утверждается, были добыты под пытками и от которых свидетель впоследствии отказался во время судебного разбирательства. Кроме того, он отмечает, что государство-участник не оспаривает довода о том, что в ходе судебного разбирательства дела автора решающий вес имели показания этого свидетеля, несмотря на утверждения о том, что они были добыты под пытками. На основании имеющейся в его распоряжении информации Комитет отмечает, что суд первой инстанции не принял во внимание ни отказ этого свидетеля от своего обвинительного заявления в отношении автора, ни подробное описание пытки, которой он подвергался во время предварительного допроса, а вместо этого целиком полагался на показания, которые свидетель дал на этапе досудебного производства. Согласно протоколам заседания суда, суд также отклонил без рассмотрения по существу утверждения автора о «существенных нарушениях на предварительном следствии» и его просьбу вынести частное определение в отношении следователя Ш. В свете вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что имело место нарушение прав автора по пункту 1 статьи 14 Пакта (пункт 11.3 Соображений).

Выводы Комитета: представленная информация свидетельствуют о нарушении государством-участником прав автора по статье 7, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 и пунктом 1 статьи 14 Пакта (пункт 12 Соображений).

В соответствии с подпунктом а) пункта 3 статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное

средство правовой защиты. Для этого необходимо предоставить полное возмещение лицам, чьи права, признаваемые в Пакте, были нарушены. Соответственно, государство-участник обязано в числе прочего: a) провести тщательное и эффективное расследование в связи с утверждениями автора о пытках и в случае подтверждения подвергнуть преследованию, суду и наказанию виновных в пытках автора; и b) предоставить автору компенсацию за допущенные правонарушения. На государство-участник также возложена обязанность предпринять все необходимые шаги для предотвращения аналогичных нарушений в будущем (пункт 13 Соображений).

Соображения Комитета по правам человека от 28 июля 2017 г. по делу *Фахридин Аширов против Кыргызстана* (сообщение № 2435/2014).

Тема сообщения: произвольное задержание и пытки автора после этнических волнений.

Вопросы существа: пытки; справедливое судебное разбирательство; Справедливое судебное разбирательство – правовая помощь; произвольный арест – содержание под стражей; дискриминация по признаку этнической принадлежности.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой уголовное расследование и последующее привлечение к ответственности представляют собой необходимые средства восстановления нарушенных прав человека, таких как права, защищаемые статьей 7 Пакта[53] (пункт 7.2 Соображений).

Комитет ссылается на свое [З]амечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, в котором отмечено, что: «все судебные разбирательства по уголовным делам или же в каком-либо гражданском процессе в принципе должны проводиться устно и быть открытыми для публики»[54]. В пункте 1 статьи 14 Пакта подтверждается, что в демократическом обществе суды имеют право не допускать на разбирательство всю публику или ее часть по соображениям морали, общественного порядка (ordre public) или государственной безопасности или когда того требуют интересы частной жизни сторон, или − в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо, − при особых

[53] См. Замечания общего порядка Комитета № 20 (1992 год) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, пункт 14; и № 31 (2004 год) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта, пункт 18.
[54] См. пункт 28.

обстоятельствах, когда публичность нарушала бы интересы правосудия (пункт 7.4 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что в ряде случаев он подвергался пыткам со стороны сотрудников правоохранительных органов. Автор представил подробное описание того, как его пытали, когда именно это происходило, и даже привел имена некоторых лиц, виновных в совершении этого преступления. Кроме того, автор представил показания свидетелей, включая показания его отца и его адвоката, а также медицинское заключение, подтверждающее упомянутые им повреждения. Кроме того, Комитет отмечает, что автор и его адвокат направил многочисленные жалобы на пытки в прокуратуру, а также подавал соответствующие жалобы в ходе судебных слушаний. Комитет отмечает, что, хотя государство-участник сообщает, что оно провело расследование по некоторым из многочисленных жалоб автора, не было доказано, что эти расследования были начаты в срочном порядке или что они проводились эффективно. Комитет хотел бы подчеркнуть, что первые заявления о применении пыток были сделаны автором 6 августа 2010 г., сразу же после того, как он получил доступ к своему нанятому в частном порядке адвокату. Комитет считает, что в обстоятельствах данного дела, и в частности в свете того, что государство-участник не дало объяснений по поводу заметных следов жестокого обращения, которые неоднократно видели свидетели, утверждениям автора следует придавать соответствующей вес (пункт 7.2 Соображений).

По поводу обязательства государства-участника надлежащим образом расследовать утверждения автора о пытках Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой уголовное расследование и последующее привлечение к ответственности представляют собой необходимые средства восстановления нарушенных прав человека, таких как права, защищаемые статьей 7 Пакта[55]. Хотя государство-участник утверждает, что оно провело расследование, Комитет отмечает, что, как явствует из материалов дела, власти государства-участника не представили информации о том, что они допросили каких-либо свидетелей (включая самого автора и его отца), и не представили результатов медицинского обследования. В этих обстоятельствах Комитет считает, что, несмотря на свидетельские показания отца автора и медицинское заключение о повреждениях на теле автора, эффективного расследования в связи с утверждениями о применении пыток проведено не было. С учетом

[55] См. Замечания общего порядка Комитета № 20 (1992 год) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, пункт 14; и № 31 (2004 год) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта, пункт 18.

обстоятельств данного дела и принимая во внимание, что государство-участник не представило дополнительной медицинской документации, Комитет заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по статье 7 Пакта, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2 (пункт 7.2 Соображений).

Что касается утверждений автора по пункту 1 статьи 14 Пакта, то Комитет принимает к сведению те неоспариваемые факты, что судебные заседания проводились не в обычных залах судебных заседаний, а на военном объекте и что родственники подсудимых, в том числе автора, не были допущены на эти заседания. В своих замечаниях государство-участник утверждает, что причиной проведения судебных слушаний в воинской части является как раз необходимость обеспечить безопасность подсудимых и их родственников… Государство-участник утверждает, что причиной проведения судебных слушаний в воинской части является лишь необходимость «обеспечения безопасности обвиняемых и их родственников». Вместе с тем государство-участник не объяснило, почему было необходимо не допускать родственников автора к слушаниям по одному из оснований, содержащихся в пункте 1 статьи 14 [Пакта]. В отсутствие предметных объяснений государства-участника Комитет должен сделать вывод о том, что государство-участник применило несоразмерные ограничения права автора на справедливое и публичное разбирательство, и поэтому права автора, предусмотренные в пункте 1 статьи 14 [Пакта], были нарушены (пункт 7.4 Соображений).

Выводы Комитета: представленные…факты свидетельствуют о нарушении прав автора, закрепленных в статье 7, рассматриваемой в совокупности с пунктом 3 статьи 2, и в пункте 1 статьи 14 Пакта (пункт 8 Соображений).

Комитет против пыток

Решение Комитета против пыток от 11 августа 2017 г. по делу *Рашед Джаидан против Туниса* (сообщение № 654/2015).

Тема сообщения: пытки и жестокое обращение со стороны государственных органов.

Вопрос существа: пытки; жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания; меры по предупреждению актов пыток; систематический надзор за условиями содержания под стражей и методами обращения с заключенными; обязательство государства-участника обеспечивать незамедлительное проведение беспристрастного расследования компетентными органами; право на подачу жалобы; право

на компенсацию; запрет использования в ходе любого судебного разбирательства заявлений, полученных под пыткой.

Правовые позиции Комитета: статья 4 [Конвенции против пыток] требует от государств-участников введения уголовной ответственности в отношении актов пыток и установления в отношении лиц, виновных в совершении актов пыток, наказания, соразмерного степени тяжести совершенных действий (пункт 7.7 Решения).

Комитет напоминает государству-участнику о его обязательстве по статье 12 Конвенции, согласно которому при наличии достаточных оснований полагать, что имело место применение пытки, должно проводиться *ex officio*[56] быстрое и беспристрастное расследование[57]. Такое расследование должно быть оперативным, беспристрастным и эффективным[58]. Кроме того, уголовное расследование должно иметь своей целью как определение характера и обстоятельств предполагаемых деяний, так и установление личности любого лица, которое могло быть причастно к ним[59] (пункт 7.10 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: В отношении жалобы по статье 1 [Конвенции] Комитет принимает к сведению утверждения заявителя, согласно которым он подвергался пыткам со стороны должностных лиц государства-участника, которое не приняло никаких эффективных мер, чтобы предотвратить совершение этих актов. Комитет отмечает, во-первых, что заявитель был арестован в ночь с 29 на 30 июля 1993 г., а затем доставлен в Министерство внутренних дел, где его допрашивали и незаконно держали 20 дней. Комитет отмечает, что заявитель представил подробное описание ужасных пыток, которым он подвергался в Министерстве внутренних дел, когда находился под контролем сотрудников службы национальной безопасности, которых он опознал и назвал. Комитет также отмечает, что в тюрьме…заявителя пытали несколько раз, содержали в одиночной камере и ему было отказано в медицинской помощи в течение длительного периода времени, несмотря на очевидную потребность в уходе (пункт 7.3 Решения).

Комитет также принимает к сведению утверждения заявителя о многочисленных физических и психологических последствиях пыток, которые подтверждаются представленными в этой связи медицинскими

---

[56] По обязанности (лат.)

[57]См. сообщения *Нийонзима против Бурунди*, пункт 8.4; и № 500/2012, *Рамирес Мартинес и др. против Мексики*, Решение, принятое 4 августа 2015 г., пункт 17.7.

[58]См. сообщение № 495/2012, *Н.З. против Казахстана*, Решение, принятое 28 ноября 2014 г., пункт 13.2.

[59]См. сообщения № 580/2014, *Ф.К. против Дании*, Решение, принятое 23 ноября 2015 г., пункт 7.7; и № 161/2000, *Дземайль и др. против Югославии*, Решение, принятое 21 ноября 2002 г., пункт 9.4.

заключениями. Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривало этих утверждений. В данных обстоятельствах и исходя из сведений, предоставленных в его распоряжение, Комитет констатирует, что утверждения заявителя надлежит принять во внимание; что физическое насилие, которому он подвергся, было совершено должностными лицами государства-участника, которые выступали в официальном качестве; и эти действия представляют собой акты пыток по смыслу статьи 1 Конвенции (пункт 7.4 Решения).

Автор…ссылается на пункт 1 статьи 2 Конвенции, в соответствии с которым государство-участник должно было принять эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории под его юрисдикцией. Комитет отмечает в данном случае, что заявитель был арестован без соответствующего ордера; он содержался под стражей без связи с внешним миром в Министерстве внутренних дел с 30 июля по 4 сентября 1993 г., в течение 37 дней, что существенно превышает максимально разрешенный срок до четырех суток; проверка законности его содержания под стражей не была проведена в установленные законом сроки; и в ходе предварительного содержания под стражей ему было отказано в возможности связаться с семьей и получить медицинскую помощь, необходимую в его состоянии. Хотя он стал жертвой крайне жестокого обращения, о чем он несколько раз сообщал, эти акты остаются безнаказанными. Соответственно Комитет констатирует нарушение пункта 1 статьи 2 в совокупности со статьей 1 Конвенции[60] (пункт 7.6 Решения).

В отношении предполагаемого нарушения статьи 4 Конвенции Комитет ссылается на одну из целей Конвенции: препятствовать безнаказанности лиц, совершивших акты пыток[61]… Комитет напоминает, что в данном случае прошло более 21 года после событий, но дело так и не было рассмотрено в целях привлечения к ответственности и наказания виновных в применении пыток в отношении заявителя. Кроме того, Комитет отмечает, что с учетом принципа отсутствия обратной силы статьи 101-бис о введении уголовной ответственности за пытки обвиняемые были привлечены к уголовной ответственности за правонарушение, предусматривающее максимальное наказание в виде пяти лет лишения свободы, хотя тяжесть выдвинутых против них обвинений предполагает возбуждение уголовного дела и соответсвующих мер наказания…Комитет ссылается на свои заключительные замечания, в которых он выразил обеспокоенность по поводу применения принципа

---

[60] См., в частности, сообщения *Нийонзима против Бурунди*, пункт 8.3; и № 522/2012, *Гахунгу против Бурунди*, Решение, принятое 10 августа 2015 г., пункт 7.6.

[61] См. сообщение № 212/2002, *Урра Гуриди против Испании*, Решение, принятое 17 мая 2015 г., пункт 6.7.

отсутствия обратной силы уголовного законодательства в отношении деяний, совершенных до включения в пересмотренный Уголовный кодекс 1999 года преступления в виде пытки (статья 101-бис), а также, как следствие, рекомендацию в адрес государства-участника «принять все необходимые меры к тому, чтобы акты пыток, совершенные до 1999 года, преследовались в судебном порядке как правонарушения, за которые предусмотрены меры наказания, соответствующие тяжести содеянного» (см. CAT/C/TUN/CO/3, пункты 35 и 36). Комитет делает вывод о том, что имело место нарушение пункта 2 статьи 4 Конвенции (пункт 7.7 Решения).

Комитет также отмечает довод заявителя о том, что, по-видимому, была нарушена статья 11 [Конвенции], поскольку государство-участник не осуществляло необходимого надзора за методами обращения, которому подвергся автор в ходе ареста и содержания под стражей. Он утверждал, в частности, что его арест и содержание под стражей не сопровождались надлежащими процессуальными гарантиями и за ними не осуществлялся надзор; что ему было отказано в медицинской помощи, несмотря на критическое состояние, в котором он находился; неоднократно было отказано в возможности связаться с семьей; ему было отказано в правовой помощи во время предварительного заключения; и его содержали в ужасных условиях. В отсутствие убедительной информации от государства-участника, которая могла бы продемонстрировать, что содержание заявителя под стражей происходило под надзором государства-участника, Комитет констатирует нарушение государством-участником статьи 11 Конвенции[62] (пункт 7.8 Решения).

В отношении статей 12 и 13 Конвенции Комитет выражает обеспокоенность в связи с тем, что, несмотря на регистрацию жалобы заявителя о пытках в 2011 году в суде первой инстанции Туниса, следствие было прекращено 16 февраля 2012 г. без проведения реального расследования, несмотря на то, что около 21 года прошло с тех пор, как пострадавший первый раз сообщил о фактах в ходе встречи со следователем, состоявшейся в конце срока его содержания под стражей в Министерстве 4 сентября 1993 г. (пункт 7.9 Решения).

Несмотря на то, что государство-участник утверждает, что расследование было начато, оно не представило никакой подробной информации о статусе судебного разбирательства или о преследовании предполагаемых виновных в совершении актов пыток и жестоком обращении (пункт 7.10 Решения).

Заявитель считает, что государство-участник не выполнило свое обязательство, предусмотренное статьей 12 Конвенции. Не выполнив это обязательство, государство-участник не выполнило и обязательство по

---

[62] См., например, *Гахунгу против Бурунди*, пункт 7.7.

статье 13 Конвенции, в соответствии с которой оно обязано было обеспечить заявителю право на предъявление жалобы компетентным властям, которые должны надлежащим образом отреагировать на нее и провести быстрое и беспристрастное расследование[63] (пункт 7.11 Решения).

В отношении статьи 14 [Конвенции] заявитель утверждает, что, отказав ему в уголовном судопроизводстве, о чем говорилось выше, Тунис также лишил его права на получение компенсации в установленном законом порядке за материальный и моральный ущерб, причиненный в результате тяжких преступлений, таких как пытка. Комитет также отмечает, что пострадавший не воспользовался никакими мерами реабилитации в связи с тяжелыми физическими и психологическими последствиями, от которых он страдает до сих пор и которые были четко зафиксированы в медицинском заключении…Комитет считает, что заявитель был лишен права на получение компенсации и возмещения в соответствии со статьей 14 Конвенции (пункт 7.12 Решения).

В отношении статьи 15 [Конвенции] Комитет принял к сведению утверждение заявителя о том, что судебное разбирательство, возбужденное в отношении него, и приговор в виде 21 года лишения свободы были установлены на основе протокола, который он подписал под пыткой. Несмотря на то, что он сообщал о пытках, его утверждения никогда не проверялись властями и заявления не были признаны недействительными. Государство-участник не привело доводов, способных опровергнуть это утверждение. Комитет напоминает, что общий смысл положений статьи 15 [Конвенции] вытекает из абсолютного характера запрещения пыток и, следовательно, предполагает обязательство любого государства-участника проверять, не были ли сделаны под пыткой заявления, которые служат элементами процедуры, находящейся в его компетенции[64]. Не предприняв никаких необходимых проверок и использовав такие заявления в ходе судебного разбирательства в отношении заявителя, государство-участник явно нарушило свои обязательства по статье 15 Конвенции (пункт 7.13 Решения).

Выводы Комитета: представленные…факты свидетельствуют о нарушении статьи 2 (пункт 1) в сочетании со статьей 1 и статьями 4, 11, 12, 13, 14 и 15 Конвенции (пункт 8 Решения).

---

[63] См. *Нийонзима против Бурунди*, пункт 8.5.

[64]См. сообщения № 419/2010, *Ктити против Марокко*, Решение, принятое 26 мая 2011 г., пункт 8.8; *П.Э. против Франции,* пункт 6.3; и *Нийонзима против Бурунди,* пункт 8.7.

Решение Комитета против пыток от 31 июля 2017 г. по делу *Ашим Ракишев против Казахстана* (сообщение № 661/2015).

Тема сообщения: пытки и смерть сына заявителя после ареста и заключения под стражу.

Вопрос существа: пытки – оперативное и беспристрастное расследование.

Правовые позиции Комитета: статья 12 Конвенции также требует, чтобы расследование было быстрым и беспристрастным, при этом быстрота имеет большое значение, поскольку это позволяет прекратить применение к жертве пыток, а также потому что за исключением случаев причинения долговременных или тяжких повреждений вследствие применения вышеупомянутых методов физические следы пыток, и прежде всего жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, как правило, исчезают через короткое время[65]… Комитет напоминает, что само по себе расследование не является достаточным для того, чтобы продемонстрировать соблюдение государством-участником своих обязательств по статье 12 Конвенции, если может быть показано, что оно не было беспристрастным[66] (пункт 8.7 Решения).

Комитет напоминает…, что статья 14 Конвенции признает не только право на справедливую и адекватную компенсацию, но и налагает на государства-участники обязательство обеспечить жертве пыток соответствующее возмещение. Возмещение должно покрывать всю совокупность причиненного жертве ущерба и включать, среди прочих мер, реституцию, компенсацию и реабилитацию жертвы, а также меры, гарантирующие невозможность повторения нарушений, с обязательным учетом обстоятельств каждого дела. Гражданское разбирательство должно быть доступным независимо от уголовного разбирательства, и для такого гражданского судопроизводства следует предусмотреть необходимое законодательство и институты[67] (пункт 8.9 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что заявитель указывает на нарушение статьи 1 и пункта 1 статьи 2 Конвенции на том основании, что государство-участник не выполнило свое обязательство предупреждать акты пыток и наказывать виновных. Эти положения применимы в той мере, в которой действия, совершенные в отношении сына заявителя, могут быть определены как

---

[65] См. сообщение № 59/1996, *Бланко Абад против Испании*, Решение, принятое 14 мая 1998 г., пункт 8.2.

[66] См. сообщение № 257/2004, *Керемедчиев против Болгарии*, Решение, принятое 11 ноября 2008 г., пункт 9.4.

[67] См. сообщение № 441/2010, *Евлоев против Казахстана*, Решение, принятое 5 ноября 2013 г., пункт 9.7.

акты пыток по смыслу положений статьи 1 Конвенции[68]…Комитет отмечает результаты судебно-медицинских экспертиз, в которых сделан вывод о том, что на теле умершего имелось несколько гематом. Кроме того, Комитету также ясно, что Дмитрий Ракишев страдал от сильной физической боли и что администрация изолятора временного содержания была вынуждена вызывать скорую помощь. Несмотря на рекомендации врачей о том, что он должен быть госпитализирован, начальник изолятора временного содержания отказался давать на это разрешение. Комитет ссылается на положения Стамбульского протокола, согласно которым методы пыток могут быть как физическими, так и психологическими, а также могут включать, помимо прочего, неудовлетворение таких основных потребностей, как питание, вода и медицинское обслуживание[69]. Комитет считает, что отсутствие медицинской помощи и отказ госпитализировать Дмитрия Ракишева, находившегося в критическом состоянии, можно квалифицировать как сильную боль и страдания, причиненные умышленно должностным лицом с целью получения признательных показаний (пункт 8.2 Решения).

Комитет считает, что, учитывая данные обстоятельства, следует полагать, что государство-участник несет ответственность за причиненный Дмитрию Ракишеву ущерб, если оно не представит убедительное альтернативное объяснение. В данном случае государство-участник провело расследование в отношении допущенной А.Д. халатности. А.Д. был признан виновным и осужден, но так и не отбыл срок тюремного заключения. Кроме этих обвинений, никакие другие обвинения в пытках не были предъявлены ни одному из исполнителей. В отсутствие таких обвинений в применении пыток и расследования, а также с учетом обстоятельств настоящего сообщения Комитет считает, что к подробным утверждениям автора следует отнестись со всей серьезностью. В этой связи на основании подробного описания состояния здоровья Дмитрия Ракишева, отказа А.Д. госпитализировать его, показаний по крайней мере двух свидетелей и подтверждения его заявлений судебно-медицинской документацией Комитет приходит к выводу, что представленные факты свидетельствуют о совершении деяний, представляющих собой пытку по смыслу статьи 1 Конвенции, и что государство-участник нарушило свои обязательства, касающиеся предотвращения актов пыток и наказания лиц, виновных в их совершении, в нарушение пункта 1 статьи 2 Конвенции (пункт 8.3 Решения).

---

[68] Сообщение № 269/2005, *Али Бен Салем против Туниса*, Решение, принятое 7 ноября 2007 г., пункт 16.4.

[69] *Руководство по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания*, пункт 145n.

Комитет отмечает утверждения заявителя, подпадающие под действие статьи 11 Конвенции, а также представленное государством-участником описание мер, принятых для борьбы против пыток. Комитет, однако, считает, что представленная государством-участником информация о его усилиях по предупреждению пыток и борьбе с ними носит общий характер и не свидетельствует о том, что оно приняло конкретные меры для предотвращения пыток в этом месте содержания под стражей. Кроме того, государство-участник не приняло мер для того, чтобы «предоставлять заключенным и задержанным надлежащий и эффективный медицинский уход, в том числе необходимые медикаменты, и обеспечивать их осмотр независимыми врачами»[70]. Несмотря на рекомендацию Комитета о том, чтобы передать полномочия по управлению медицинским обслуживанием Министерству здравоохранения, врачи в изоляторах временного содержания по-прежнему подотчетны администрации этих учреждений и поэтому не могут считаться независимыми. Таким образом, с учетом обстоятельств настоящего дела Комитет считает, что государство-участник несет ответственность за нарушение статьи 11 Конвенции (пункт 8.4 Решения).

Заявитель также утверждает, что в нарушение статей 12 и 13 Конвенции не было проведено оперативное, беспристрастное и эффективное расследование его утверждений о применении пыток и что виновные не были привлечены к ответственности. Комитет принимает к сведению неопровержимые доказательства того, что Ашим Ракишев неоднократно утверждал о применении пыток в отношении его сына (пункт 8.5 Решения).

Комитет отмечает, что государство-участник все же провело два различных расследования. Расследование, проведенное в отношении начальника изолятора временного содержания А.Д., привело к вынесению обвинительного приговора в связи с допущенной им халатностью в соответствии с частью 2 статьи 316 Уголовного кодекса. Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что следовало предъявить А.Д. обвинение по статье 146 [Уголовного кодекса], прямо запрещающей пытки. Комитет также отмечает, что А.Д. был осужден и приговорен к трем годам лишения свободы с испытательным сроком на два года и впоследствии был освобожден по амнистии, не пробыв в тюрьме и одного дня. Второе расследование касалось медицинских работников…центральной городской больницы[71]. Это расследование, как явствует из представления государства-участника, не привело к привлечению к ответственности ни одного лица и было фактически приостановлено 27 октября 2011 г. – в тот

[70] См. CAT/C/KAZ/CO/3, пункт 17 b).
[71] Республика Казахстан.

же день, когда оно было возбуждено. В конечном итоге оно было возобновлено в 2015 году после подачи жалобы в Комитет, но на сегодняшний день государство-участник не предоставило Комитету никаких результатов (пункт 8.6 Решения).

Комитет отмечает, что в данном случае государство-участник инициировало два уголовных расследования, провело несколько судебно-медицинских экспертиз и допросило многочисленных свидетелей. Вместе с тем Комитет отмечает, что в результате этих расследований никто не был обвинен в совершении преступления в виде применения пыток. Единственный человек, осужденный за халатное исполнение своих служебных обязанностей, установленное в результате расследования, не провел в тюрьме и одного дня и даже не был арестован. Расследование халатности со стороны медицинских работников было прекращено без рассмотрения подробных доказательств, представленных заявителем, и возобновлено только в 2015 году, также не приведя ни к каким очевидным результатам (пункт 8.7 Решения).

В свете вышеуказанных выводов и на основании рассмотренных им материалов Комитет приходит к выводу о том, что государство-участник в нарушение статьи 12 Конвенции не выполнило свое обязательство провести быстрое и беспристрастное расследование утверждений Ашима Ракишева о применении пыток к его сыну. Комитет считает, что государство-участник также не выполнило свое обязательство по статье 13 [Конвенции] и не обеспечило право заявителя на предъявление жалобы и на быстрое и беспристрастное рассмотрение его дела компетентными органами[72] (пункт 8.8 Решения).

Что касается предполагаемого нарушения статьи 14 Конвенции, то Комитет отмечает, что заявитель, бесспорно, не мог потребовать возмещения вреда, причиненного в результате применения к его сыну пыток, ввиду того, что лица, виновные в применении пыток, не были выявлены Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что, поскольку никто не был обвинен и осужден за применение пыток, суды не могут рассматривать вопрос о компенсации. В связи с отсутствием гражданского разбирательства, проводимого независимо от уголовного разбирательства, и на основе имеющейся в его распоряжении информации Комитет приходит к выводу о том, что государство-участник также нарушило свои обязательства по статье 14 Конвенции (пункт 8.9 Решения).

---

[72] В пункте 9 своих заключительных замечаний по третьему периодическому докладу Казахстана (CAT/C/KAZ/CO/3) Комитет призвал также государство-участник «обеспечить, чтобы признанным виновными лицам назначались надлежащие меры наказания, соизмеримые с тяжестью такого преступления, как пытки».

Выводы Комитета: представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 2 в сочетании со статьей 1 и статьями 11–14 Конвенции (пункт 9 Решения).

Комитет по правам инвалидов[73]

Соображения Комитета по правам инвалидов от 18 августа 2017 г. по делу *X против Объединенной Республики Танзания* (сообщение № 22/2014).

Тема сообщения: пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение; дискриминация в отношении лица, страдающего альбинизмом.

Вопрос существа: альбинизм; дискриминация по признаку инвалидности; пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение; нарушение права на уважение интеллектуальной и психической неприкосновенности.

Правовые позиции Комитета: в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 5 Конвенции [о правах инвалидов][74] государства-участники обязаны обеспечить, чтобы все лица были равны перед законом и имели право на равную защиту закона и равное пользование им без всякой дискриминации, а также предпринимать все надлежащие шаги к обеспечению разумного приспособления для поощрения равенства и устранения дискриминации. Комитет считает, что дискриминация может быть результатом дискриминационного эффекта нормы или меры, которые не рассчитаны на дискриминацию, но несоразмерно затрагивают инвалидов[75] (пункт 8.3 Соображений).

Комитет…напоминает, что, согласно статье 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, под «пыткой» понимается любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным

---

[73] Комитет ООН по правам инвалидов (далее – Комитет) действует на основании Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора.

[74] Далее – Конвенция.

[75] См. *С.К. против Бразилии*, пункт 6.4.

лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. Комитет далее напоминает, что насильственные действия, от которых пострадал автор, были совершены частными лицами; как таковые они не являются актами пыток (пункт 8.5 Соображений).

Тем не менее Комитет напоминает, что обязательство государств-участников предотвращать пытки и бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и наказывать за них распространяется на действия, совершенные как государственными, так и негосударственными субъектами[76]. При рассмотрении таких дел особенно важны оперативность и эффективность (пункт 8.6 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает во внимание…довод [автора] о том, что он подвергся дискриминации по признаку инвалидности, поскольку тип насилия, жертвой которого он стал, является широко распространенным в государстве-участнике и затрагивает только лиц, страдающих альбинизмом. Комитет…принимает во внимание утверждение автора о том, что он стал жертвой дискриминации по признаку инвалидности в результате того, что лица, подвергшие его насилию, по сей день не понесли наказания. В этой связи автор утверждает, что безнаказанность характерна для большинства случаев насилия в отношении лиц, страдающих альбинизмом, поскольку власти государства-участника считают, что эти случаи связаны с колдовством, которое является общепризнанной культурной практикой, в отношении которой в обществе сохраняются многочисленные суеверия…Комитет отмечает, что власти государства-участника не приняли необходимые меры для проведения эффективного, полноценного и беспристрастного расследования и для привлечения преступников к ответственности, а также то, что не были приняты никакие профилактические или защитные меры в отношении насилия над лицами с альбинизмом (пункт 8.2 Соображений).

Комитет отмечает, что автор стал жертвой насильственного преступления, имеющего все признаки практики, затрагивающей исключительно лиц, страдающих альбинизмом: 10 апреля 2010 года он подвергся нападению со стороны двух мужчин, когда собирал хворост; они ударили его по голове дубинками; отрубили левую руку ниже локтя; и забрали ее с собой. С тех пор доступ автора к правосудию был существенно ограничен в том смысле, что после прекращения первого разбирательства компетентные органы, по всей видимости, не проводили

---

[76] См. Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, пункт 13.

никаких следственных действий, и спустя восемь с лишним лет с момента совершения преступного нападения на автора виновные по данному делу так и не понесли наказание (пункт 8.3 Соображений).

Комитет считает, что государство-участник не может уклоняться от исполнения своих обязательств по Конвенции в силу лишь того факта, что некоторые из его судебных органов, например окружной суд Морогоро и Конституционный суд, уже рассмотрели или находятся в процессе рассмотрения данного дела, в то время как очевидно, что процедуры правовой защиты государства-участника являются неоправданно длительными и, как представляется, окажутся неэффективными. Кроме того, Комитет отмечает, что власти государства-участника не оказывали автору никакой помощи, с тем чтобы он мог вернуться к самостоятельной жизни после потери руки, и что в целом государство-участник не приняло никаких мер для предотвращения подобных проявлений насилия в отношении лиц, страдающих альбинизмом, и для их защиты. При отсутствии каких-либо объяснений со стороны государства-участника по данным вопросам Комитет считает, что автор стал жертвой насилия, направленного исключительно на лиц, страдающих альбинизмом. Он далее считает, что в результате того, что государство-участник не предотвращает подобные действия и не наказывает за них, автор и другие лица, страдающие альбинизмом, оказались в особо уязвимом положении, не имея возможности жить в обществе наравне с другими…Комитет заключает, что автор стал жертвой прямой дискриминации по признаку инвалидности в нарушение положений статьи 5 Конвенции (пункт 8.4 Соображений).

Что касается утверждений автора, касающихся статьи 15 Конвенции, Комитет принимает во внимание его довод о том, что действия, которым он подвергся, равносильны пыткам и нарушению его физической целостности. Комитет напоминает, что в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 15 Конвенции никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания, и государства-участники принимают все эффективные законодательные, административные, судебные или иные меры к тому, чтобы инвалиды наравне с другими не подвергались пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания (пункт 8.5 Соображений).

Комитет считает, что пережитые автором страдания, ставшие результатом бездействия со стороны государства-участника, которое не позволило эффективно привлечь к ответственности подозреваемых в совершении данного преступления, стали причиной повторной виктимизации и равносильны психологическим пыткам и/или

неправомерному обращению[77]. В силу этих причин Комитет полагает, что с учетом обстоятельств настоящего дела государство-участник нарушило положения статьи 15 Конвенции (пункт 8.6 Соображений).

Что касается жалобы автора по статье 17 Конвенции, Комитет напоминает, что каждый инвалид имеет право на уважение его физической и психической целостности наравне с другими. Право на личную целостность основывается на самом понятии личности; оно связано с идеей человеческого достоинства и с необходимостью защиты физического и психического пространства каждого человека; речь идет о запрете физических и психологических пыток и бесчеловечного и унижающего достоинства обращения и наказания, а также широкого круга менее тяжких посягательств на тело и разум человека. Акты насилия, которым подвергся автор, безусловно, подпадают под категорию действий, ведущих к нарушению физической и психической целостности затрагиваемого лица. Комитет также напоминает, что в соответствии со статьей 4 Конвенции на государствах-участниках лежит общее обязательство принимать все необходимые меры для обеспечения и поощрения полного осуществления всех прав человека, включая право на личную целостность. В рассматриваемом случае го-сударство-участник не приняло никаких мер для предотвращения деяний, которые пришлось пережить автору, и наказания виновных, а также для оказания ему помощи в возвращении к самостоятельной жизни после потери руки. Кроме того, на сегодняшний день виновные остаются абсолютно безнаказанными. Соответственно Комитет считает, что тот факт, что государство-участник не приняло все необходимые меры для предотвращения актов насилия, подобных тем, которым подвергся автор, а также для эффективного расследования этих актов и наказания виновных в деле автора, представляет собой нарушение его прав, закрепленных в статье 17, рассматриваемой в совокупности со статьей 4 Конвенции (пункт 8.7 Соображений).

Выводы Комитета: государство-участник не выполнило своих обязательств по статьям 5, 15 и 17, рассматриваемым в совокупности со статьей 4 Конвенции (пункт 9 Соображений).

Право на свободу и личную неприкосновенность

Практика договорных органов ООН

[77] См., например, Комитет по правам человека, сообщение № 1956/2010, *Дурич и Дурич против Боснии и Герцеговины*, Соображения, принятые 16 июля 2014 года, пункты 9.6–9.7; и *Ируста и дель Валье Ируста против Аргентины*, пункт 10.8.

Комитет против пыток

См. вышеприведенное Решение Комитета по правам человека от 31 июля 2017 г. по делу *Рашед Джаидан против Туниса* (сообщение № 654/2015).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 18496/16 и 2 другие жалобы ***«Эскерханов и другие против России»*** (вынесено 25 июля 2017 г., вступило в силу 25 октября 2017 г.), которым установлено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с ненадлежащим рассмотрением судом жалоб заявителя на постановления о продлении срока содержания под стражей.

Заявитель жаловался, ссылаясь на пункт 4 статьи 5 Конвенции, что его апелляционные жалобы на постановления о продлении срока содержания под стражей рассматривались с задержками.

Европейский Суд установил, что «…[в] данном деле внутригосударственный суд рассматривал апелляционную жалобу заявителя на постановление о продлении срока содержания под стражей…в течение ста одиннадцати дней и апелляционную жалобу на постановление о продлении срока содержания под стражей…в течение семидесяти трех дней» (пункт 46 постановления).

Суд отметил, что «…в данном деле ничто не указывает на то, что заявитель каким-либо образом вызывал отсрочку в апелляционном производстве…[З]начительные задержки при рассмотрении апелляционных жалоб заявителя не могут считаться соответствующими требованию пункта 4 статьи 5 Конвенции о «безотлагательности» (пункты 47–48 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 (пункт 49 постановления)[78].

---

[78] В Верховный Суд Российской Федерации поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, также содержащих констатацию нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с несоблюдением национальными судами надлежащего рассмотрения жалоб заявителей на постановления о продлении срока содержания под стражей. Постановления Европейского Суда по жалобам № 25102/07 и 7 других жалоб ***«Соколова и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г) и № 31044/08 и 9 других жалоб ***«Мулюков и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 12 октября 2017 г.).

Право на справедливое судебное разбирательство

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Соображения Комитета по правам человека от 28 июля 2017 г. по делу *Арсен Амбарян против Кыргызстана* (сообщение № 2162/2012).

Тема сообщения: задержание; судебное разбирательство по уголовному делу.

Вопросы существа: пытки и неправомерное обращение; произвольный арест – содержание под стражей; справедливое судебное разбирательство.

Правовые позиции Комитета: право всех лиц, обвиняемых в уголовном преступлении, быть в срочном порядке и подробно уведомленными на языке, который они понимают, о характере и основании предъявляемых им обвинений, предусмотренное в пункте 3 а) [Международного пакта о гражданских и политических правах], является первой из предусмотренных в статье 14 [Пакта] минимальных гарантий в уголовном процессе. Содержащиеся в подпункте 3 а) [Пакта] конкретные требования могут быть удовлетворены посредством предъявления обвинения устно – если впоследствии оно подтверждается в письменной форме – или в письменной форме при условии, что в информации указан соответствующий закон и предполагаемые общие факты, на которых строится обвинение[79]. С учетом того, что обвинительный акт является ключевым документом в уголовном судопроизводстве, Комитет считает крайне важным, чтобы обвиняемый понимал его содержание полностью и чтобы государство прилагало все необходимые усилия для предоставления ему копии этого документа на доступном ему языке и на безвозмездной основе (пункт 9.2 Соображений).

Комитет напоминает…о том, что право пользоваться бесплатной помощью переводчика, если обвиняемые не понимают языка, используемого в суде, или не говорят на этом языке, в том виде, как оно предусмотрено в пункте 3 f) статьи 14 [Пакта], воплощает еще один аспект принципа справедливости и равенства состязательных возможностей в судопроизводстве по уголовным делам[80]; это право

---

[79] См. Замечание общего порядка № 32, пункт 31.

[80] См. сообщение № 219/1986, *Гедон против Франции*, Соображения, принятые 25 июля 1990 г., пункт 10.2.

действует на всех этапах устного судебного разбирательства и принадлежит как иностранцам, так и гражданам государства[81] (пункт 9.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждения автора по пунктам 3 а) и f) статьи 14 [Пакта] о том, что его брат, родным языком которого является русский, не был в срочном порядке проинформирован о причинах и характере предъявленных ему обвинений на доступном ему языке, не мог понять содержание обвинительного акта, доступного только на киргизском языке, и не получил копию приговора на русском языке. Государство-участник опровергает эти утверждения, заявляя, что для рассмотрения дела был назначен переводчик, а брат автора, его адвокат и переводчик имели доступ к материалам дела. Комитет напоминает, что в соответствии с его практикой причины ареста должны сообщаться на одном из языков, который арестованный понимает[82]…При отсутствии дополнительной информации по этому делу утверждения автора о том, что его брат не мог ознакомиться с обвинительным актом, доступным только на киргизском языке, следует считать достаточно вескими. Таким образом, Комитет приходит к выводу, что представленные факты свидетельствуют о нарушении прав брата автора по пункту 3 а) статьи 14 Пакта (пункт 9.2 Соображений).

Комитет отмечает, что услуги переводчика предоставлялись брату автора на протяжении всего судебного разбирательства, о чем свидетельствуют протоколы слушаний. Таким образом, Комитет приходит к выводу, что представленные факты не свидетельствуют о нарушении прав брата автора по пункту 3 f) статьи 14 Пакта (пункт 9.3 Соображений).

Выводы Комитета: имеющиеся…распоряжении факты свидетельствуют о нарушении государством-участником прав брата автора сообщения, предусмотренных пунктом 3 а) статьи 14 Пакта (пункт 10 Соображений).

См. также вышеприведенное Соображения Комитета по правам человека от 28 июля 2017 г. по делу *Антон Батанов против Российской Федерации* (сообщение № 2532/2015).

---

[81] Замечание общего порядка № 32.

[82] См. Замечание общего порядка № 35 (2014) о свободе и личной неприкосновенности, пункт 26; и сообщение № 868/1999, *Уилсон против Филиппин*, Соображения, принятые 30 октября 2003 г., пункты 3.3 и 7.5.

См. также вышеприведенное Соображения Комитета по правам человека от 28 июля 2017 г. по делу *Фахридин Аширов против Кыргызстана* (сообщение № 2435/2014).

См. также вышеприведенное Решение Комитета против пыток от 31 июля 2017 г. по делу *Рашед Джаидан против Туниса* (сообщение № 654/2015).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобам №№ 37037/03, 39053/03 и 2469/04 ***«Чаушев и другие против России»*** (вынесено 25 октября 2016 г., вступило в силу 25 января 2017 г.), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с несоблюдением принципа публичности судебного разбирательства.

Заявители жаловались, ссылаясь на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, на необоснованность рассмотрения их дела в закрытом судебном заседании.

Власти отметили, что «…[з]акрытый характер судебного разбирательства никак не повредил заявителям, поскольку их приговор был законным, даже если он был скрыт от общественности. Заявители не обжаловали постановление о проведении закрытого судебного разбирательства и не высказали возражений против самого судебного процесса. Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» действительно допускает проведение закрытых судебных разбирательств в случае предъявления обвинений в террористической деятельности во избежание нарушения закона обвиняемыми или их сообщниками, находящимися на свободе» (пункт 18 постановления).

Европейский Суд напомнил, что «…проведение открытых судебных слушаний является основополагающим принципом, закрепленным в пункте 1 статьи 6 Конвенции. Публичный характер судопроизводства защищает стороны по делу от осуществления правосудия втайне, без контроля со стороны общественности; при этом он также является одним из средств поддержания доверия к судам. При осуществлении правосудия, включая судебные разбирательства, легитимность обеспечивается за счет его публичного характера. Обеспечивая прозрачность осуществления правосудия, гласность способствует реализации цели пункта 1 статьи 6, а именно справедливости судебного разбирательства, гарантия которой является одним из основополагающих принципов любого демократического общества по смыслу Конвенции…Гласность имеет большое значение в обычном уголовном судебном разбирательстве,

которое зачастую может затрагивать и опасных лиц, несмотря на сопутствующие проблемы безопасности» (пункт 22 постановления).

Суд отметил, что «[т]ребование о публичном характере судебного разбирательства может иметь исключения. Это явствует из текста пункта 1 статьи 6 Конвенции, который устанавливает, что «пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям ... национальной безопасности в демократическом обществе ... или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо — при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия». Таким образом, иногда может быть необходимо в соответствии со статьей 6 Конвенции ограничить открытый и публичный характер судебных разбирательств, например, в целях защиты безопасности или частной жизни свидетелей или обеспечения свободного обмена информацией и мнениями при осуществлении правосудия» (пункт 23 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что он «…согласен с Властями в том, что гласности судебного разбирательства иногда приходится подчиняться необходимости обеспечения безопасности в зале суда, однако случаи, когда соображения безопасности оправдывают лишение общественности допуска на судебное разбирательство, редки…В настоящем деле ни суд первой инстанции, ни суд кассационной инстанции не привели оснований для закрытия судебного разбирательства для общественности, хотя статья 18 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР обязывает судью делать это. В связи с этим Властям не разрешается изобретать эти основания в Суде» (пункт 24 постановления).

Суд пришел к выводу, что «…по настоящему делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с непроведением публичного слушания» (пункт 25 постановления)[83].

Право на уважение личной и семейной жизни

Комитет по правам человека

[83] В Верховный Суд Российской Федерации поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, также содержащих констатацию нарушения статьи 6 Конвенции в связи с нарушением прав заявителей на справедливое судебное разбирательство по уголовным делам. Постановления Европейского Суда по жалобам №№ 12584/05, 45074/05, 45690/05, 11343/06, 51264/07, 59378/08 ***«Ичетовкина и другие против России»*** и №№22625/07, 14218/08, 12509/09, 3154/11, 21968/12, 16340/13, 30203/13, 69862/13, 28992/14 ***«Климов и другие против России»*** (вынесено и вступило в силу 30 ноября 2017 г.).

Соображения Комитета по правам человека от 18 июля 2017 г. по делу *Н.К. против Нидерландов* (сообщение № 2326/2013).

Тема сообщения: обязательная экспертиза ДНК ребенка, находящегося в конфликте с законом.

Вопрос существа: произвольное или незаконное вмешательство в личную жизнь; надлежащие процессуальные гарантии для детей, находящихся в конфликте с законом.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что…предусмотренное законодательством вмешательство должно соответствовать положениям, задачам и целям Международного пакта о гражданских и политических правах] и быть разумным в конкретных обстоятельствах[84]. Понятие «произвольности» включает в себя элементы неуместности, несправедливости, отсутствия предсказуемости и надлежащей правовой процедуры[85] наряду с элементами разумности, необходимости и соразмерности[86]. Даже несмотря на то, что в обществе защита личной жизни не может быть абсолютной, компетентные государственные органы должны иметь возможность запрашивать только ту информацию, касающуюся личной жизни индивида, получение которой необходимо в интересах общества, как они понимаются в Пакте[87]. Даже в отношении вмешательства, которое соответствует Пакту, в соответствующем законодательстве должны подробно определяться конкретные обстоятельства, в которых такое вмешательство может допускаться. Решение о санкционировании такого вмешательства должно приниматься только конкретным органом, предусмотренным законом, и строго индивидуально[88] (пункт 9.5 Соображений).

Комитет считает, что дети отличаются от взрослых по своему физическому и психологическому развитию и по своим эмоциональным и образовательным потребностям[89]. Как это предусмотрено, среди прочего, в

---

[84] См. Замечание общего порядка № 16 Комитета, пункт 4. См. также постановление по делу
С. и Марпер, пункт 107, в котором Суд заявил, что: «…Основные принципы защиты данных требуют, чтобы сохранение данных было соразмерно цели их сбора и чтобы срок их хранения был ограничен».

[85] См., в частности, Замечание общего порядка № 35 (2014) о свободе и личной неприкосновенности, пункт 12, и сообщения № 2009/2010, *Ильясов против Казахстана*, Соображения, принятые 23 июля 2014 г., пункт 7.4, и № 2081/2011, *Д.Т. и А.А. против Канады*, Соображения, принятые 15 июля 2016 г., пункт 7.6.

[86] См. Замечание общего порядка № 35 Комитета, пункт 12.

[87] См. Замечание общего порядка № 16 Комитета, пункт 7.

[88] Там же, пункт 8.

[89] См. Комитет по правам ребенка, Замечание общего порядка № 10 (2007) о правах детей в рамках отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, пункт 10; и документ CRC/C/NLD/CO/4, пункты 58–59, в котором Комитет выразил

статьях 24 и 14 (пункт 4) Пакта, государства-участники обязаны принимать специальные меры защиты[90]. В частности, во всех решениях, принимаемых в контексте отправления правосудия по делам несовершеннолетних, главным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребенка[91]. Особое внимание следует уделять необходимости защиты частной жизни детей в уголовном судопроизводстве[92] (пункт 9.10 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению аргумент автора о том, что прохождение ею процедуры анализа ДНК представляет собой произвольное вмешательство в ее личную жизнь в нарушение статьи 17 Пакта. В частности, она утверждает, что ни ее возраст, ни характер преступления, за которое она была осуждена, не были приняты во внимание при вынесении генеральным прокурором постановления об анализе ДНК; что постановления о проведении анализа ДНК издаются автоматически без проведения оценки особых обстоятельств конкретного дела и что предмет опротестования не включает само взятие пробы (пункт 9.2 Соображений).

Комитет считает, что сбор ДНК-материала для целей анализа и хранения собранного материала в базе данных, которая может быть использована в будущем в целях уголовного расследования, является достаточно интрузивной мерой и, следовательно, представляет собой «вмешательство» в личную жизнь автора в соответствии со статьей 17 Пакта[93]. Даже если, как указывает государство-участник, профиль ДНК автора был позднее уничтожен в результате нового приговора суда в

обеспокоенность практикой ДНК-тестирования детей, находящихся в конфликте с законом, и рекомендовал государству-участнику запретить практику ДНК-тестирования детей, находящихся в конфликте с законом, и удалять записи о судимости детей, которые были оправданы или отбыли срок наказания.

[90] См. принятое Комитетом Замечание общего порядка № 17 (1989) о правах ребенка и сообщение № 2107/2011, *Бережной против Российской Федерации*, Соображения, принятые 28 октября 2016 г., пункт 9.7.

[91] См. Комитет по правам ребенка, Замечание общего порядка № 10 (2007) о правах детей в рамках отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, пункт 10.

[92] См. *S. and Marper v. United Kingdom*, пункт 124.

[93] Комитет согласен со следующими выводами Европейского Суда по правам человека, содержащимися в его постановлении *С. и Марпер против Соединенного Королевства*, постановление от 4 декабря 2008 г., пункты 72–73: «…Помимо сугубо личного характера образцов клеток, Суд отмечает, что они содержат весьма чувствительную информацию о физическом лице, включая информацию о его или ее здоровье. Кроме того, образцы содержат уникальный генетический код, имеющий огромное значение как для самого этого лица, так и для его родственников». «С учетом характера и объема персональных данных, содержащихся в образцах клеток, их сохранение само по себе должно рассматриваться как посягательство на право на уважение частной жизни соответствующих лиц».

рамках апелляции, Комитет считает, что вмешательство в личную жизнь автора уже произошло. Вопрос заключается в том, является ли такое вмешательство произвольным или незаконным в соответствии со статьей 17 Пакта (пункт 9.3 Соображений).

Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что анализ ДНК, регулируемый Законом об анализе ДНК Нидерландов, преследует законную цель, а именно расследование, уголовное преследование и судебное рассмотрение серьезных уголовных преступлений и защиту прав других лиц, в том числе потенциальных жертв насилия или преступлений на сексуальной почве. Он является соразмерным с учетом того, что он обеспечивает минимальное вмешательство, поскольку образец отбирается наименее инвазивным методом; образец хранится анонимно в течение ограниченного периода времени; эта процедура распространяется только на лиц, осужденных за преступления определенной степени тяжести; и она является необходимой в демократическом обществе, учитывая отсутствие других столь же эффективных средств предупреждения и расследования таких преступлений (пункт 9.4 Соображений).

В данном случае Комитет отмечает, что 18 марта 2009 г. автор была приговорена к 36 часам общественных работ за словесные оскорбления и кражу. В тот же день окружной прокурор постановил провести анализ ее ДНК, и образец ткани был взят 8 апреля 2009 г. Хотя государство-участник предоставило разъяснения в отношении содержания и общего применения Закона об анализе ДНК, оно не привело в свете заявленной государством-участником законной цели причину необходимости проведения обязательного анализа ДНК автора с учетом ее участия в уголовных деяниях и характера этих деяний (пункт 9.6 Соображений).

Комитет отмечает заявление автора о том, что в соответствии с Законом об анализе ДНК постановления об анализе ДНК издаются автоматически в отношении лиц, которые получили наказание в виде лишения свободы, заключения под стражу в исправительное учреждение для несовершеннолетних или альтернативной меры наказания за совершение правонарушений такой тяжести, за которую может быть назначено досудебное содержание под стражей. Государство-участник признало, что Закон предусматривает только ограниченное взвешивание интересов государственным прокурором перед изданием постановления об отборе образца ткани. Комитет…отмечает, что, хотя в соответствии с пунктом 1 b) статьи 2 Закона существуют исключения в отношении анализа ДНК, они сформулированы очень узко и не включают, например, учет возраста правонарушителя, как это было признано государством-участником. Согласно государству-участнику, пункт 1 b) статьи 2 Закона применяется только в исключительных случаях, например когда

соответствующее лицо на практике не может совершить рецидив (например, из-за телесных повреждений) (пункт 9.7 Соображений).

Комитет…отмечает, что этот закон предусматривает средства правовой защиты не в отношении самого отбора образцов ткани, а лишь в отношении определения и обработки данных профиля ДНК того или иного лица. Государство-участник утверждает, что соответствующее лицо может подать ходатайство о вынесении гражданско-правового судебного запрета, оспорив отбор образца ткани на основании того, что, беря образец для целей анализа ДНК, государство совершает противоправное деяние. Вместе с тем государство-участник не доказало, что такое средство правовой защиты было бы эффективным, учитывая, в частности, что отбор образца ткани является «законным» в соответствии с внутренним законодательством. Кроме того, Комитет отмечает, что в случае принятия судом решения об отклонении протеста в отношении обработки данных профиля ДНК того или иного лица, апелляция невозможна (пункт 9.8 Соображений).

Комитет принимает к сведению позицию государства-участника, согласно которой отбор образца ткани связан с весьма незначительным вмешательством в личную жизнь, поскольку образец ткани и профиль ДНК шифруются и хранятся анонимно. Вместе с тем Комитет…отмечает, что образец ткани и профиль ДНК хранятся в случае серьезных преступлений в течение 30 лет и в течение 20 лет в случае менее серьезных правонарушений (пункт 9.9 Соображений).

Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что [Законом об анализе ДНК] не делает различия между детьми и взрослыми, поскольку не существует оснований для того, чтобы проводить юридическое различие между ними в целях предупреждения, расследования и уголовного преследования уголовных преступлений, и что этот закон не противоречит наилучшим интересам ребенка…Как поясняет автор, ее возраст так и не был принят во внимание, в том числе во время всего процесса отбора образца ткани, когда она не была проинформирована о возможности опротестовать отбор образца сотрудником полиции и о том, что она могла сопровождаться ее законным представителем (пункт 9.10 Соображений).

Комитет считает, что, хотя вмешательство в личную жизнь автора не являлось нарушением внутреннего законодательства, оно не было соразмерно законной цели предупреждения и расследования серьезных преступлений. Поэтому Комитет приходит к выводу, что это вмешательство было произвольным и явилось нарушением статьи 17 Пакта (пункт 9.11 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о нарушении статьи 17 Пакта (пункт 10 Соображений).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 20489/07 ***«Уруков против России»*** (вынесено и вступило в силу 6 июня 2017 г.), которым установлено нарушение статьи 8 Конвенции в связи с проникновением сотрудников полиции в квартиру заявителя на основании постановления о его заключении под стражу.

Заявитель жаловался на нарушение его права на уважение жилища из-за проникновения сотрудников полиции в его квартиру.

Европейский Суд отметил, что «…осмотр места жительства заявителя, независимо от его классификации по национальному законодательству и его фактической продолжительности, представляет собой вмешательство в право заявителя на уважение его жилища, гарантированное статьей 8 Конвенции…Не имеет значения для вопроса о вмешательстве то, что эта мера была применена в отсутствие заявителя» (пункт 44 постановления).

Суд установил, что «…в отношении визита сотрудников полиции, касательно которого была подана жалоба, не было вынесено предварительного судебного разрешения такой формы, какой требует Закон об оперативно розыскной деятельности…Вопреки заявлению Властей, постановление о заключении под стражу не разрешало полиции вторгаться в жилое помещение или производить там обыск. Сотрудники полиции взяли на себя ответственность за проникновение в жилище заявителя, чтобы проверить информацию, которую они якобы получили, о нахождении заявителя в помещении» (пункт 45 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «…положения Закона о полиции, упомянутые в качестве правовой основы для обыска дома заявителя, были сформулированы в неопределенных и общих терминах и не могут служить в качестве достаточно предсказуемой правовой основы для вмешательства в настоящем деле…В любом случае, ни одно из исключений, предусмотренных в Законе о полиции, не было применимо: очевидно, что при проникновении в жилище заявителя сотрудники полиции не преследовали подозреваемого или не пытались предотвратить чрезвычайную ситуацию, и не располагали информацией о каком-либо преступлении, которое было совершено в квартире» (пункт 46 постановления).

Суд пришел к выводу, что в настоящем деле было допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции (пункт 48 постановления).

Право на свободу передвижения

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 55382/07 ***«Забелин и Забелина против России»*** (вынесено и вступило в силу 4 октября 2016 г.), которым установлено нарушение статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции в связи с нарушением прав заявителей на свободу передвижения ввиду незаконного изъятия следователем заграничных паспортов заявителей при проведении обыска в связи с привлечением их сына к уголовной ответственности.

Заявители жаловались на то, что изъятие их заграничных паспортов в ходе обыска являлось незаконным вмешательством в их право покидать Российскую Федерацию, гарантированное статьей 2 Протокола № 4 к Конвенции.

Европейский Суд напомнил, что «…пункт 2 статьи 2 Протокола № 4 гарантирует любому лицу право на выезд из любой страны в любую страну по выбору лица, куда ему или ей разрешен въезд. Мера, посредством которой лицо лишено удостоверения личности, к примеру, такого как паспорт, несомненно является вмешательством в осуществление свободы передвижения» (пункт 18 постановления).

Суд отметил, что «[и]зъятие заграничных паспортов заявителей привело к лишению их документов, которые позволили бы им покинуть страну по их желанию и, таким образом, привело к вмешательству в их права, предусмотренные пунктом 2 статьи 2 Протокола № 4» (пункт 19 постановления).

Европейский Суд установил, что «[с]тороны согласились, что для упомянутого вмешательства не имелось оснований в российском законодательстве. Этого достаточно для того, чтобы Суд заключил, что вмешательство не было обосновано и пришел к выводу об отсутствии в необходимости рассмотрения остальных вопросов» (пункт 20 постановления).

Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции (пункт 21 постановления).

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, находятся по адресу:

http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx.

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.